
ОГОНЁК
№ 23 ИЮНЬ 1952
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
СТАЛИН-
ЭТО МИР

Коммунисты Волго-Дона идут в авангарде борьбы за досрочное окончание великой стройки коммунизма. На снимке: коммунисты-строители Красноармейского района Волго-Дона на шлюзе № 2 (справа налево): секретарь партийной организации района Н. А. Семенов, шофер Л. Н. Карагичев, старший десятник шлюза № 2 А. М. Васильев, главный механик бетонного завода В. Ф. Рассахатский, главный инженер ремонтно-механического завода В. И. Лисунов.

Фото А. Гостева

Апрель 1952 года.

На первой странице обложки: Ворота шлюза № 1 Волго-Донского канала.

Рисунок В. Климашина

На последней странице обложки: Маяки у выхода канала в Цимлянское море.

Рисунок В. Высоцкого

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 23 (1304) 1 ИЮНЯ 1952

30-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Счастливого плавания!

Канал прорыт!

От Волги до Дона пролегла водная магистраль пяти морей. По «степным морям» и многим участкам канала идут первые суда.

Совершить первый рейс на катерах строители пригласили пионеров Калачевской средней школы и старого донского казака, ветерана гражданской войны Аникея Борисовича Травянова. Приглашение было принято ими с радостью, и вот гости на борту катера.

Гулко работает мотор. Раздается звук сирены. Катер отходит от пристани.

Главный инженер строительства участка канала «122» Александр Иванович Новиков сопровождает гостей. Вы видите его слева, в группе пионеров. Инженер рассказывает о стройке, говорит о близком дне, когда по водной магистрали пойдут суда и от зари до зари будут перекликаться гудками корабли.

Аникей Борисович Травянов смотрит на канал и говорит:

— Вода! Много воды! А была здесь степь голая, вся в солончаках...

Расходятся в стороны одетые в камень берега канала. Глухо плещут волны, резко кричат острокрылые чайки. Захваченные удивительным зрелищем, умолкают веселые пионеры. Только старый казак размышляет вслух:

— Знакомые места, родные... Тут воевали в гражданскую, — Травянов показывает рукой вдаль, в сторону степи. — Вон там водил я свой красный эскадрон. Здесь били фашистов в Отечественную войну. Тут соединились Донской и Сталинградский фронты... — Травянов приподнимается и показывает пионерам на море в степи, под водами которого лежит земля великих битв. — А теперь новая победа: Волга встретилась с Доном. Вода пришла в степи. И мне на старости привелось быть одним из первых пассажиров на канале.

Канал становится шире. На его берегах чаще встречаются белые и красные судовые знаки, на воде качаются буи. Там, где обрываются берега, видны длинные каменные дамбы и их бетонные «оголовки». На этих округлых оконечностях дамб горделиво возвышаются квадратные башни двух маяков.

Катер выходит за маяки.

— Здравствуй, Цимлянское море! — говорят пионеры. Звуками горна и торжественной барабанной дробью салютуют они творению советского народа.

* * *

Этот номер «Огонька» посвящен окончанию основных работ на Волго-Доне, крупнейшем сооружении современности, первенце великих сталинских строек.

ПОСТУПЬ КОММУНИЗМА

И. ГРИШИН,
секретарь Сталинградского обкома ВКП(б)

С огромной радостью воспримут советские люди весть о пуске Волго-Донского судоходного канала.

Соединить две великие русские реки, открыть прямой путь из волжского бассейна к Черноморью — об этом веками мечтал наш народ. И сегодня невольно приходят на память славные страницы истории.

Здесь, в выжженных солнцем степях междуречья, собирал свою вольницу донской казак Степан Разин, чтобы идти по Волге в поход на царя и бояр. По Волге и по Дону на Азов двигались против турок войско и флот Петра. Под стенами Царицына громили белогвардейцев полки Красной Армии, руководимые гениальным стратегом товарищем Сталиным. Из цехов Сталинградского тракторного мчались на колхозные поля первые советские машины — эти снаряды, взрывающие старый мир. В годы Великой Отечественной войны победа советских войск в Сталинградской битве возвестила закат гитлеровской Германии.

Теперь, в дни мирного созидательного труда, славный город Сталина снова на переднем крае — в первых рядах наступающей армии строителей коммунизма.

Само географическое положение Сталинградской области как бы предопределяет ее место и роль в осуществлении гениального сталинского плана преобразования природы.

Расположенная на крайнем юго-востоке Европейской части Советской страны, наша область первая принимает на себя удары губительных суховеев. Не случайно поэтому 6 государственных лесозащитных полос полностью или частично проходят по территории области. Севернее Сталинграда строится одна из величайших гидроэлектростанций, у южной окраины города берет начало канал между Волгой и Доном — сложнейшее инженерное сооружение, воздвигнутое в невиданно короткие сроки.

Даже в нашей стране, славящейся грандиозным масштабом гидротехнического строительства, даже в ряду таких гигантов, как Днепрострой и Беломорский канал, Волго-Дон занимает особое место. Каждое из перечисленных сооружений решает какую-нибудь одну народнохозяйственную задачу — энергетическую или транспортную. Новый же канал вместе с Цимлянской гидроэлектростанцией являет собой образец комплексного разрешения трех проблем: транспортной, сельскохозяйственной и энергетической.

С вводом в строй судоходного канала между Волгой и Доном завершено создание единой воднотранспортной системы, связывающей все моря Европейской части СССР. Намного возрастает удельный вес водных перевозок в общем грузообороте страны.

Донецкий уголь для промышленности Поволжья, хлеб из районов Северного Кавказа, лес с Урала и Севера для строек Донбасса и Юга, строительные материалы для сооружения Сталинградской ГЭС — таков далеко не полный перечень грузов Волго-Дона.

Грузооборот нового водного пути, определяемый миллионами тонн, в ближайшие 3—4 года возрастет более чем вчетверо. Если до сей поры обмен грузами между районами Волжско-Камского бассейна, с одной стороны, Кавказом и Донбассом — с другой, осуществлялся преимущественно по железным дорогам и только частично с перевалкой на воду, то теперь дешевые водные перевозки выдвигаются на первое место. Использование Волго-Донского пути позволит сократить пробег железнодорожных составов, высвободит сотни тысяч вагонов. Наряду со значительным ростом общего объема перевозок угля, леса, хлеба и других массовых грузов на многие миллионы рублей удешевится стоимость этих перевозок.

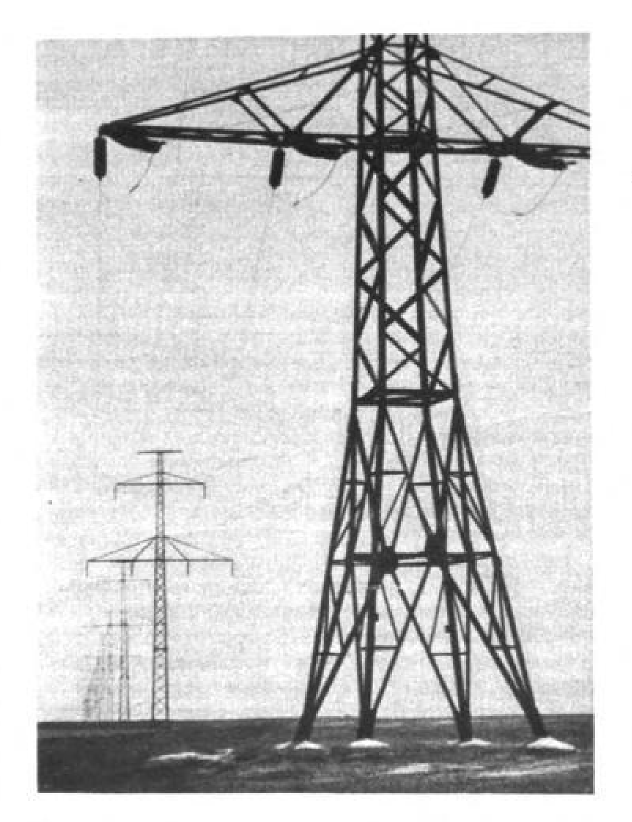
В Цимлянской и Калаче вступают в строй новые речные порты и пристани, оборудованные всевозможными перегрузочными механизмами. Значительно расширяется порт в Сталинграде, восстанавливаются причалы крупнейших промышленных предприятий города: СТЗ, завода «Красный Октябрь» и других.

Для сквозного плавания по Волге, Дону и соединяющему их каналу судостроительная промышленность дает речному флоту множество новых судов, оснащенных по последнему слову техники. Немало волжских и донских пароходов и барж переоборудовано применительно к условиям плавания в открытых озерных плесах Цимлянского, Карповского и других водохранилищ Волго-Дона.

Тысячи советских людей пожелают совершить во время летнего отдыха путешествие по новому каналу. К их услугам комфортабельные теплоходы и дизельэлектроходы, курсирующие между Москвой и Ростовом, между городами Поволжья и Нижним Доном. К открытию пассажирских линий начнут работать новые, красиво оформленные речные павильоны и вокзалы.

На шлюзах и насосных станциях, в портах и районах трудится множество людей самых различных специальностей. В числе их опытные гидротехники с многолетним стажем, молодые инженеры, только что окончившие институты, рабочие-водники, специально подготовленные для обслуживания гидросооружений. Все эти люди пришли на Волго-Дон в последние месяцы стройки, но они уже основательно ознакомились со сложной техникой канала и теперь успешно овладевают искусством управления и эксплуатации. Новый канал вступает в строй как первоклассное социалистическое предприятие.

Решая важнейшую транспортную проблему, Волго-Дон служит вместе с тем делу преобразования природы. Огромные территории юго-востока, искони страдавшие от засухи, теперь в изобилии получат живительную влагу. В южных и западных районах Сталинградской области 150 тысяч гектаров земли становятся орошаемыми и один миллион гектаров будет обводнен. В Ростовской области будет орошено 600 тысяч гектаров и обводнен один миллион гектаров. Обилие влаги на полях и высокая агротехника гарантируют труженикам колхозной деревни хорошие, устойчивые урожаи, не зависящие от капризов природы. Советское крестьянство юго-востока навсегда избавляется от страшной угрозы засухи и недорода.

Над степью протянулись линии электропередачи.

Как показывает опыт научных сельскохозяйственных станций и ряда колхозов нашей области, с каждого гектара орошаемой земли можно будет получать свыше 30 центнеров пшеницы, 200 центнеров картофеля, более 5 центнеров семян многолетних трав и по 12 центнеров хлопка-сырца. Это намного превышает среднюю урожайность в наших колхозах и совхозах за последние годы. При полном освоении всех намеченных к орошению площадей валовой сбор в этих районах возрастет по сравнению с 1950 годом в 3,7 раза.

На орошаемых площадях наряду с хлопчатником, который уже начали возделывать в нашей области, широкое развитие получат лубяные культуры, садоводство, огородничество, виноградарство. Благоприятные климатические условия крайнего юго-востока — ранняя весна, долгое лето и теплая осень — в сочетании с изобилием влаги позволят в недалеком будущем собирать по два урожая в год. Там, где недавно еще жестокие суховеи выжигали степь, на обводненных землях зашумят высокие травы, что позволит значительно увеличить поголовье и продуктивность скота в колхозах и совхозах.

Всего по Сталинградской области воду для орошения и обводнения получат 123 колхоза и 10 совхозов.

Орошение земель водами Волго-Дона связано с новым большим строительством, которое предстоит осуществить в ближайшие годы. В области создаются 33 оросительные системы. В крупнейшей из них — Ергенинской, расположенной в самых засушливых районах по водоразделу Волги и Дона, один только главный оросительный канал протянется на 156 километров.

Огромные массивы колхозных земель получат воду от Южно-Чирской, Аксай-Курмоярской, Генераловской и других оросительных систем. Общая протяженность всех главных распределительных каналов этих систем составит 753 километра.

Чтобы осуществить эту грандиозную программу, намеченную на ближайшие 4 года (1952—1955), понадобится вынуть 45 миллионов кубометров земли, уложить 295 тысяч кубометров железобетона, смонтировать 31 тысячу тонн металлических конструкций.

Для двух оросительных систем — Генераловской и Ново-Аксайской — сейчас уже проведены детальные изыскания и начато строительство каналов; по двум другим системам — Варваровской и Городищенской — идут изыскания; по остальным они начнутся в ближайшее время.

Параллельно со строительством оросительной системы мы заранее готовимся к освоению орошаемых земель. Ученые разрабатывают планы агротехнических мероприятий, новые рациональные приемы полива с учетом всего опыта, накопленного передовиками сельского хозяйства.

Областное управление сельского хозяйства и районные сельхозотделы организуют переподготовку агрономов и гидротехников, колхозы приступают к массовому обучению бригадиров-поливальщиков. Опытные станции выводят и размножают семена высокоурожайных сортов пшеницы, трав и других культур.

Серьезные задачи стоят в области животноводства. Принимаются меры к тому, чтобы обеспечить высокие урожаи трав и других кормовых культур. Значительно улучшатся породы скота.

В прямой связи с подъемом сельского хо-

На берегу Карповского моря. Тракторы подымают целину.

зяйства стоит проблема энергетики. Пуск Цимлянской ГЭС позволяет электрифицировать районы, прилегающие к каналу и водохранилищам. Мощная гидростанция даст энергию не только насосным установкам оросительных систем, но и непосредственно на колхозные поля и животноводческие фермы. Электропахота, электродойка, комплексная механизация наиболее трудоемких работ становятся практическим делом сегодняшнего дня.

Осуществленная советскими людьми по гениальному замыслу товарища Сталина, великая стройка меняет географию и климат огромных территорий, подводит новую базу под сельскохозяйственное производство, создает новые отрасли народного хозяйства в Сталинградской и Ростовской областях. Одной из таких отраслей явится рыбный промысел на Цимлянском море и водохранилищах канала. Уже начаты работы по разведению здесь рыбы. Размер промысла на водохранилищах Волго-Дона в 20 с лишним раз превысит ежегодный лов рыбы на Дону и прилегающих к нему реках и озерах.

Развернуты большие работы по озеленению и благоустройству зоны канала. Вдоль трассы, вокруг шлюзов и пристанских поселков высаживаются десятки тысяч деревьев и кустарников, разбиваются фруктовые сады. Канал будет обсажен специальными лесными защитными полосами. Корабли пойдут по каналу в прохладной тени зеленых аллей.

Безграничны, поистине необозримы перспективы, которые открываются перед народным хозяйством в результате сооружения Волго-Дона — первой стройки коммунизма. Изобилием плодов своих вознаградит обновленная земля советского человека за его титанический труд. Изменится облик колхозных полей и сел, на новой технической и научной базе будет строиться труд советского крестьянина. Для миллионов людей становятся ощутимыми черты близкого коммунистического завтра: обилие продуктов потребления, ликвидация существенных различий между городом и деревней, между физическим и умственным трудом. В этом новом гигантском гидросооружении воплощены величие советского строя, мирные устремления нашего народа, мудрость партии большевиков, светлый гений Сталина.

Волго-Дон был всенародной стройкой. Москва и Ленинград, Урал и Донбасс, сотни заводов, фабрик, научных учреждений участвовали в соединении двух великих русских рек. На протяжении всех минувших лет строительства мы, сталинградцы, чувствовали эту дружескую братскую помощь страны, отеческую заботу о нас партии, правительства и лично товарища Сталина.

С самого начала работ в междуречье Волги и Дона заводы Сталинграда выполняли важные заказы строителей. Подготавливая зону затопления, трудящиеся области перенесли на новые места свыше 9 тысяч крестьянских хозяйств, 71 колхоз, 6 МТС, 727 общественных зданий, 2 крупных районных центра — бывший Верхне-Курмоярский и Нижне-Чирский.

В последние месяцы тысячи сталинградцев участвуют в озеленении прилегающей зоны, строительстве величественной набережной в самом городе, в благоустройстве берегов Волги на огромном протяжении от площадки Сталинградгидростроя до входа в канал.

Великие сталинские новостройки — яркое свидетельство мирных устремлений советского народа. В то время, как лагерь империализма вынашивает гнусные планы истребления человечества, применяет в Корее самые варварские методы войны, страна социализма осуществляет грандиозную программу преобразования природы, ставит все ее богатства на службу народу.

Люди Сталинграда — города вечной славы — горячо одобряют призыв Всемирной федерации профсоюзов объявить 25 июня — вторую годовщину героического сопротивления корейского народа американским захватчикам — днем международной солидарности, днем защиты мира.

Окрыленные верой в торжество нашего правого дела, руководимые партией большевиков, вдохновляемые гением Сталина, советские люди уверенно воздвигают величественное здание коммунистического общества.

Карповское водохранилище

Александр ЯШИН

Вода из Дона здесь взяла подъем
По мощным трубам,
И в степном просторе
За дамбою образовалось море,
Запело, заходило ходуном.

Уже волну нельзя сравнить с донской,
Она звенит, под ветром нарастая,
И хоть вода попрежнему донская,
Но вид и норов у нее морской.

Как небо голубое, широка;
Игрой ее нельзя налюбоваться.
Окраина степного хуторка
Отныне стала набережной зваться.

На море глянул инженер и стих,
Завороженный красотой природы:
В сухую степь продвинув эти воды,
Он сам дивится делу рук своих.

Май 1952 г.
Волго-Дон.

КАНАЛ ПЯТИ МОРЕЙ

Н. ФИЛИМОНОВ,
заместитель главного инженера Волгодонстроя

Речные корабли, открывая первую навигацию на Волго-Донском водном пути, отойдут от новых причалов Сталинграда и отправятся по широко разлившейся Волге. Празднично украшенные суда обогнут закованный в бетон и камень Сарпинский полуостров, минуют волжский маяк, и взору первых пассажиров откроется величественная скульптура И. В. Сталина.

По воле вождя, по его гениальным предначертаниям осуществлено соединение величайшей в Европе реки Волги с Доном. В сталинскую эпоху в нашей стране стало возможным невиданное по размаху и темпам гидротехническое строительство. Отныне, с окончанием сооружения Волго-Донского судоходного канала протяжением в 101 километр, пять морей — Белое, Балтийское, Каспийское, Азовское и Черное — связываются между собой внутренними водными путями. Через всю страну, от Арктики до субтропиков, открывается сквозное движение судов.

Первенец великих строек коммунизма стал своеобразной лабораторией и опытным «полигоном» для испытания и освоения новых, только что созданных машин и механизмов. На Волго-Доне впервые стали работать сверхмощные шагающие экскаваторы «ЭШ-14/65», могучие двадцатипятитонные самосвалы, высокопроизводительные землесосные снаряды, автоматизированные бетонные заводы, бетононасосы и многие другие машины, механизмы, приборы и аппараты.

Накопленный на Волго-Доне опыт использования новейшей техники, созданной отечественной промышленностью, окажет немалую помощь строителям других великих сооружений сталинской эпохи.

Одно из условий успешного решения ответственных задач, поставленных перед строителями партией и правительством,— тщательно продуманная и точно проведенная по плану подготовительная работа. Территория, на которой нужно было в кратчайшие сроки возвести шлюзы, плотины, дамбы, насосные станции, представляла собой зону полупустыни, выжженную солнцем степь без дорог, без воды. Здесь надо было широким фронтом развернуть строительные работы.

Прежде всего началось строительство подъездных путей — степь прорезали железные и шоссейные дороги общим протяжением свыше полутора тысяч километров. Через балки и пересохшие речки построили мосты. За сотни километров подали в степь электрическую энергию. Вдоль трассы будущего канала возвели благоустроенные поселки со школами, клубами, детскими яслями, поликлиниками. Линии связи протянулись через участки и строительные районы Волго-Дона. Если объединить все провода воздушной сети в одну линию, она могла бы опоясать земной шар по экватору. Вытянутый в одну «нитку» подземный и подводный кабель, проложенный по территории Волго-Дона, может протянуться от Москвы до Токио через Владивосток. Сотни тысяч телеграфных и телефонных столбов поднялись на необозримой территории стройки.

Для возведения основных сооружений строители, механизаторы и монтажники вынули и уложили около 200 миллионов кубических метров земли, смонтировали свыше 40 тысяч тонн металлоконструкций. Выполнить такую гигантскую работу в короткий срок можно было лишь с помощью новейшей социалистической техники.

Еще в 1931 году товарищ Сталин говорил: «Думать, что можно обойтись без механизации при наших темпах работы и масштабах производства,— значит надеяться на то, что можно вычерпать море ложкой»... Социалистическая промышленность оснастила строителей первоклассной многообразной техникой. На трассу канала прибыло несколько сот экскаваторов различных марок, среди которых ведущее место заняли шагающие экскаваторы «ЭШ-1» и трехкубовые электрические экскаваторы-лопаты на гусеничном ходу. От Волги до Дона по всей трассе канала работали сотни скреперов и бульдозеров, тысячи автосамосвалов, десятки многоковшовых экскаваторов-планировщиков, кулачковые катки и землесосные снаряды.

Мощность электрических двигателей всех экскаваторов Волго-Дона достигла мощности Волховской гидроэлектростанции. Волго-Дон потреблял столько же электрической энергии, сколько пятнадцать таких больших городов, как Астрахань, Полтава, Житомир. Мощность всех двигателей автомашин и тракторов превысила полмиллиона лошадиных сил.

Волгодонцы полностью механизировали и электрифицировали арматурные и бетонные работы. На Днепрострое в годы первой пятилетки был установлен мировой рекорд укладки бетона: 530 тысяч кубических метров в год, причем за сутки максимально укладывалось 5 400 кубометров. Долгое время этот рекорд считался чудом техники. На Волго-Доне только в 1951 году уложили 2 миллиона кубометров бетона — почти в четыре раза больше, чем на Днепрострое. Интенсивность укладки бетона возрастала из месяца в месяц: сначала укладывали 7 тысяч, потом 8 тысяч кубометров, а когда шел «большой бетон», 6 ноября 1951 года, было уложено за день 12 499 кубометров.

Шестнадцать бетонных заводов день и ночь превращали цемент, щебень, песок и воду в высококачественный и долговечный бетон. Нажатием кнопок на пульте управления приводились в движение транспортерные ленты, автоматические весы, дозаторы, реле времени. Бетономешалки и завод-автомат безостановочно выпускали бетон нужных марок.

Каждая партия бетона тщательно исследовалась и проверялась в лабораториях. Высокое качество работы автоматических заводов и постоянный технический контроль обеспечат долговечность бетонных сооружений.

Кроме автоматических бетонных и камнедробильных заводов, на Волго-Доне построили много других предприятий, изготовлявших арматуру, опалубку, бетонные плиты, битумные материалы, архитектурные детали.

Помимо мощной производственной базы, созданной непосредственно на самой стройке, Волго-Дон имел еще хорошо организованные «тылы», подчас отдаленные за сотни, а порой и за тысячи километров от территории строительства. Каменную крошку везли из Махачкалы, камень доставляли из Пятигорска, от подножья Бештау, из станиц Усть-Быстрянской, Репной и Жирново, Ростовской области; гравий — из Гулькевичского карьера на Кубани; песок — из Дубовки, Сталинградской области. Дни и ночи шли на стройку десятки железнодорожных маршрутов с камнем, щебнем, песком, цементом. По Каме и Волге в летнюю пору сплавляли сотни тысяч кубических метров первосортного строительного леса, заготовленного специальными леспромхозами Волго-Дона.

Свой флот — десятки буксиров и барж с буквами «ВД», крупно выведенными на бортах, свой железнодорожный транспорт — десятки паровозов, сотни вагонов с теми же буквами «ВД» на тендерах и стенах вагонов — таков был размах стройки.

Партийные и непартийные большевики — экскаваторщики и бетонщики, скреперисты и крановщики, каменщики и водители самосвалов, гидромеханизаторы и монтажники — показали образцы умелого, талантливого изучения и освоения новейшей техники. Экипаж сверхмощного экскаватора «ЭШ-14/65» в тесном содружестве с конструкторами машины-гиганта превысил проектные нормы и разработал новую методику выемки грунта без остановки ковша. Инженеры и техники Анатолий Усков, Семен Плеханов, Филипп Клепинин, Василий Гриднев и другие мастера экскавации грунта явили пример творческой дружбы людей умственного и физического труда. По совету экипажа экскаватора конструктор лауреат Сталинской премии Б. И. Сатовский внес немало усовершенствований в конструкцию «ЭШ-14/65», и следующие экземпляры машины выходят с завода более совершенными. Такое содружество механизаторов с учеными и конструкторами может быть только в нашей стране. Каждый рабочий с любовью и вниманием, с рачительностью мудрого хозяина выполняет порученное дело, совершенствует механизмы, вносит рационализаторские предложения, старается как можно лучше, по-новому организовать труд.

Экскаваторщики Василий Торочкин, Евгений Симак, Иван Худяков, Дмитрий Слепуха, Иван Ермоленко и другие мастера стали инициаторами многих патриотических начинаний на стройке. Широко развернувшееся соревнование мастеров экскавации грунта послужило примером для рабочих других профессий. Тысячи строителей включались в социалистическое соревнование за досрочное выполнение обязательств, данных в письме товарищу Сталину.

Великая стройка коммунизма стала замечательной школой для рабочих, инженеров и техников. Поразительно быстро росли люди. За широкое освоение и внедрение новой техники, за разработку новых методов труда многие строители удостоены Сталинской премии.

Впервые в небывало широких масштабах советские инженеры и рабочие заставили воду... строить: 26 земснарядов намыли громадную земляную насыпь длиной в 12,8 километра, шириной в 300 метров и высотой до 35 метров, общим объемом около 28 миллионов кубических метров грунта. Армия землекопов возводила бы подобную плотину не менее 10 лет. Даже применяя экскаваторы, скреперы и самосвалы, пришлось бы строить Цимлянскую плотину три года.

Мощная стена из земли и бетона перегородила Дон, остановила его течение, собрала донские воды в чаше Цимлянского моря. 15 января 1952 года началось закрытие донных отверстий в бетонной водосливной плотине. Этот день и нужно считать днем рождения нового, еще не нанесенного на географические карты моря, искусственно созданного советским человеком.

На трассе нового водного пути 1 февраля заработала Карповская насосная станция. Она подняла донскую воду на высоту 13 метров. Затем вступила в строй Мариновская насосная станция, которая подняла воду на следующую ступень трассы — на 20 метров, и тогда образовалось второе за Карповским водохранилище — Береславское. В апреле заработала третья насосная станция, и появилось третье водохранилище — Варваровское, расположенное на самой вершине водораздела между Волгой и Доном. Отсюда донские воды самотеком идут по шлюзам «волжской лестницы» в Волгу.

Совсем недавно воды Дона слились с волжскими. Начался пробный пропуск судов через шлюзы.

Завершен героический труд советских людей. Усилия всей страны воплощены в громадные шлюзы, мощные насосные станции, плотины, архитектурное оформление которых ярко отображает героику социалистического труда.

Небывалые темпы строительства гигантского сооружения свидетельствуют о несокрушимой силе и мощи Советской страны, о миролюбивых планах нашего народа, создающего под водительством большевистской партии Ленина — Сталина материально-техническую базу коммунистического общества.

ПЕРЕД ПОДЪЕМОМ ФЛАГА

Е. РЯБЧИКОВ

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА и А. ГОСТЕВА

Специальные корреспонденты «Огонька»

Только поднявшись на самолете, можно охватить взором гигантскую территорию великой стройки коммунизма. Под крылом — геометрически точно, строго и красиво прочерченные линии водной магистрали, искусственно созданных морей, плотин и дамб. По всей трассе виднеются берега, закованные в бетон и камень, башни монументальных шлюзов, величественные здания насосных станций, уходящие вдаль зеленовато-серые бетонные причалы.

С особым волнением всматриваешься в очертания только что созданного, самого молодого моря — Цимлянского. Строители называют его сердцем Волго-Дона, и это правда. Не будь этого моря, Дон, своенравно и бесполезно сбрасывавший по весне основную массу своих водных запасов в Азовское море, не мог бы питать водой судоходный канал, оросительную систему и вращать стальные лопасти турбин Цимлянской ГЭС.

Чтобы скопить огромные массы воды и разумно, по плану расходовать их в течение всего года, чтобы вдохнуть жизнь в турбины, оросительные каналы и привести в действие транспортную магистраль пяти морей, и была возведена в рекордно короткие сроки грандиозная Цимлянская плотина. Напомним: длина ее — 13,5 километра, на протяжении в 12,8 километра она построена из донского песка.

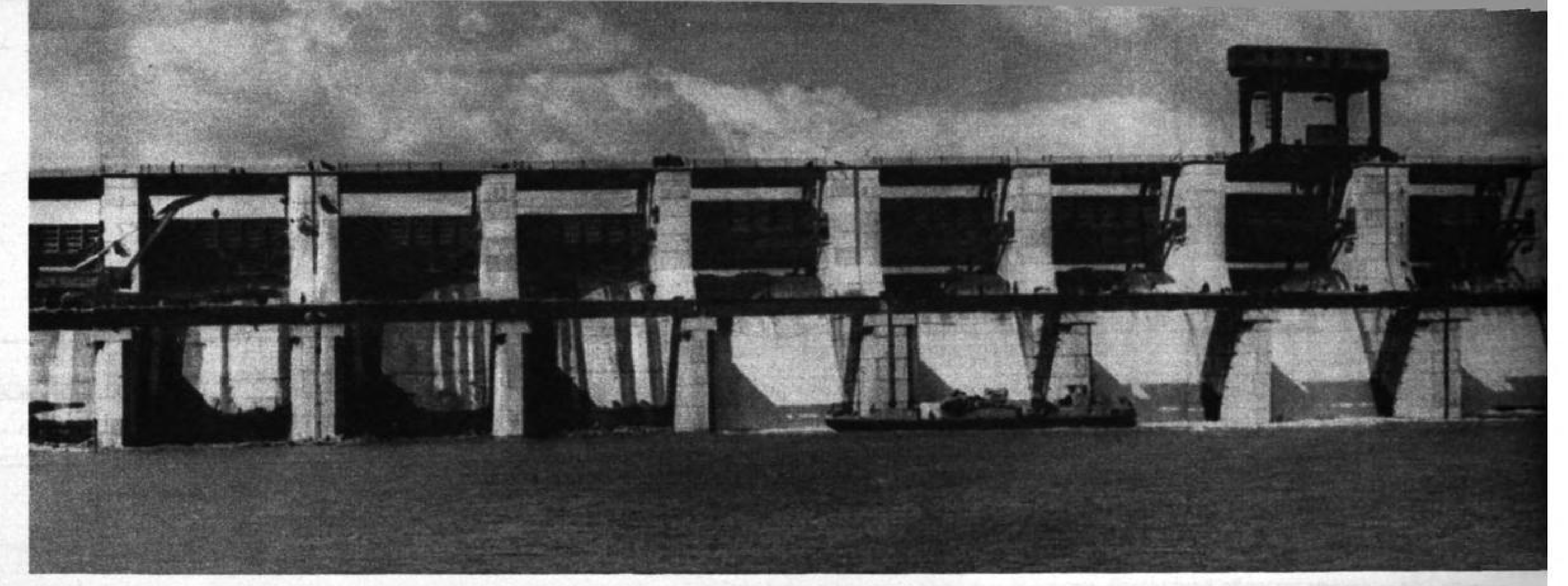
В техническом отчете Волго-Дона есть снимок, который был сделан еще в ноябре 1950 года. На нем мы видели перепаханную экскаваторами, земснарядами и скреперами строительную площадку. Здесь готовили котлован, в котором должна была вырасти бетонная часть плотины. О темпах великой стройки, о мощной ее технике, которой страна оснастила строителей, о замечательной организации всех работ можно судить, сопоставив этот снимок с другим, сделанным в мае нынешнего года. Колоссальная плотина перерезала займище, остановила течение Дона, собрала его воды в огромной чаше Цимлянского моря.

Цимлянская плотина «подпирает» море, выдерживает его могучий напор, выполняет еще много различных обязанностей — в ней находится здание гидроэлектрической станции, а поверх плотины проложены железнодорожная магистраль и автострада.

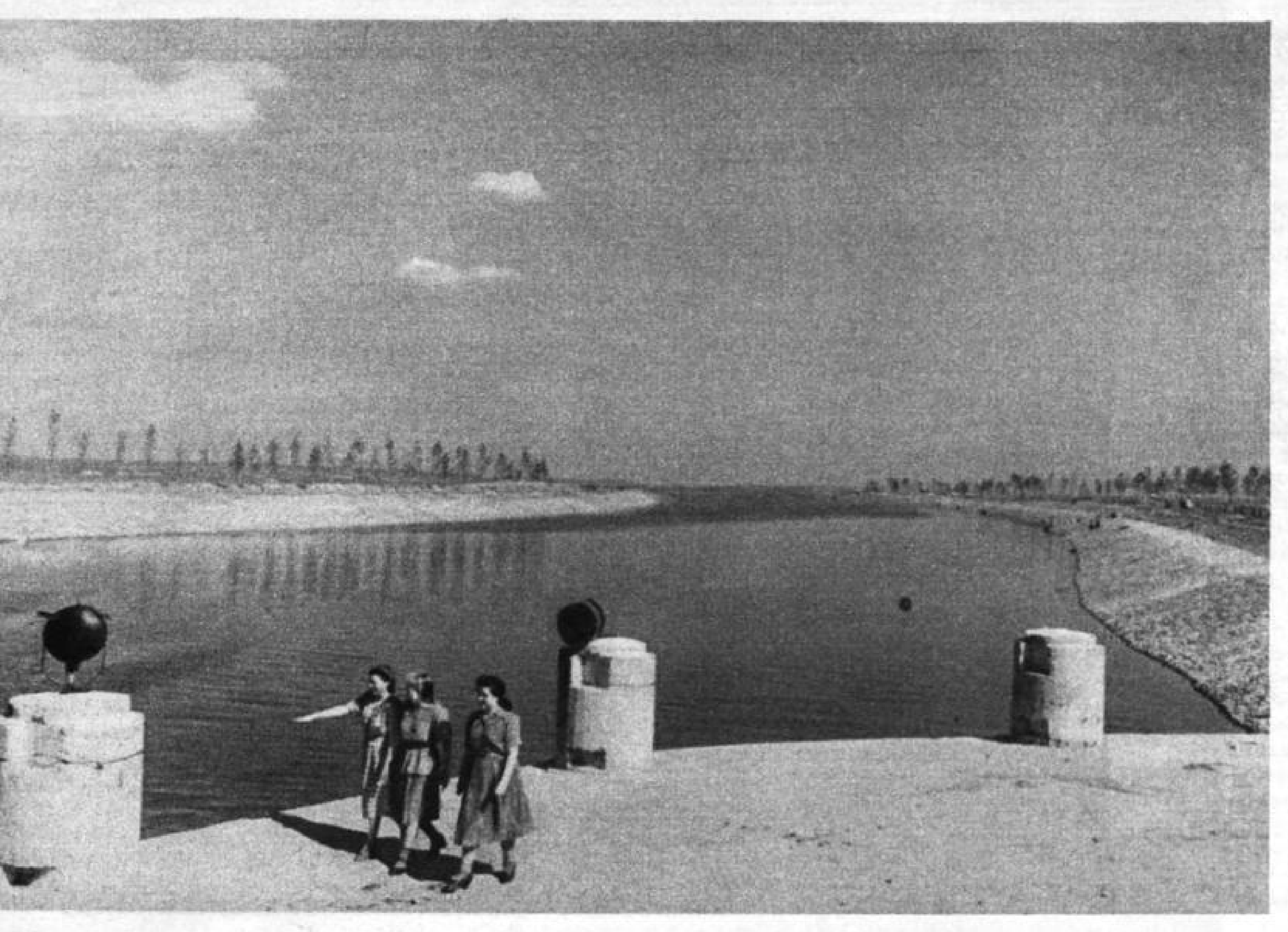

Канал прорыт...

Заканчивается архитектурное оформление шлюзов.

Цимлянская плотина преградила течение Дона, образовала Цимлянское море.

Береславский участок Волго-Донского судоходного канала.

По Цимлянской плотине проложен железнодорожный мост.

В машинном зале ГЭС, где все сияет и сверкает мрамором, никелем и сталью, установлены мощные турбины. Ходишь по залу и слышишь отдаленный шум воды: бешеные, бурлящие потоки, вырвавшись из моря, вращают лопасти рабочих колес, приводят в движение генераторы, затем выходят в нижний бьеф и устремляются в низовья Дона. Несколько таких рек, как Москва-река, будут ежесуточно протекать через отверстия агрегатов ГЭС. Неукротимая энергия Цимлянского моря превращается здесь в энергию электрическую.

Совсем недавно стройка получала энергию из Донбасса, чуть ли не от самого Днепрогэса. Уже скоро по тем же высоковольтным линиям передач электрическая энергия пойдет на шахты и промышленные предприятия Донбасса, на заводы и фабрики Ростова, Воронежа и Липецка. Силой турбин будут пользоваться насосные станции оросительной системы, шлюзы и насосные станции водного пути, МТС, электрифицированный транспорт.

Сейчас, когда пишутся эти строки, на Цимлянской плотине ведутся отделочные работы, заливают асфальтом последние метры автомобильной трассы, прокладывают последние звенья стальных рельсов железнодорожного пути, высаживают цветы, устанавливают скульптуры, архитектурно оформляют башни четырнадцатого и пятнадцатого шлюзов, пускают одну за другой турбины.

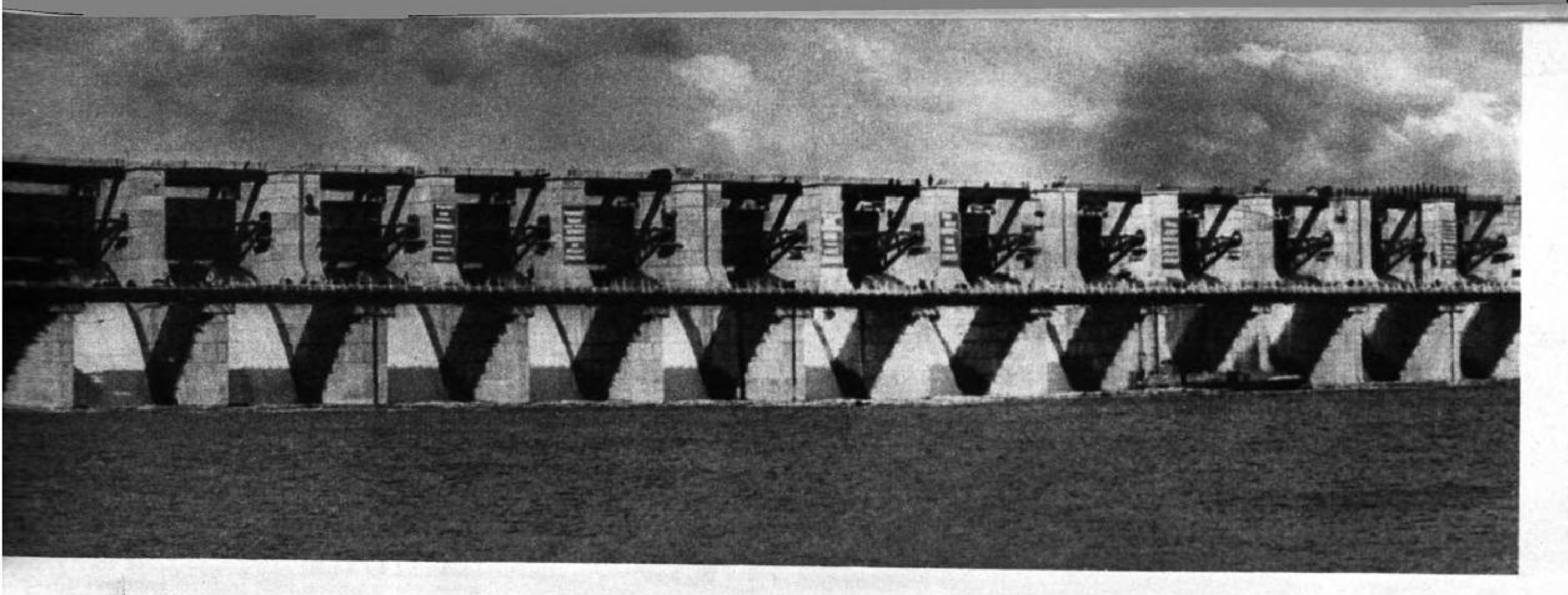
Знаменитый электросварщик Алексей Улесов только что закончил последнюю сварку арматурных конструкций, на которых будут установлены скульптурные украшения. Кажется, это было вчера, когда Улесов вместе с Федором Шацким, Зоей Поляковой, Марусей Болдыревой и многими своими друзьями-товарищами сваривал арматурные конструкции и фермы в блоках сооружений. Золотистые огни сварочных аппаратов вспыхивали где-то глубоко внизу, среди густого сплетения стальных конструкций. А теперь залитые бетоном блоки уже скрылись под толщей вод, и Алексей Улесов, поднявшись на самую высокую часть плотины, в последний раз рассыпал огненный дождь искр, выключил ток, снял электроды и поднял над головой щит с темным стеклом. Мы увидели веселое, довольное лицо сварщика.

— Вот и все, — сказал Улесов. — Теперь пора на другую стройку!

* * *

Каждое утро на столе начальника строительства Цимлянского гидроузла Василия Арсентьевича Барабанова появляется рапортичка о «работе» моря. Многочисленные водомерные посты, гидрологические створы по нескольку раз в сутки передают в Цимлянскую гидрометеорологическую обсерваторию сведения о состоянии уровня моря. Все эти бесчисленные сведения, научно осмысленные, проанализированные, превращаются в колонки скупых цифр.

— Мы уже скопили в чаше Цимлянского моря миллиарды кубических метров воды, — говорит Василий Арсентьевич. — Так называемые «взломные» и «теплые» воды, обычно бесполезно уносившиеся в Азовское море, остались в нашем распоряжении. Мы можем управлять ими по своему усмотрению.

Первые суда идут к причалам с Цимлянского моря.

Барабанов подходит к карте-схеме Волго-Дона, ведет по ней карандашом и показывает «потребителей» воды Цимлянского моря.

— Большое количество воды потребляет оросительная система, — рассказывает В. А. Барабанов. — Как известно, в этом году уже орошается сто тысяч гектаров засушливых земель в Ростовской области. В то же время мы должны постоянно поддерживать уровень воды в нижнем течении Дона и пропускать туда миллионы кубических метров воды.

Острие карандаша движется по карте-схеме и останавливается на условных обозначениях маяков у входа в канал со стороны Цимлянского моря.

— Вот у нас большой, главный потребитель воды, — Барабанов нажимает карандашом на очертания устья канала. — Миллионы кубометров! Забирает канал воду круглосуточно. — Карандаш движется от Дона к Волге, и по мере его хода В. А. Барабанов рассказывает: — Машинным способом — с помощью трех насосных станций — воды Дона подаются по трем гигантским «ступеням» водохранилищ на водораздел между Доном и Волгой. Отсюда, с водораздела, вода идет к Волге самотеком, по системе девяти шлюзов так называемой «Волжской лестницы». Судно может преодолеть водораздел только с помощью шлюзов, которых на судоходном канале тринадцать. Каждое шлюзование — расход воды. Между тем в летнюю пору поступление воды в Дон почти прекратится, и нужно уже сейчас накопить ее в таком количестве, чтобы обеспечить плановое, уверенное снабжение «потребителей».

— Что делается сейчас на море и плотине?

— Море создано, — отвечает Барабанов, — проложен судовой ход. Специальные тральщики очистили этот ход от потонувших деревьев и хвороста. На море и берегах установлена необходимая обстановка — плавучие буи, створные знаки. В Цимлянском порту заканчиваются последние приготовления — готова стальная причальная стенка, установлены портальные краны, построены склады, проведены железнодорожные подъездные пути. Шлюзы — четырнадцатый и пятнадцатый — испытаны и готовы принять суда. На плотине ведутся отделочные работы. Теперь мы заняты посадками деревьев, цветов, имеем дело со скульпторами, архитекторами, ихтиологами и моряками, говорим не только о бетоне и выемке земли, но и о причалах, грузах, кораблях, пассажирах, о расходе воды.

☆ ☆ ☆

На великой стройке было несколько этапов. Первый известен под названием «большая земля»: в сталинградских и задонских степях на бескрайней территории широким фронтом развертывались земляные работы. Всюду грохотали экскаваторы, бульдозеры, скреперы, потоками двигались караваны самосвалов. Потом пришла пора «большого бетона»: от автоматических бетонных заводов нескончаемыми вереницами шли бетоновозные машины. Бетон укладывали в невиданном количестве. Параллельно наступила пора «большого монтажа»: плечо к плечу с арматурщиками и бетонщиками стали работать монтажники. Комплексная работа по совмещенному графику принес-

Калачевский порт.

ла поразительные результаты. Теперь идет время «большой воды».

Вода прошла большой и сложный путь от Дона до Волги. Могучие насосы накачали сотни миллионов кубических метров воды в «степные моря», подали в канал, шлюзы, и теперь стройка обрела новые черты, стала уже не стройкой, а водной магистралью.

«Большая вода» всех подгоняет, всех торопит, стучится во все ворота шлюзов, властно требует действий. Полноводная, мощная, искусственно созданная советским человеком река уже несет на своих волнах первые суда. По Карповскому морю, по Береславскому и Варваровскому водохранилищам ходят теплоходы, через канал передвигаются паромы, в жаркий день берега усыпаны купальщиками, а поутру видишь, как выходят в море колхозные рыбачьи лодки. Но они только вестники настоящей, большой навигации.

В Сталинграде заканчивается сооружение широкой парадной лестницы к новым причалам. От них отойдут суда, взяв курс к каналу. И днем и вечером по ступеням каменной лестницы сталинградцы идут к причалам посмотреть, что там делается, скоро ли появятся грузовые суда, прибывшие с Дона, с Азовского и Черного морей.

Тысячи и тысячи людей с нетерпением ждут открытия Волго-Донского водного пути. Вот появилось расписание движения теплоходов, и около него толпа. Волго-Донское пароходство объявляет о скором открытии транзитных линий: Москва — Ростов общей длиной в 3 267 километров, Сталинград — Ростов длиной в 702 километра, Ростов — Каменск, Лиски — Павловск, Сталинград — Калач, Ростов — Соленовск, Ростов — Константиновская, Ростов — Веселый.

Расписание читают вслух, обсуждают, какие будут ходить суда, сколько продлится путь по каналу, смогут ли пассажиры все увидеть засветло и верно ли, что на Цимлянском море будут штормы.

Ощущение близости больших и радостных событий сопутствует вам на каждом шагу. Сталинградцы спешат построить и украсить пристани, лестницу, озеленить большую территорию речного вокзала; на автомобильной трассе от центра Сталинграда до Красноармейского района города-героя возводят сейчас летние павильоны для пассажиров, ставят красивые мачты с матовыми светильниками, вдоль автострады появляются указатели к шлюзам и к строительным районам канала.

Весенняя Волга принесла свои вешние воды к входу в канал, затопила Сарпинский полуостров, и стал он уже островом. Под водой очутилось основание Волжского маяка, установленного на оконечности острова. Около башни маяка стоят баржи — с них подавали строителям материалы. Но вот спали строительные леса с маячной башни, и с ее вершины падает ночью длинный луч.

Волжские воды подошли вплотную и к самому шлюзу № 1. Земснаряд недавно перерезал земляную перемычку, ограждавшую шлюз от Волги, и река вошла в камеру шлюза.

Увенчанный триумфальной аркой, первый шлюз выглядит празднично, торжественно, словно обращается он к волжским судам: «Добро пожаловать!»

Вода, пришедшая из Дона, заполнила камеры второго, третьего и всех остальных шлюзов «Волжской лестницы». С их точеных башен сбрасываются последние строительные леса. Чугунная вязь решеток, бронзовые украшения, барельефы на белых пилонах, легкие колоннады — чередой проходят гидротехнические сооружения, надевающие свой светлый архитектурный наряд.

На парапетах шлюзов, на бетонных пирсах, в зданиях управления, за пультами несут первую вахту речники. Их белые кители и фуражки, блистающие золотом погоны вызывают ощущение праздничности, и невольно смотришь вдаль, ожидая, когда придет корабль.

...Только что совершили мы плавание на быстроходном катере. Суденышко то входило в шлюзы, то, вздымая пенистые волны, мчалось вдоль каменных берегов, осененных густой зеленью. Мы видели белые дома новых городков и поселков, бетонные громады сооружений и вдруг на берегу «Степного моря» заметили верблюдов. Стояли они вблизи воды и как будто с удивлением смотрели на море. Еще недавно «кораблям пустыни» приходилось надолго запасаться водой, чтобы не погибнуть в раскаленных степях. Теперь вода пришла в полупустыню...

Запомнился и другой эпизод. Внезапно поднялся горячий ветер. Стало невыносимо душно. Черные тучи песка летели из степи. Померкло солнце. Капитан закрыл окна рубки, но потоки песка залили стекла, заструились по ним, пыль забивалась в глаза, уши. Вскоре обессиленный смерч, растратив силы, обрушил песок в море и растаял.

— Вот вам наглядный пример победы над природой, — сказал капитан, открывая окна рубки. — Вода и лесные полосы встали надежным заслоном на пути черных бурь и пыльных смерчей.

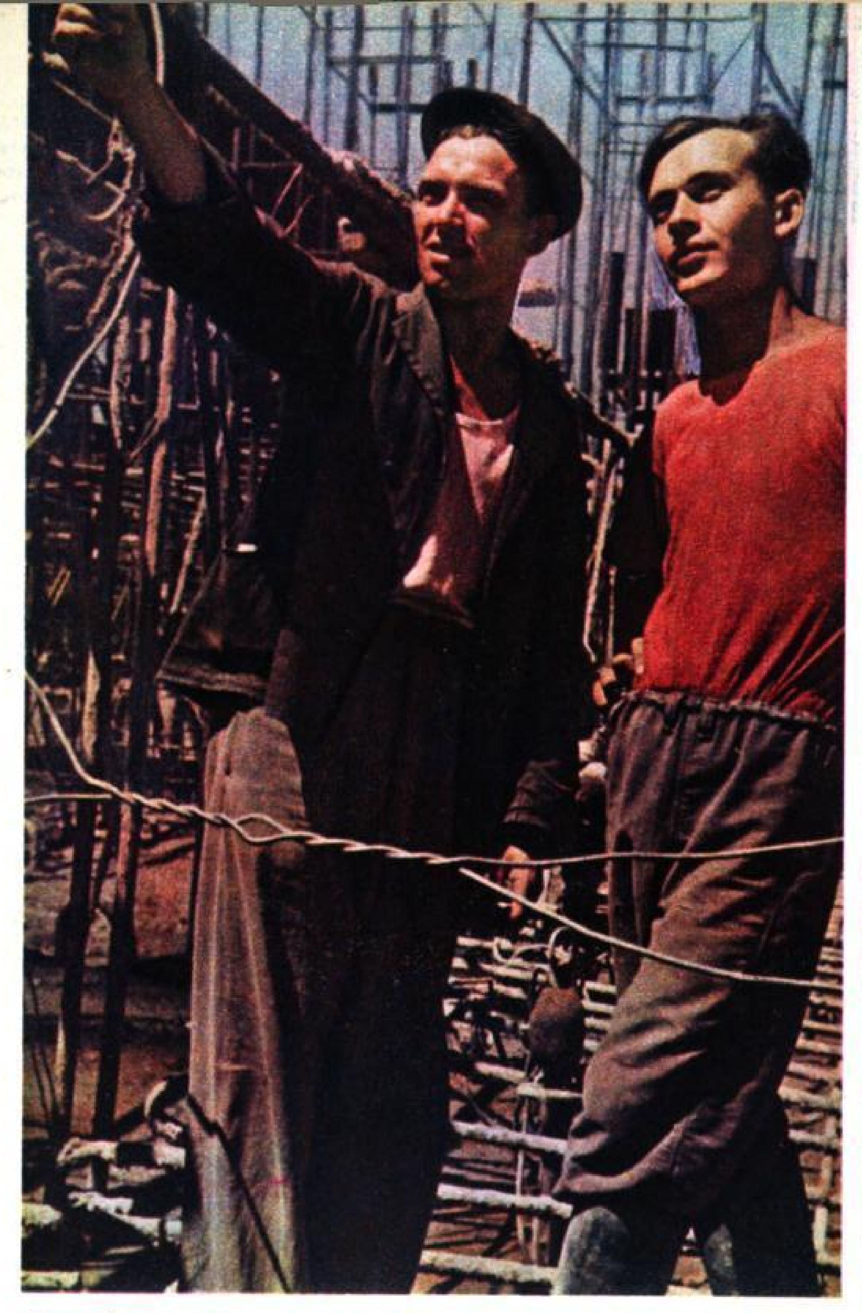
* * *

Сейчас ночь, легкая, южная, теплая. Стоим на маяке и смотрим на яркий луч, вырывающий из тьмы то очертания каменных берегов, то громаду шлюза, то стоящее на якорях лоцманское судно. Не слышно гула и рева шагающих экскаваторов, взрывов, лязга металла. Чуть плещут волны, вдали кричит ночная птица, с моря доносится протяжный гудок корабля.

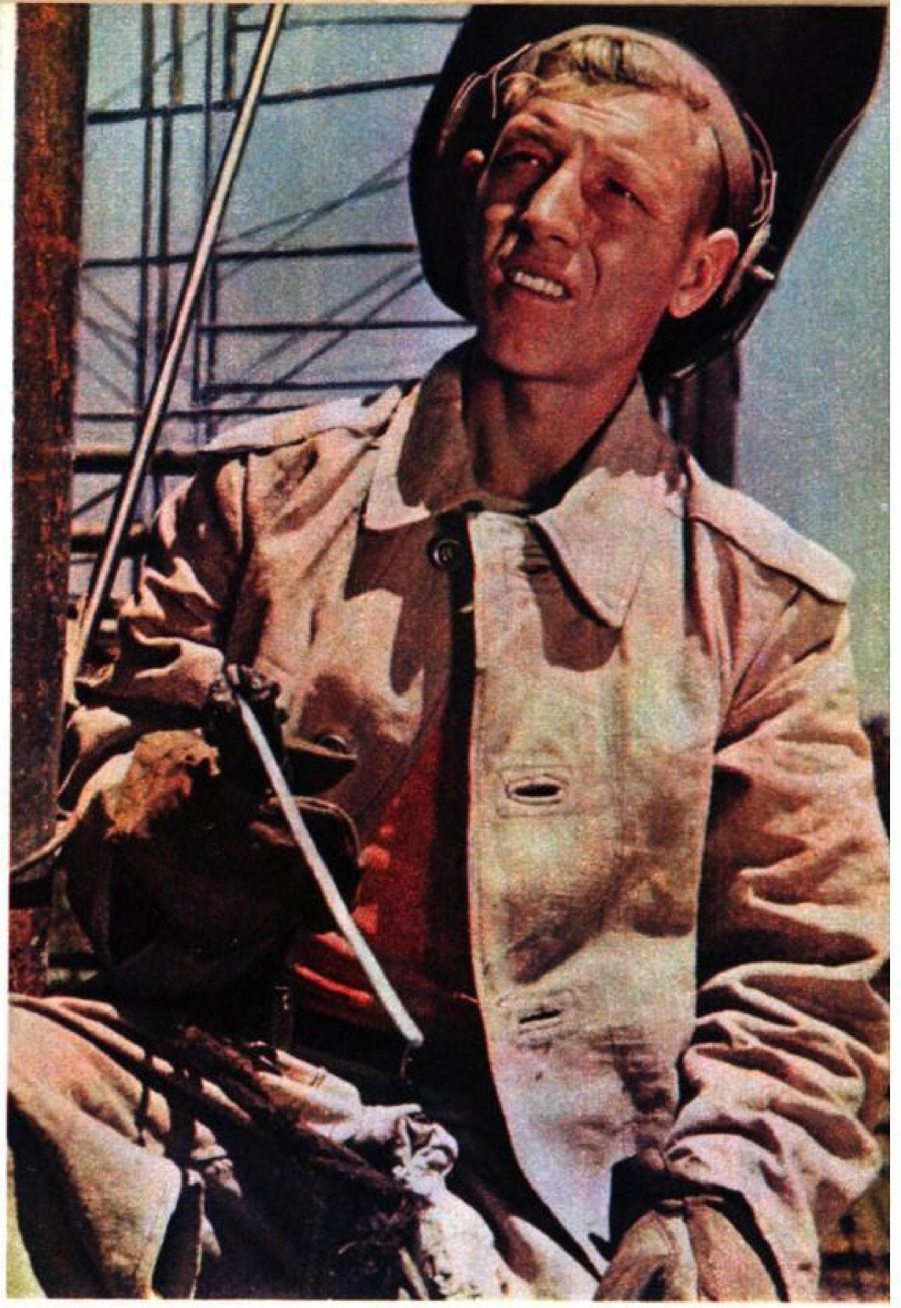
Смотришь в ночь и видишь созвездия великого водного пути: горят огни пловучих буев, маяков, створных знаков. Мигают, переливаются золотом веселые огни, зовут и манят вперед, в завтра. И уже чудится другая ночь, когда к бесчисленным огням канала прибавятся золотые звездочки движущихся грузовых судов, когда зычно, торжественно загудят теплоходы.

События на Волго-Доне развертываются с поразительной быстротой. От них отстают даже производственные листки, «молнии» и передачи местных радиоузлов. С упоением, с героическим воодушевлением работают гранитчики и монтажники, лепщики и штукатуры, садовники и архитекторы. В последние дни устанавливаются поразительные рекорды, каких не знала раньше даже эта великая стройка.

Близок час, когда после тщательной проверки каждого гидротехнического сооружения, каждого участка канала будет объявлена готовность № 1. И тогда от шлюза к шлюзу прокатится весть: с Волги вышло первое судно, принимайте его, встречайте!

Прораб первого комсомольско-молодежного участка Цимлянской плотины Г. Р. Нестуля (слева) и студент Ленинградского института инженеров водного транспорта Евгений Измайлов, проходивший практику на строительстве.

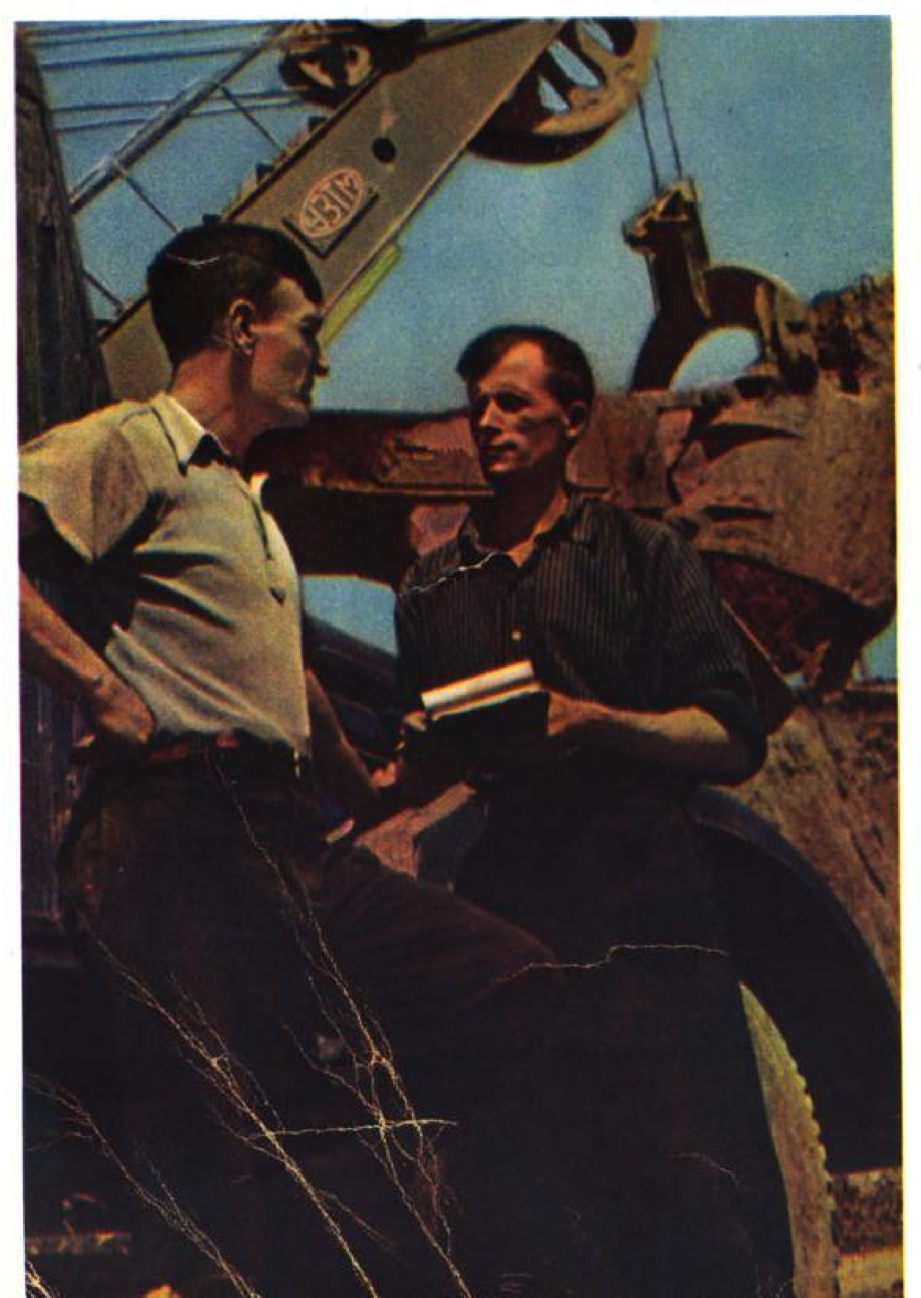

Один из лучших электросварщиков строительства Цимлянского гидроузла Федор Шацкий.

Фото Б. Небылицкого

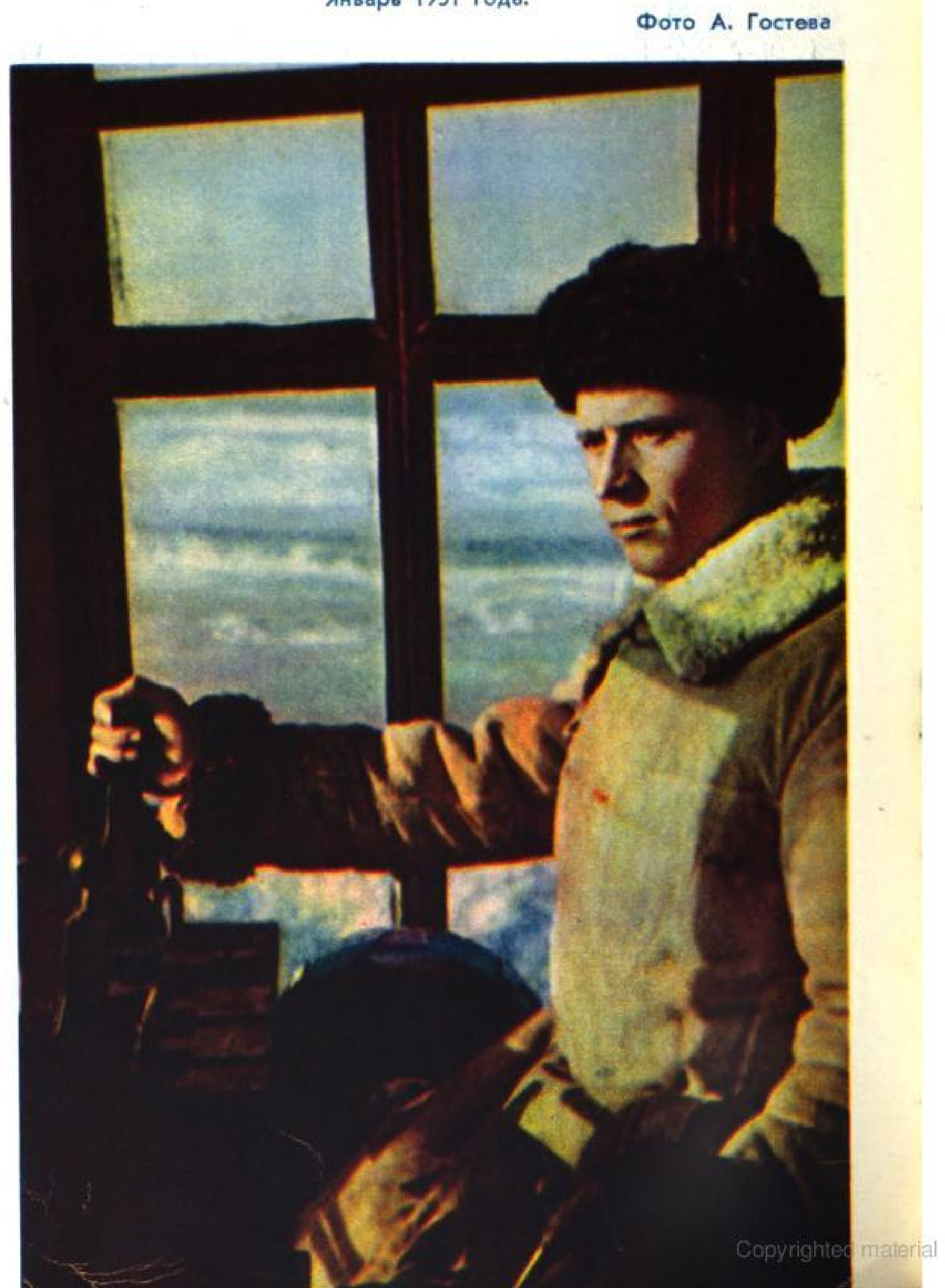
Так выглядели арматурные конструкции, установленные в блоках водосливной плотины Цимлянского гидроузла в июле 1951 года.

В в е р х у: автоматический бетонный завод Цимлянского гидроузла. Июнь 1951 года.

Инициаторы работы по совмещенному графику экскаваторщиков и водителей самосвалов шофер М. И. Махонин (слева) и экскаваторщик Н. Ф. Иванов. Июнь 1951 г.

Фото Б. Небылицкого

В н и з у: знатный экскаваторщик Донского района Николай Лукин. Январь 1951 года.

Фото А. Гостева

Сталинградские стихи

Александр ПРОКОФЬЕВ

1. БЕССМЕРТИЕ

Мне не отвести, товарищ, взгляда
От земли бессмертной Сталинграда.

От следов бесстрашия крутого,
От ее величия простого.

От земли родной, земли упрямой,
От ее солдатских славных шрамов!

☆ ☆ ☆

Песня! Ты иди со мною рядом
По земле бессмертной Сталинграда.

По земле, любимой всеми, братской,
По железной, подлинно солдатской,

Той, с которой в битвах насмерть встали,
По которой шел товарищ Сталин!

☆ ☆ ☆

Труд сметает всякие преграды
На земле бессмертной Сталинграда.

Там, где степь потрескалась от зноя,
Говорит теперь волна с волною.

Волго-Дон грохочет через шлюзы:
— Я служу Советскому Союзу!

2. БУДУЩЕЕ

Два теплохода из Комарно
Погожим летним днем
Пройдут великим, легендарным,
Нехоженым путем.

С ним все в степи переменилось,
Все льнет теперь к нему.
Они пройдут водой, что снилась
Народу моему!

Два теплохода из Комарно
Флотилью поведут,
И с ними труд пройдет ударный,
Величественный труд.

Мы их привет, страна родная,
Передадим волнам,
И гул промчится до Дуная
И вновь вернется к нам.

Но что с ним сталось, что с ним сталось!
По-чешски кто поет!
А это Прага отозвалась,
Дунай в ладони бьет!

Пройдут каналом теплоходы
От Волги к Дону вдаль.
Он создан волею народа,
А воля — это сталь!

3. ТЕПЛОХОД ЗАХОДИТ В ВОЛГО-ДОН

Он по-особенному как-то
Зашел на пять минут всего.
Два земснаряда да брандвахта
Смотрели в воду до него.

Но все померкло и поблекло,
Когда вдруг появился он,
Когда канал в каютных стеклах,
Как в зеркалах, был отражен!

И он проплыл такой красивый,
Труда и мира знак и весть,
Что вам, строители, спасибо
Сказали все, кто были здесь.

4. ВОЗЛЕ ШЛЮЗА

Нам повезло второго мая:
Недаром мы пришли сюда.
Нас не лукавая —
прямая
Радушно встретила вода.

И от нее трава заволгла,
К ней ветер мчит со всех сторон...
— Что это — Волга!
— Нет, не Волга!
— Что это — Дон!
— Нет, Волго-Дон!

Мы на моторке к Дону вышли,
Дон поворачивал на юг...
Нас трое — скажем прямо — пришлых,
А местный — Юра Кирилюк.

Ну, он такой, как все подростки,
Но из семьи Кирилюков
Он первый, кто надел матроску
И вышел к доле моряков!

И, может, мнится Юре флагман,
Идущий с севера на юг.
И кто-то спросит:
— Кто здесь главный!
А главный — Юра Кирилюк!

Междуречье

Бронислав КЕЖУН

1. СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК

По берегам великих наших рек,
Огнями ГЭС гоня ночную тьму,
Идет простой советский человек,
И все на свете по плечу ему:

Коль нет в степях живительной воды,—
Водой каналов степи оживить,
Коль нет в песках садов,— взрастить сады,
Коль движутся пески,— остановить!

2. ШОФЕР

Родную землю защищая грудью,
Он здесь, под Сталинградом, воевал.
Водитель самоходного орудья,
Теперь он водит автосамосвал.

Как прежде, он в пути, в поездках вечных,
И на кабине, с левой стороны,
Горят рубины звезд пятиконечных,
Как на щите орудья в дни войны.

3. СКВОЗЬ ГОДЫ

...Лампас голубой Волго-Дона...
В. Маяковский

Тень крыльев широких степями плывет,
А там, в синеве небосклона,
Рокочут моторы: летит самолет
Над трассою Волго-Дона.

А воды в канале на всю глубину
Сверкают под солнцем, как плавка.
Мелькают районы: Калач-на-Дону,
Мариновка и Береславка.

И Водоразделу начаться пора:
Вот шлюз, его номер — девятый.
Знакомое место: не здесь ли вчера
Работал гигант-экскаватор!

А ныне двухтрубный гигант-теплоход
Идет в шлюзовые ворота...
С восторгом глядит из кабины пилот,
Сияют глаза у пилота...

Вот так же, друзья, Маяковский был рад:
В размах наших строек влюбленный,
Он видел еще четверть века назад
Лампас голубой Волго-Дона!

4. ВОЛНЫ

В Цимлянском море нынче непогода,
Суда в затонах прятаться должны:
Крутя и пеня, ветер гонит воду,
Взмутив ее до самой глубины.

Один лишь ветер свищет на раздолье,
Одни лишь волны ходят ходуном...
Морского дна не видно. А давно ли
Мы были здесь — на самом дне морском!

Страницы истории

И. СКАЧКОВ,
инженер-строитель

Речной экспресс, идущий из Москвы в Ростов, обязательно повстречается на нижнем Дону с небольшим, неказистым на вид судном. Медленно шлепая по воде плицами громоздких колес, оно проплывет мимо современного красавца-экспресса как живое напоминание о прошлом. «Москва»,— прочитают пассажиры экспресса на низких, потертых бортах старого парохода и, возможно, подумают с улыбкой: «А много, должно быть, повидала на своем веку эта посудина!»

Да, большую жизнь прожил пароход «Москва». И я не случайно упоминаю о нем именно в эти дни, когда весь народ наш торжественно отмечает завершение строительства Волго-Донского канала.

Пятьдесят два года назад я, сын ростовского грузчика, был зачислен в команду парохода «Москва», принадлежавшего тогда акционерному обществу «Волго-Дон». Хозяева этого коммерческого предприятия были далеки от гидротехнического строительства. Они просто эксплуатировали дешевый водный путь по двум великим русским рекам. По Волге возили бакинскую нефть, каспийскую рыбу, камский лес, хлеб. В Царицыне груз переваливали на железную дорогу, доставляли в Калач и оттуда спускали водой к Азовскому морю — на экспорт. Флотилии деревянных барок самосплавом прибывали к Ростову. После выгрузки барки разбирали на дрова. На верхнем Дону вырубались леса, река мелела, обнажая бесчисленные перекаты. Меньше затрат, больше прибыли — таков был девиз хищников-купцов.

Только накануне первой мировой войны царское министерство путей сообщения задумалось над улучшением судоходных условий Дона. Была намечена постройка нескольких плотин и шлюзов в нижнем течении реки. На первое из этих строительств — Кочетовское — поступил я, механик-самоучка, уже побывавший к тому времени в тюрьме и ссылке за участие в революционном движении.

Земляная плотина с заведомо уменьшенной бетонной сливной частью, металлические фермы, складывающиеся на дно реки во время весеннего паводка, деревянные щиты, регулирующие пропуск вод,— весьма примитивной была техника этого сооружения. «Фермы Поаре», «щиты Булэ» — гидротехническое строительство в дореволюционной России шло на поводу у иностранных авторитетов.

Кочетовский шлюз так и не был достроен: помешала империалистическая война.

1918 год... После четырех лет, проведенных на фронтах, я возвратился на родной Дон. Участвовал в национализации флота. Корабли, принадлежавшие хозяевам-пароходчикам, стали всенародным достоянием. Алый флаг республики Советов поднял и пароход «Москва».

Уже тогда, в дни юности нашего Советского государства, во всю ширь стали вопросы гидротехнического строительства на Дону, проблема Волго-Дона. В мае 1918 года Совнарком вынес решение об изысканиях трассы канала.

В степи междуречья начали работать первые изыскатели. Руководя обороной Царицына, Иосиф Виссарионович Сталин лично интересовался ходом работ. Непоколебимой верой в светлое будущее Родины прозвучала его резолюция на докладе начальника изыскательской партии: «Канал пророем после утопления кадетов в Волге и Дону».

1920 год... В освобожденном от деникинцев Ростове мне, члену ревкома, было поручено восстановление разрушенного водного транспорта. Приводилась в порядок гавань Ростовского порта, углублялся канал, ведущий к Азовскому морю, достраивался Кочетовский шлюз на Дону. В сентябре 1920 года он пропустил первые суда. Благодарность Главного комитета государственных сооружений была первой моей наградой, полученной от родной советской власти.

Годы восстановительного периода... В междуречье Волги и Дона трудятся топографы, геодезисты, геологи. Инженеры-гидротехники разрабатывают проект будущего канала.

И вот проект составлен, рассмотрен Госпланом СССР и... забракован. Было это более четверти века назад, и, естественно, проектировщики не обладали ни достаточным опытом, ни необходимой широтой кругозора. В своих расчетах они исходили только из нужд судоходства. Огромные площади придонских засушливых земель оставались по этому проекту необводненными, гидроэнергетические ресурсы Дона не использовались.

Тогда же проектировщикам была дана четкая целевая установка: Волго-Дон должен в комплексе решать три народнохозяйственные проблемы — транспорта, орошения и энергетики.

Вспоминается попытка американских капиталистов взять концессию на строительство канала. Заокеанские бизнесмены любезно брали на себя все затраты с тем, чтобы после окончания постройки канал был сдан им в эксплуатацию на 50 лет. Разумеется, эти господа получили решительный отказ.

В годы первой сталинской пятилетки, посланный партией на учебу, я стал инженером.

Участник строительства Волго-Дона инженер И. В. Скачков на борту парохода «Москва», на котором полвека назад он начал службу помощником машиниста. Слева — штурман В. М. Дрожжин.

Фото Г. Осокина

Строил мосты и дороги в Ростове и близ города, но в душе мечтал о гидротехнических сооружениях. И вот мечта моя сбылась. В 1934 году я попал на стройку канала имени Москвы, где руководил сооружением двух шлюзов.

Строился Манычский водный путь. Мне посчастливилось руководить завершением этих работ. На 300 с лишним километров протянулся от Дона в глубь Сальских степей мощный водоем, созданный в безводной прежде Манычской впадине.

Как радовались колхозные хлеборобы, когда в 1939 году пароходы повели по Манычу караваны с хлебом нового урожая! И как страшно, поистине ужасающе выглядели те же самые места спустя 4 года, после освобождения Ростовской области от фашистских оккупантов! Плотины были взорваны. Русло Маныча высохло. Вместе с группой речников мы восстанавливали плотины, накапливали воду, выводили застрявшие в степи и обсохшие суда. Был среди них и мой старый знакомый — пароход «Москва»...

Все эти годы я жил надеждой, что со временем мне удастся участвовать в строительстве Волго-Дона. Я знал, что подготовка к сооружению канала между двумя великими реками продолжалась и до войны и после ее окончания.

Июль 1945 года... В Ростове я с волнением читал телеграмму из Москвы: «Намечаются изыскания в районе Цимлянской...» Телеграмма была подписана Сергеем Яковлевичем Жуком.

Весна 1948 года... Холодная, ветреная ночь. С Сергеем Яковлевичем и группой инженеров мы едем на машине из Калача к Цимлянской по правому, высокому берегу, переправляемся на лодках через бурно разлившийся Дон, встречаем гидрологов, геологов, геодезистов. Мы строители Волго-Дона!

Лето 1948 года... Там, где сейчас возвышается бетонная громада 13-го шлюза, открывающего вход из Дона в канал, стояла маленькая степная деревушка Ильевка. Два десятка мазанок и землянок, вокруг голая степь, обжигающий суховей. А через несколько месяцев неподалеку от старой, «бывшей» Ильевки выросла новая — культурный, благоустроенный поселок строителей Донского района канала.

Лето 1949 года застало меня на новом месте — в Мариновке. В палатке, разбитой в степи, мы едва успели разложить чертежи будущих сооружений, как налетел песчаный смерч. Брезент вместе с кольями был сорван, всем нам запорошило глаза, трудно стало дышать. Долго бродили мы по степи, разыскивая унесенные ураганом чертежи.

К осени в Мариновке были выстроены рабочий городок, автобаза, помещения различных служб и отделов. С весны 1950 года там началось сооружение 11-го и 12-го шлюзов. Осенью, когда в котлованах укладывали бетон, наш коллектив был награжден переходящим знаменем Сталинградского обкома ВКП(б).

1951 год... На гребне Волго-Донского водораздела идет строительство 9-го шлюза, куда меня назначили начальником сооружения. День и ночь работают экскаваторы. С трудом прогрызаем схваченный морозом грунт, натыкаемся на плывуны. Подпочвенные воды то и дело заливают котлован, насосы едва успевают их откачивать. Нередко мы работали по колено в жидкой грязи. Летом в днище шлюза начали укладывать первый бетон.

Велико, ни с чем не сравнимо счастье созидания, творчества!

Анкета «Огонька» среди строителей Волго-Дона

АКАДЕМИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА

Корреспонденты «Огонька» обратились ко многим строителям Волго-Дона с просьбой ответить на вопросы: «Что вам дала работа на Волго-Доне?», «Каковы ваши дальнейшие планы?»
Ниже приводятся полученные ответы.

Радость созидания

Д. ГРОМАКОВ,
лауреат Сталинской премии, старший прораб строительства шлюза № 13

Шла весна 1951 года, бурная, многоводная весна. Половодье на Дону было на редкость мощным и грозным — миллиарды кубических метров воды угрожали строительным площадкам. Каждую минуту можно было ждать вторжения бурных потоков в котлован шлюза...

Д. Громаков.

Земляные перемычки ограждали котлован от затопления. Но был другой враг у строителей — подпочвенная вода. Скрытые в недрах реки и ручьи готовы были захлестнуть котлован, прервать работу строителей, разрушить сооружение.

Перед учеными, инженерами и рабочими встала огромной важности задача: оградить котлованы от грунтовых вод, надежно защитить их. Впервые в небывало широких масштабах были использованы на Волго-Доне так называемые гидрозавесы. Вокруг котлована располагались в несколько ярусов сотни тонких труб-игл, откачивавших подпочвенные воды. Кроме иглофильтров, использовались мощные насосы глубинного водоотлива. Водопонизительные установки не пропускали грунтовых вод, понижали их уровень.

Эта совершенно новая, очень важная для строителей работа была проведена на Волго-Доне с большим размахом, на основе точных научных расчетов. С помощью новейших технических средств нам удалось значительно понизить уровень грунтовых вод на площади почти в тысячу квадратных метров.

За внедрение в практику гидротехнического строительства водопонизительных установок правительство присудило Сталинскую премию большой группе инженеров и техников, в том числе и мне.

Во время Отечественной войны я участвовал в боях за Сталинград. Сражение у стен города-героя, работа на Волго-Доне сроднили меня со здешними местами. Я чувствую себя сталинградцем и хочу трудиться на священной сталинградской земле.

Машины на дорогах

В. МУРЧЕНКО,
шофер

От нашей стройплощадки в Чапурниках рукой подать до моего родного села Цаца. Как только выпадет свободное время, всегда стараешься съездить к односельчанам.

— Ну, как там дела на стройке? Скоро дадите воду? — всегда спрашивали колхозники.

Вода!.. Много значит вода для сталинградского хлебороба. С весны досаждают ему суховеи и засуха.

Два года назад вернулся я в Цацу с военной службы, узнал, что строится Волго-Дон, и подумал: это — мое дело, родное, кровное.

В армии стал я шофером. Специальность пригодилась на стройке. Грунта и бетона мой самосвал перевез более десяти тысяч кубометров. Рейсы у нас короткие — от шлюза до бетонного завода, — но ездить нелегко: на дорогах тесно, идут вереницей машины, как, бывало, на фронте в дни наступления.

Пригодится мне волгодонская выучка и на других стройках. По всей Сталинградской области оросительные каналы строят, и в Цацу вода с Волго-Дона придет — все озера, что пересыхали раньше, теперь до краев наполнятся. Здесь я и хочу поработать.

В. Мурченко.

Как передвигаются горы

И. СЕЛИВЕРСТОВ,
машинист экскаватора

Вязкая глина, сыпучий песок, жидкая грязь плывунов — какой только грунт не выбирал наш экскаватор «Уралец-186»! Больше полутора миллионов кубометров земли вынул наш экипаж в междуречье Волги и Дона. Начав стройку под Сталинградом, мы продвинулись на 30 с лишним километров к самому гребню водораздела.

Трасса канала в этих местах идет на подъем. Для моих товарищей и для меня годы стройки тоже были движением вверх, на подъем, к новым знаниям. Мне, работавшему до той поры шофером и мотористом на катерах, экскаватор поначалу казался очень сложной, мудреной машиной. Немало пришлось посидеть над книгами, знакомясь с электротехникой. Многому научил меня наш бригадир Дмитрий Алексеевич Слепуха. А потом, со временем, накопив некоторый опыт, я сам начал учить людей. Николай Цыбизов, работавший раньше моим помощником, теперь самостоятельно руководит сменой и иной раз в соревновании обгоняет меня.

И. Селиверстов.

Есть в народе такие образные выражения: горами двигать, горы сворачивать. В старинных сказках так про богатырей говорится. А мы, советские люди, эти самые богатырские дела сами свершаем. У нас, экскаваторщиков, на каждую смену в план записывают какую-нибудь «гору земли», которую надо срыть или передвинуть на другое место.

Если всю землю, что мы вынули на трассе канала, сложить вместе, то, пожалуй, вырастет целый горный хребет.

Закончив работы на Волго-Доне, поеду на другую великую стройку — в Туркмению. Поеду вместе со всем своим экипажем. Поработает еще наш «Уралец» в Кара-Кумах!

Моряк на стройке

П. ХАХАЛЕВ,
главный механик Красноармейского строительного района

«Не жить мне без моря...» Эти слова популярной песенки не раз вспоминал я с грустью, когда по состоянию здоровья был демобилизован из флота. Мои жизненные планы с юношеского возраста были связаны с морем. Сначала учеба в Военно-морском инженерном училище, потом служба на боевых кораблях, затем — Отечественная война, походы по бурным морям Севера... В мирные дни я служил на Черноморском флоте. И вот после стольких лет, отданных флоту, я на берегу, вдали от морских просторов — в Сталинграде.

— Хочешь строить Волго-Дон? — спросили меня товарищи в райкоме партии.

Я, разумеется, ответил согласием, но в глубине души не был уверен в своих силах и знаниях. От механизмов боевого корабля до строительных машин, с которыми теперь предстояло иметь дело, дистанция огромного размера.

Работа на Волго-Доне была для меня большой школой. Я счастлив, что участвовал в сооружении канала, который соединит пять морей, что вдали от флота служу любимому делу. Смотришь иной раз со сталинградского берега и мысленно видишь перед собой Черноморье, далекий суровый Север, Балтику...

Канал построен. Что делать дальше? Не без раздумья отвечаю на этот вопрос. Хотел было остаться на трассе и работать по эксплуатации гидросооружений, но уж так широки перспективы, открывающиеся сейчас перед каждым строителем, что я решил участвовать в стройке Сталинградской ГЭС. Севернее города воздвигается плотина, и через несколько лет здесь образуется водохранилище. Уверен, что доведется и мне плавать по этому новому морю и по будущему каналу между Волгой и Уралом...

Корабль прокладывает канал

В. КЛЕНИН,
начальник земснаряда № 307

С гидромеханизацией я впервые познакомился на курсах. Каждое утро, совершая путь с Красной Пресни в метро и электропоезде, я читал книги по гидромеханизации и с трудом верил, что буду работать на мощном землесосе-земснаряде и им прорежу канал в засушливой степи.

После окончания учебы я поехал на Волго-Дон и вскоре был назначен начальником комсомольско-молодежного земснаряда № 307. Характерная особенность великой стройки в том, что здесь очень смело выдвигают молодежь, доверяют молодым специалистам новей-

П. Хахалев (справа).

В. Кленин (справа) и багермейстер А. Корытин.

шую технику, предоставляют все условия для роста.

Наш земснаряд врезался стальной фрезой в левый берег Дона, проложил канал длиной в 6 километров и по нему дошел до шлюза № 13. Одним из первых наш корабль-строитель прошел через шлюз в Карповское водохранилище.

Строительство большого участка судоходного канала с помощью земснарядов является новым словом в строительной практике; ученые и инженеры обобщают наш опыт, чтобы использовать его на трассе Туркменского канала.

Наш земснаряд пройдет по всему Волго-Донскому судоходному каналу, скоро выйдет на Волгу и направится к строительству Сталинградской гидростанции. Здесь я и хочу работать, умножать свои знания, учиться без отрыва от производства в институте.

Уральская марка

П. РОМАШЕВ,
скреперист

На моем тракторе и скрепере марки челябинских заводов. На одном из этих заводов строительных машин я проработал семь лет токарем.

Захотелось не только строить машины, но и работать на них. И вот два года назад я и двое друзей, все токари, работавшие на одном станке, — Иван Аглеулин, Николай Кокшаров — решили переменить профессию, стать скреперистами. Окончили заводские курсы по изучению дорожных и строительных машин и поехали на Волго-Дон.

На месте, где сейчас стоит шлюз № 4, тогда еще шумела под ветром высушенная солнцем трава. Помню, как мой скрепер снимал здесь верхний слой грунта, расчищал площадку для шагающих экскаваторов. А недавно, в мае, мне довелось разравнивать дно канала на подходах к шлюзу.

В прошлом году весной, когда пришла из Челябинска новая партия машин, нам, троим уральцам, вручили почетные грамоты завода имени Колющенко за отличное освоение техники. С той поры, получив новый скрепер, я работаю на нем без единой аварии, без простоев. Высоко держат нашу уральскую марку и мои друзья: Аглеулин выдвинут на должность механика, Кокшаров — один из лучших бульдозеристов.

Скоро пойдут наши машины на другую великую стройку коммунизма. Дружно, по-стахановски будем работать всюду, куда ни пошлет нас Родина.

П. Ромашев.

Ю. Толубаева.

Большой опыт

Инженер Ю. ТОЛУБАЕВА

Первые пассажиры, путешествуя по Волго-Дону, очевидно, обратят внимание на облицовку стенок шлюзов и причалов. Такой гладкой и красивой облицовки не было ни на канале имени Москвы, ни на шлюзах Верхней Волги.

Плитооболочки впервые широко применены на строительстве Волго-Дона. Это позволило отказаться от опалубки на бетонных работах, ускорило и удешевило строительство.

В прошлом году я получила диплом инженера, и мне выпала честь работать на великой стройке. Здесь я изучила технологию производства плитооболочек. Они используются для облицовки шлюзов, мостов, перекрытий зданий.

Мне, молодому инженеру, работа на заводе плитооболочек в Водораздельном строительном районе дала большой опыт, помогла освоить новую технику.

Свой опыт я хочу использовать на другой великой стройке — под Куйбышевом.

Смотритель моря

Илья КОТЕНКО

Сколько помнил себя Михаил Федорович, никогда еще донские воды не поднимались у его родного хутора выше той линии песков, где тянулись густые заросли краснотала. Правда, дважды на его памяти разбушевавшийся во время половодья Дон подгонял свои волны к самым домам, раскачивая привязанные к тынам черные просмоленные баркасы. Но проходил день, другой, спадал свирепый низовой ветер, и мутные воды, оставляя за собой песчаные языки наносов, отходили назад и долго еще после этого беспокойно покачивались между берегами.

И вот оказалось, что воды затопили и береговые пески, и огороды, и усадьбы, подошли к самым отножинам бугров, и весь хутор Крутой оказался на дне моря.

Михаил Федорович хорошо помнил тот далекий теперь день, когда после долгой болезни он впервые вышел на крылечко своей хаты и присел на чисто вымытые ступеньки. Члены комиссии по переселению, в сопровождении жены и обеих дочерей — Мария была учительницей начальной школы, Александра — вдова, солдатка, работала в колхозе, — осматривали дом, погреб, сараи, каждое деревцо в саду и записывали в большой конторской книге, сколько и за что государство должно будет заплатить семейству Ерофеевых. Когда они закончили работу и весело напомнили на прощание, чтобы их не забыли пригласить на новоселье, ушли, — Мария, все время встревоженно поглядывавшая на отца, спросила:

— Папа! Ты посмотри, сколько они насчитали!

— На три хаты хватит! — отозвалась хозяйственная Александра, закрывая калитку.

Жена стояла у низенькой, под навесом печки, на которой она в теплые дни готовила обед, и, видимо, лучше всех понимая состояние мужа, с преувеличенным восхищением говорила:

— Подумать только: и что в этой печке? Кирпич да глина, а тоже вошла в оплату. И каждое деревцо, каждый кусточек, а? — Она взглянула на мужа и вздохнула: — Ничего, отец! Обживемся и на новом адресе!

Михаил Федорович с удивлением смотрел то на жену, то на дочерей:

— Это как же понимать? Выходит, вы меня утешаете?

Он потер подбородок, прикрывая ладонью невольную улыбку. Собственно говоря, он-то и беспокоился больше всего оттого, что не знал, как посмотрят на переселение его домашние. Все-таки женщины! Обжитой угол, хозяйство, всякая живность часто им свет загораживают, а они... Они его утешают! Такое неожиданно спокойное решение трудного вопроса вернуло ему и силы и обычную деловитость.

Посмеиваясь, он накинул пиджак и пошел к правлению колхоза.

Да, много произошло на хуторе изменений, пока он хворал. Кое-кто из колхозников уже ломал крыши своих хат, в палисадниках лежали доски и сложенный в штабеля кирпич. На доме, где помещалось правление, уже не было вывески. Она стояла тут же у дверей, прислоненная к беленой стене. «Сельскохозяйственная артель имени Буденного», — прочел Михаил Федорович и, вздохнув, прошел в прохладный коридорчик. Здесь, как и во всех комнатах, толпились колхозники. Они подписывали какие-то бумаги, перекидывались словами, наскоро свертывали цыгарки и уходили, а на их месте появлялись другие, такие же озабоченные люди. Из разговоров Михаил Федорович понял, что начали сниматься со своих мест все правобережные хутора и станицы до самого Калача. Начал переносить на бугры свои виноградники винсовхоз, расположенный совсем рядом с хутором Крутым.

Вспомнив о колхозных садах, Михаил Федорович вышел на крыльцо и здесь столкнулся с председателем колхоза. Он только что подъехал на запыленной полуторке и, пожимая руку, внимательно оглядел старика.

— Куда собрался? — спросил он.

— Думал, в сады... Переносить-то кусты будем?

— Будем... Только ты отдыхай!

— Это как же понимать? — после недолгого молчания с обидой спросил старик. — Отстраняешь от бригадирства?

— Что ты?! Кто тебя отстраняет? Только правление тебе сейчас поручает, — председатель улыбнулся, — поручает перебазировать свою хату в Кумшак. Твой-то зять уже на строительстве работает, вот и получается, что одни бабы у тебя остались... Машину и плотников тебе дадим, но приглядывать за всем сам будешь. Вот тебе наше правленческое слово.

В первый же воскресный день Михаил Федорович поднялся на Кумшак — крутую береговую высоту, мысом вдававшуюся в донскую пойму. Здесь уже стояли крытые красной черепицей домики строительного поселка; разбивали сквер. Ближе к степи строились колхозники, переехавшие из прибрежных хуторов.

Обойдя всю высоту, Михаил Федорович выбрал себе участок на самом взлобье, у кромки берегового обрыва. Место было веселое, сухое, весь день открытое солнцу. Слева, далеко под бугром, виднелись хаты хутора Крутого, и, если вглядеться, можно угадать свое старое подворье. Справа, внизу расстилалась панорама строительства, в самую середину которого врезалось стальное стремя Дона. «Ну вот и хорошо, — думал старик. — И прошлое видно, и будущее перед глазами».

Свой новый дом Михаил Федорович строил не спеша, с тем большим душевным подъемом, который приходит от заботливого и внимательного отношения к себе со стороны знакомых и незнакомых людей. Колхозные плотники, возводившие стены, были люди веселые, не меньше хозяина возбужденные переселением. Они шутили с хозяйками и не позволяли старику браться за топор. Часто под вечер подходили рабочие со строительства, расспрашивали о жизни, любовались местностью, а когда им в разговоре доводилось узнать, что у Михаила Федоровича погиб на Донце старший сын — капитан, кавалерист,— то они, несмотря на протесты хозяев, тоже брались за работу: строгали доски, вкапывали столбы.

Вскоре рядом с домом старика начали возводить домик для Марии. И в эти еще не достроенные дома начало входить то новое, о чем думал Михаил Федорович, не раз поглядывая на плотину. Мария работала в школе, ее муж, Иван Андреевич, тоже свой, хуторской, работал инженером-экономистом в конторе гидромеханизации. По вечерам, когда семья собиралась за столом, допоздна шли разговоры о бетоне, о земснарядах, намывавших плотину, и о многом другом. Но особенно любил разговаривать Михал Федорович со своим новым квартирантом. Это был Петр Станиславович Тышкевич — начальник гидрологической партии. Плотный, лет под сорок, со спокойными, веселыми глазами, он много рассказывал о будущем море и его характере. «Шутка ли, — думал старик, — волны пойдут до трех метров высоты! Это, выходит, в самом деле на море похоже».

И чем больше входил он в круг новых интересов, связанных со строительством, тем беспокойнее становилось у него на душе и тем меньше времени проводил он на своем новом участке. Несколько раз он ходил на колхозные виноградники. Их уже переселили, переселили хорошо, по-хозяйски. Виноградари, которых годами учил Михаил Федорович, не подвели его. Старик видел, что теперь они справляются и без него, а если и спрашивали о чем, так это больше из вежливости, чтоб не обидеть старого бригадира.

Когда в плотине перекрыли донные отверстия и вода начала разливаться по всей пойме, Михаил Федорович отыскал своего прежнего квартиранта. Петр Станиславович уже получил квартиру и приветливо встретил старика.

— Погоди привечать! — остановил его Михаил Федорович. — Я пришел по делу. — Помолчав, он неожиданно попросил: — Найди ты мне хоть какую работу, а?

Тышкевич, совсем как председатель колхоза, внимательно осмотрел старика.

— Вам надо что-то полегче...

— Да что вы мне все полегче да потише! Я вон с берега на бугор поднимусь, дых не прервется...

— С берега на бугор? — переспросил Тышкевич. — Ну, вот, вы сами и нашли себе место...

— Как так?

— Будете смотрителем нашего водомерного пункта. Видали, в бухточке красные столбы стоят?..

Вместе с Тышкевичем Михаил Федорович спустился к воде. Там, где размытый полыми водами глубокий овраг, густо поросший терновником, спускался к воде, образовалась зеркально-тихая бухточка. Даже самая мелкая рябь не трогала ее яркой голубизны. От самой воды до верха бугра, словно ступеньки, поднимались вбитые в землю красные сваи.

— В этих столбах, Михаил Федорович, все и дело! — говорил Тышкевич. — Это так называемые репера. Они установлены так, что их верх — вот видите этот вбитый гвоздик? — соответствует точно определенному уровню. Вода подходит, заливает столб. На сколько она поднялась? Для того чтобы это узнать, вы берете вот эту планку — видите деления? Это водомерная планка. Вы точно ставите ее на этот гвоздик и записываете.

Прежде чем дать окончательное согласие, Михаил Федорович решил сходить в правление колхоза. Дом правления стоял на одной из новых улиц, где высаживали вдоль дороги крохотные акации. Михаил Федорович шел, поглядывая по сторонам, и с удовольствием отмечал, как колхозницы белили хаты, как жгли по огородам бурьян и разбивали в палисадниках цветники. Хорошо, истинно по-новому устраивались новоселы. Но Михаил Федорович думал и о том, что и сама жизнь колхозников теперь пошла поновому. Не было, пожалуй, ни одной хаты, где бы не жили теперь колхозники, работающие на строительстве. Бывшие трактористы, комбайнеры, виноградари, полеводы работали сейчас прорабами, диспетчерами, механиками, десятниками, водителями самосвалов. И хотя Михаил Федорович знал, что на их месте работают в колхозе новые, молодые люди, он все же с беспокойством псдумал: «Тяжело, должно, сейчас правлению: людей маловато». Эта мысль немного умиротворила его суровое отношение к председателю, и, поздоровавшись с ним, он, усмехаясь, сказал:

— Ты меня своими заботами произвел в состояние единоличника, а я в такой неестественной должности пребывать более не могу. Иду на работу...

— Куда?

Михаил Федорович рассказал.

— Значит, как я понимаю, — сказал председатель, — будешь смотрителем нашего Цимлянского моря? Ну, что ж, это для нашего колхоза почетно... Доверяем тебе эту должность!

С того дня смотритель водомерного пункта Михаил Федорович Ерофеев три раза в день пересекал поселок строителей, брал подмышку водомерную планку с черными и красными делениями и не спеша опускался по тропке к своей бухте. Нащупав ногой стоявший на привязи дощатый плотик, он становился на него, отыскивал под водой сваю-репер, ставил планку и точно засекал деления. Затем выходил на берег, записывал цифру в маленькую книжицу и так же не спеша снова поднимался на бугор к зданию насосной станции, где находился телефон.

Подняв один край фуражки, он осторожно прикладывал к уху трубку и глухим баском просил:

— Девушка! Соедини-ка меня с гидрологами!

Передав сведения, он оставлял в углу водомерную линейку и тем же путем, мимо огромной школы и домиков с черепичными крышами, возвращался к себе домой.

А море росло, раздавалось вширь. Уже три репера ушли под воду, скрылась и старая усадьба в Крутом, куда частенько поглядывал Михаил Федорович, отправляясь на замер; уже голубая ширь воды далеко затопила задонье, сливаясь почти на горизонте с самым небом.

Однажды, когда он замерял в своей бухточке уровень воды, к нему подошли двое незнакомых людей. Один из них, высокий, в брезентовом пыльнике, весело спросил:

— Это ты чего, папаша, с водичкой делаешь?

— Прибавку измеряю! — недовольно отозвался Михаил Федорович.

— Ишь ты! Выходит, надзор за морем блюдешь!

— Надзор,— нехотя отозвался старик.

Увидав, что старик не особо поддерживает разговор, высокий ласково усмехнулся и показал на своего товарища:

— Ты не серчай, мы вот с другом, механиком мелиоративного отряда, из степей прибыли... Посмотреть, как тут у вас и что... Я сам бригадир из Романовки. Понимаешь, какое дело: мы-то эту водичку давно ожидаем... Вот и любопытствуем, что и как... Красивая у тебя, папаша, должность...

Поднимаясь к себе домой, Михаил Федорович пожалел, что так сурово обошелся с задонцами. Все-таки они, сами того не подозревая, принесли большую радость старику. Они признали его работу. А что может быть для человека дороже того, когда народ скажет о его работе доброе слово!

А через несколько дней Михаил Федорович узнал, что его работа совсем не маленькая и совсем не ограничена тихой бухточкой у реперов.

Днем, после очередного замера, он поднялся к насосной станции и встретил знакомых ребят, возвращавшихся со стройки. Увидав старика, они попросили спички, и, когда закурили, один из них сказал:

— Ты бы, морской бог, попридержал свою воду. Поджимает она нас с бетонированием... Шутка, на тридцать сантиметров поднимается за сутки...

— А ты откуда это знаешь?

— Сам же нам передаешь...

— Я гидрологам передаю.

— А они — нам.

— Кому это вам?

— А всем... Всему строительству: диспетчерам районов и участков, начальникам, бригадирам. Недавно вот листовочку читали. Нажимайте, мол, строители, с темпами — море поднимается!

— И это как же, — глухо кашлянув, чувствуя, как разом запершило в горле, спросил Михаил Федорович, — каждый день вам сообщают?

— Обязательно!

— На все строительство?

— На все...

Михаил Федорович осторожно поставил в угол свою рейку и тут вспомнил, как на общем колхозном собрании ему выносили перед всем народом благодарность за богатый урожай, собранный в виноградниках. Отогнав это воспоминание, он подождал, когда уйдут ребята, снял трубку, как всегда, ясно и четко передал цифру замера и затем попросил:

— Тышкевича гукните до телефона!

Когда в трубке раздался знакомый голос, Михаил Федорович, прикрывая ее ладонью, сказал:

— Петр Станиславыч, я хотел свериться... Сведения о горизонтах... Ну, словом, те самые цифры, что я вам передаю, — они куда идут?

— Куда идут? По всему строительству... — Тышкевич помолчал, словно соображая, почему ему задал такой вопрос старый смотритель, и уже тише сказал: — Даже в Москву, Михаил Федорович, передаем... В Москву...

Михаил Федорович осторожно повесил трубку и вышел из здания. Казалось, вся плотина в заливавших землю солнечных лучах стала значительно ближе. Хорошо было видно, как мчались по гребню, похожему на широкое шоссе, машины, как ослепительно белели сквозь леса стены гидроэлектростанции, как летели по воздуху тяжелые бадьи с бетоном и совсем далеко уходили в степь песчаные отвалы — берега канала.

А слева от плотины, заполнив уже до самого горизонта огромную чашу бывшего левобережья, переливалось Цимлянское море. Ветер протягивал по его глади серые, словно тень от облаков, полосы, рвал кормовой флажок на проходившем к верховью катере. Знакомая с детства донская вода была необычно синей — то ли от того, что она никогда раньше не отражала такого просторного неба, то ли от необычной уже глубины.

Смотритель водомерного поста Цимлянского моря Михаил Федорович Ерофеев.

Фото А. Григорьева

Новый адрес

Е. КАРПАЧЕВ, С. МОРОЗОВ

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА и А. ГОСТЕВА

1 В справочниках Министерства связи появились новые адреса: в сталинградских и задонских степях, на берегах судоходного канала и Цимлянского моря выросли города и поселки, оживившие зону полупустыни.

Центр всего строительства Волго-Дона — Калач. В преображенную, ранее глухую и отдаленную станицу каждодневно прибывает обильная почта. Ее доставляют поездами, автомашинами и самолетами. Каждое утро от Калачевской конторы связи отходят автомобили в строительные районы и участки канала. Водители дают полный ход машинам и мчатся по асфальтированным магистралям: они спешат доставить тысячи писем и газет экскаваторщикам и бетонщикам, монтажникам и гранитчикам, садоводам и речникам.

По Октябрьской улице Калача мчится почтовый «Москвич». Его путь — за город, по автомобильной магистрали, в ближайший от Калача строительный район — Донской.

2 Минут двадцать езды, и взору открывается безбрежная даль Карповского «моря». На солнечном берегу привольно раскинулся небольшой городок с красивыми улицами, зеленой кипенью садов и бульваров, нарядными домами.

3 На берегу «моря» белеет колоннада каменного здания речного вокзала; от него к центральной площади протянулась тополевая аллея. На площади полукругом выстроились здания магазинов, столовой, гостиницы, большого клуба и почты.

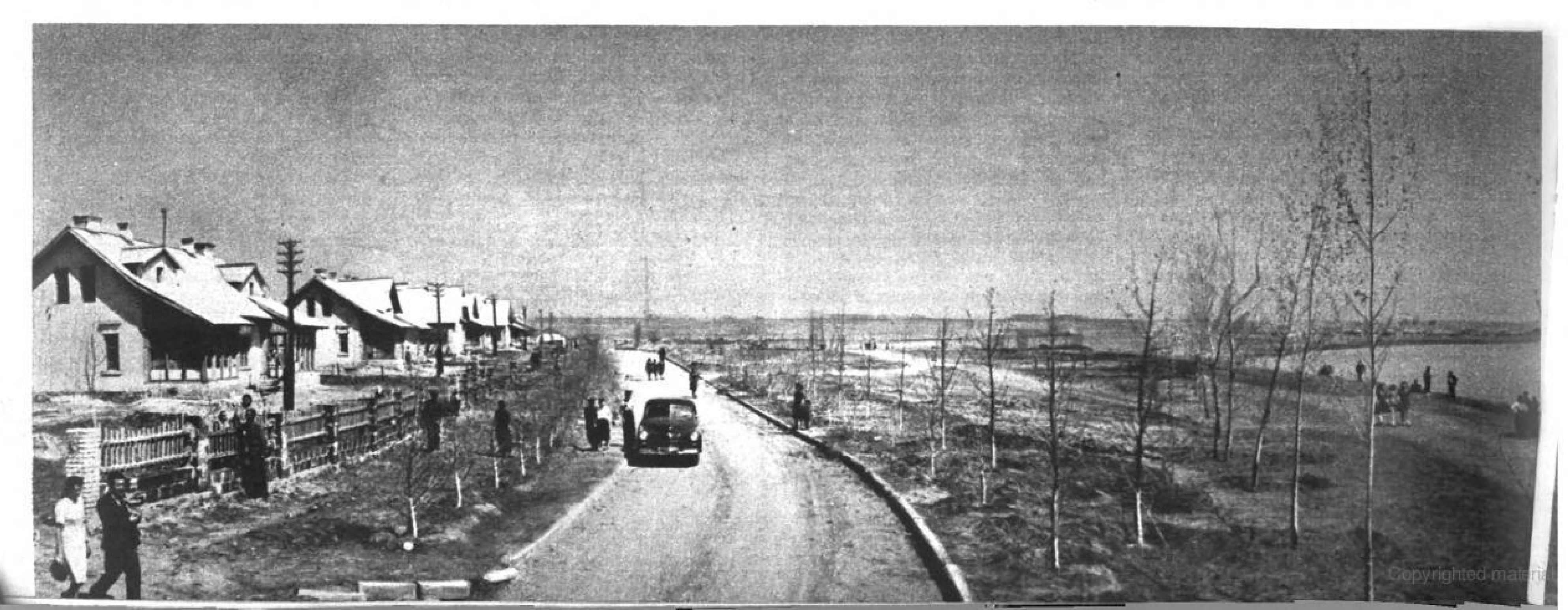
Построенный в степи городок временно называется Новой Ильевкой.

— Не могу сказать, как будет окончательно назван наш город,— говорит начальник жилищно-коммунального отдела управления Донского строительного района Николай Степанович Великжанин. — А пока что мы даем названия улицам. Есть у нас главная улица — Ленина, есть Сталинградская, Набережная, Шлюзовая, есть и переулки — Строительный, Степной, Инженерный, Школьный, Комсомольский.

Знакомство с Николаем Степановичем состоялось на берегу «моря», около дома, к которому приколачивали табличку с названием улицы — Набережная. **На снимке первый справа внизу — Н. С. Великжанин.**

4 В каждом доме нового поселка — электричество, телефон, радио, канализация, ванная. Поселок, который очень скоро будет настоящим городом, имеет клуб, школу, детский сад, два радиоузла, баню, магазины, почту, промышленный комбинат, речной и железнодорожный вокзалы. Новые дизельные автобусы регулярными рейсами связывают его с Калачом и Сталинградом.

Заходим в дома к строителям и речникам. Вот дом № 5 на Набережной улице — самый обычный в поселке. Здесь живет семья рядового строителя канала Дениса Григорьевича

Китова. Веранда, прихожая, ванная, жилые комнаты...

Денис Григорьевич ушел на шлюз, его жена Марья Ульяновна хлопочет в палисаднике, детвора — Рая и малышка Зоя — сидит на веранде и любуется морским видом. Скоро они побегут на водную станцию, будут купаться, ловить мальков.

5 Приходим в отделение связи. Начальник отделения Василий Григорьевич Дудкин рассказывает, что почта здесь открылась недавно; объем получаемой корреспонденции огромен.

— В степи создано море, проложен канал,— говорит Дудкин,— и почтальоны теперь доставляют корреспонденцию не только на автомобилях, но и на катерах. Чтобы попасть на противоположный берег Карповского «моря», наш почтальон Валя Морозова каждый день совершает рейсы на специальном катере.

В тот час Валя собиралась в свой обычный путь по «морю» и каналу. Мы поехали с ней в колхоз имени Комсомола, Колпачевского сельсовета, Калачевского района.

Заработал мотор, почтовый катер отошел от речного вокзала и пошел в «море». Валя Морозова, подхватив туго набитую газетами, журналами и письмами сумку, привычно уселась на корме быстроходного суденышка.

На почтовых катерах теперь можно проехать из района в район по всему каналу от Дона к Волге. На пути встречаются белокаменные поселки, тенистые аллеи, мосты, пристани, бетонные громады шлюзов.

И вот в самом конце великой трассы ка-
нала показывается живописно располо-
ный на берегу Красноармейск.

ще недавно в этих местах была голая пь, изрезанная капризно петлявшей речкой опой. Весной речка кипела, бурлила, а ле- пересыхала. Теперь сухую степь прорезал ал, закованный в бетон и камень. В самом елке создано искусственное озеро — из- бленное место купальщиков.

7 ...Прибыла почта, и клубные работники получают техническую и художественную литературу, журналы, газеты.

8 Ежедневно получают почту первые жители Красноармейска — знаменитый экскаваторщик Волго-Дона Василий Иванович Торочкин и его жена Наталья Васильевна. В. Торочкин защищал свой родной Сталинград, на танке совершил путь от Волги до Берлина. На строительстве Волго-Донского судоходного канала Василий Иванович вынул первый ковш грунта и первым вынул миллионный кубометр земли. Сейчас Торочкину пишут со многих строек, приглашают его на работу в Жигули, Каховку, в Тахиа-Таш.

9 По соседству с Торочкиным, на той же Набережной улице, в доме № 15, поселился первый речник — Анатолий Владимирович Хомич. Совсем недавно окончил он Ленинградское речное училище; младший техник-лейтенант речного флота прибыл на Волго-Дон и здесь получил назначение на должность начальника вахты шлюза.

Друзья-товарищи Анатолия Хомича, работающие на Волго-Доне и других стройках, на Днепре и Неве, часто пишут сокурснику по училищу о своих делах, желают приятелю больших успехов.

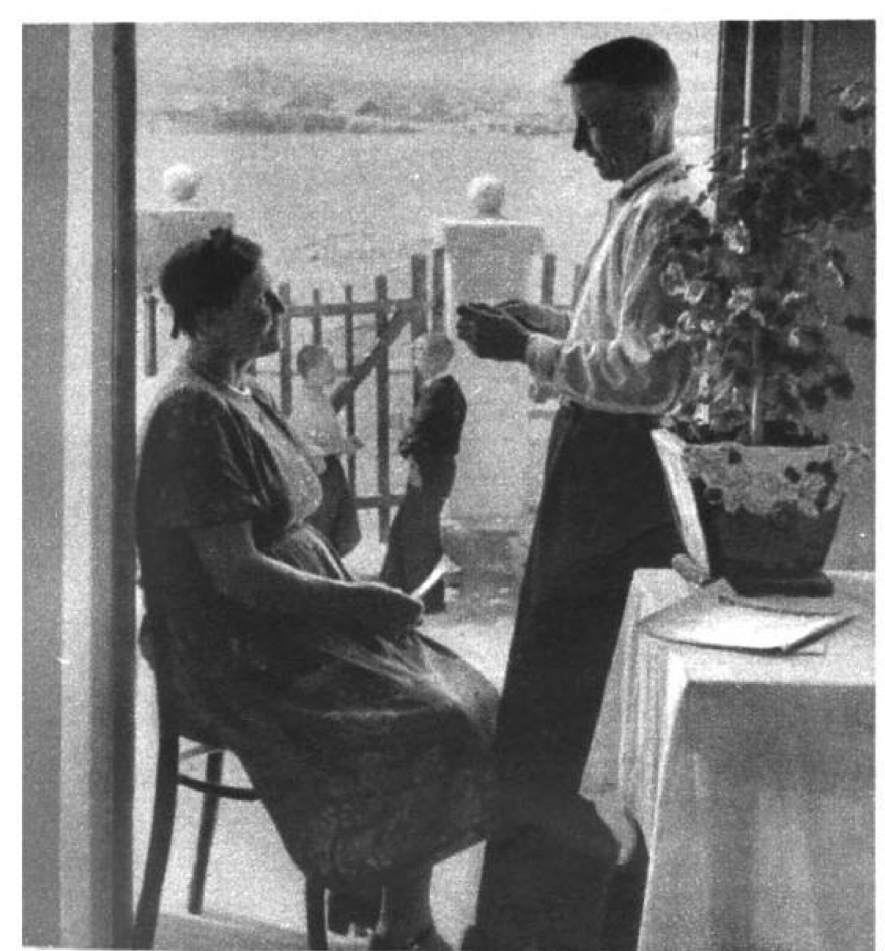
Каждое утро перед уходом на работу Анатолий Владимирович открывает почтовый ящик и достает письма.

* * *

Близок час, когда Хомич и сотни других речников поднимут флаг первой навигации на Волго-Донском судоходном канале и примут в шлюзах корабли пяти морей.

Обтекаемой формы белоснежные теплоходы войдут в камеру первого шлюза, поднимутся по «Волжской лестнице» на высокий берег, и перед глазами первых пассажиров откроются чарующие картины преображенной полупустыни.

Новые адреса скоро утратят свою необычайность, они станут привычными: для наших мирных дней характерно быстрое освоение пустынь и степей, тундр и тайги. Советские люди, переделывающие природу, располагаются на новых местах солидно, надолго. Здесь, на Волго-Доне, будут жить и трудиться капитаны портов, вахтенные шлюзов, электрики и механики, смотрители маяков. А строители переселятся в иные края, и там, где они обоснуются, появятся новые адреса...

Валентина Шамаева, лучшая электросварщица Красноармейского строительного района Волго-Дона. Апрель 1952 года.

Фото А. Гостева

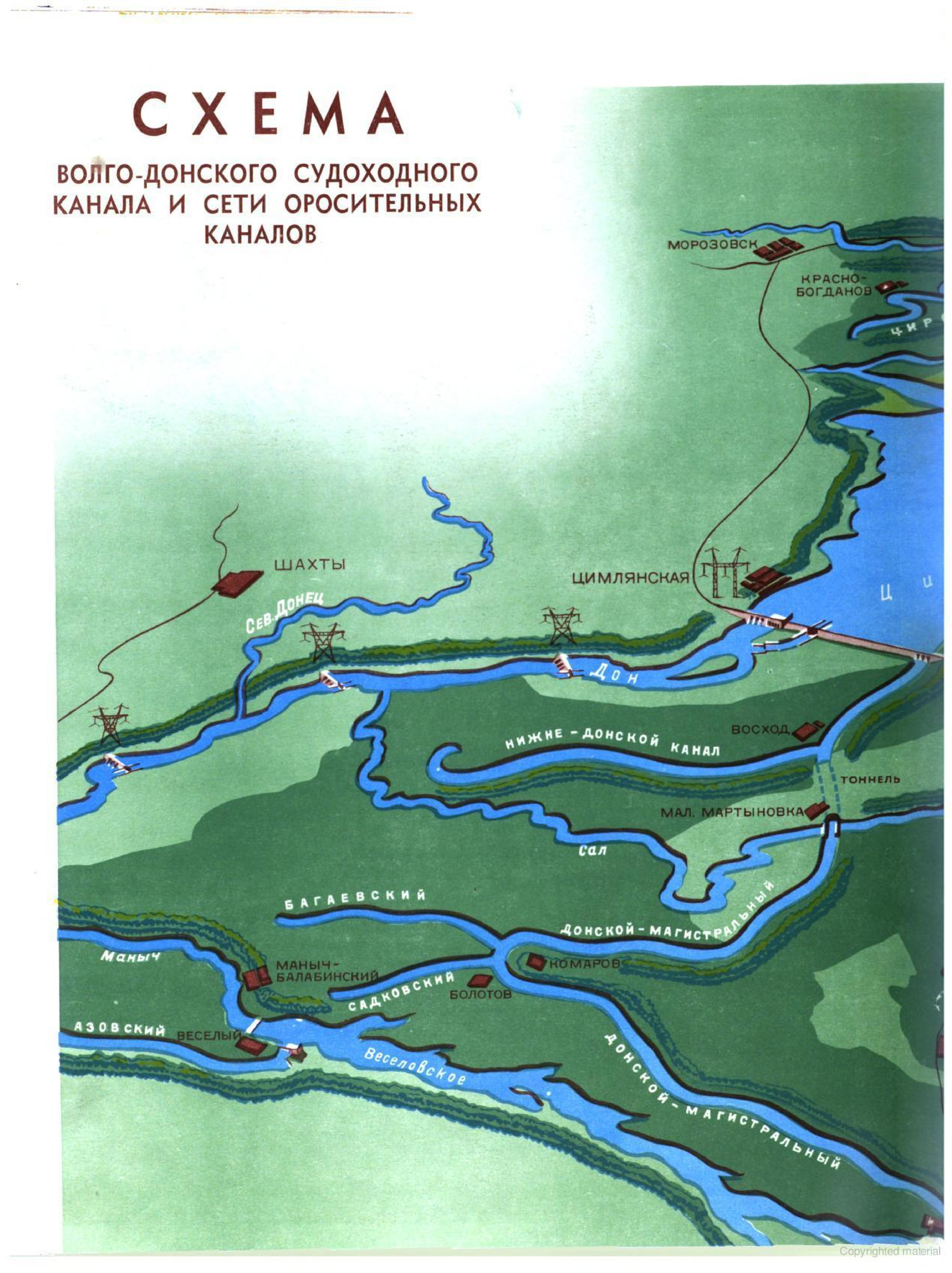

СХЕМА
ВОЛГО-ДОНСКОГО СУДОХОДНОГО КАНАЛА И СЕТИ ОРОСИТЕЛЬНЫХ КАНАЛОВ
МОРОЗОВСК
КРАСНО-БОГДАНОВ
ЦИМЛЯНСКАЯ
ШАХТЫ
Сев. Донец
Дон
ВОСХОД
НИЖНЕ-ДОНСКОЙ КАНАЛ
ТОННЕЛЬ
МАЛ. МАРТЫНОВКА
Сал
БАГАЕВСКИЙ
ДОНСКОЙ-МАГИСТРАЛЬНЫЙ
Маныч
МАНЫЧ-БАЛАБИНСКИЙ
КОМАРОВ
САДКОВСКИЙ
БОЛОТОВ
АЗОВСКИЙ
ВЕСЕЛЫЙ
Веселовское
ДОНСКОЙ-МАГИСТРАЛЬНЫЙ

Схема работы худ. А. Катковского

Нижний бьеф Береславского водосброса судоходного канала.

На шлюзе № 2. Заканчиваются отделочные работы. Апрель 1952 года.

Фото А. Гостева

ПЕЙ, ЗЕМЛЯ, ДОСЫТА, ПЕЙ!

Владимир СОЛОУХИН

Фото В. Евграфова

Левобережье нижнего Дона. Манычские степи. Это о них писал Серафимович: «Мелкий полынок, спутавшись в сухой шершавый войлок, покрывает сожженную, истрескавшуюся землю, нисколько не защищая ее от почти отвесных лучей июльского солнца. И, кроме этого сизого полынка, побелевшего неба да струящегося от зноя воздуха, ничего кругом нет».

Степной шлях рассек землю до самого горизонта. И там, далеко впереди, шлях, сузившись до толщины волоса, упирается в неподвижное белое облачко. Тихо в степи. Жаворонки не поют в этот полдневный час. Безмолвно парят большие хищные птицы. Тарахтения трактора, что мухой ползает по зеленому массиву поля, не слышно за дальностью. Тем более не слышно шума машины, которую и не видно самое-то. Виден лишь двух-трехкилометровый шлейф пыли, что тянет она за собой. Эта раскаленная пыль движется по степи, как дымовая завеса, медленно оседая на ровную зеленую щетину хлебных полей.

Только и прохладного в этой степи — вот эта зелень. Пока растение живо, оно останется прохладным, несмотря ни на какую жару. А живо оно будет до тех пор, пока в земле есть хоть немного влаги. Но уже начинают задыхаться в горячей земле работяги-корни. И если бы могли кричать растения, наполнилась бы бескрайная степь ужасным стоном: «Пить! Пить! Пить!..»

В один из таких знойных дней, уже к вечеру, у крайней хаты колхоза «Искра» резко затормозила машина. Из кузова выскочил до невероятности запыленный паренек. Он подбежал к хате:

— Эй, кто есть жив человек?

На пороге появилась пожилая худощавая казачка:

— Аль случилось что?

— Скажи людям, мамаша: сегодня ночью вода придет! Пусть встречают. — И машина, тарахтя, устремилась к другому хутору.

— Что же я стою-то? — спохватилась казачка. — Пойти людей поднимать. Санька! — окликнула она сынишку. — Беги к Кружилиной: вода, мол, идет, — а я в правление...

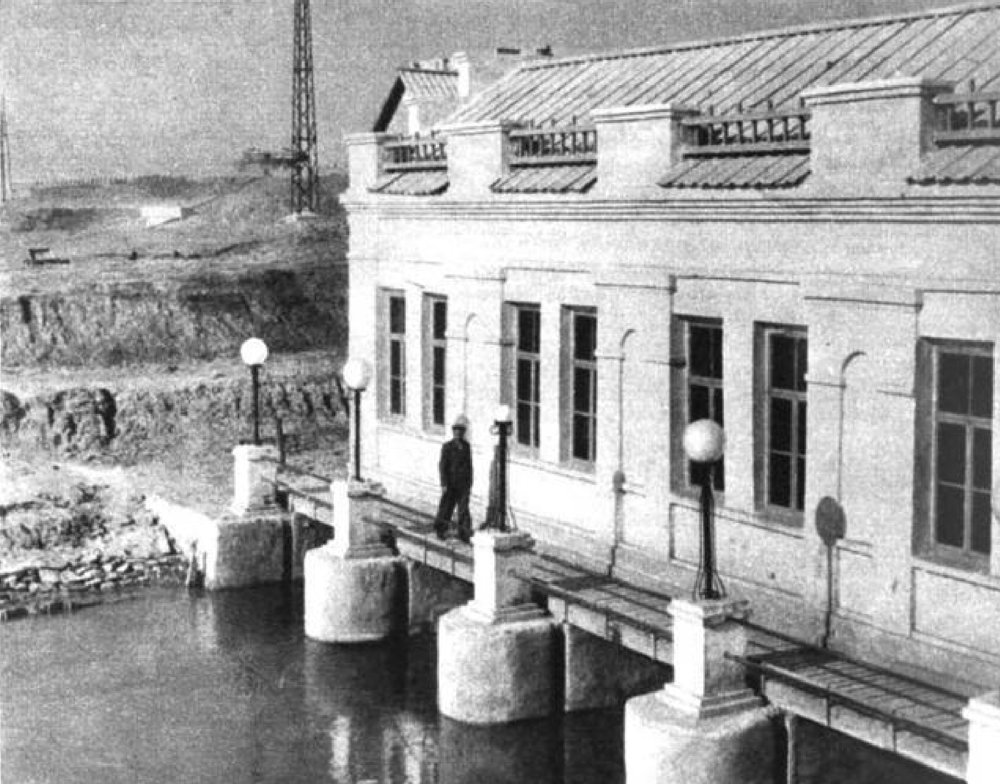
Шура Кружилина — невысокая стройная девушка. Волосы русые, а глаза крупные, глубокие и зеленые — такие часто встречаются у казачек.

Еще до прошлого года она работала в огородной бригаде. Там же работала ее подруга Маша Леонова. Колхозники в своих разговорах всегда противопоставляли девушек друг другу, потому что Маша Леонова — хохотунья, сто слов в минуту. Как звоночек, разносится ее голос по полям. Шура же спокойная, в движениях скупая и сдержанная, говорит тихо.

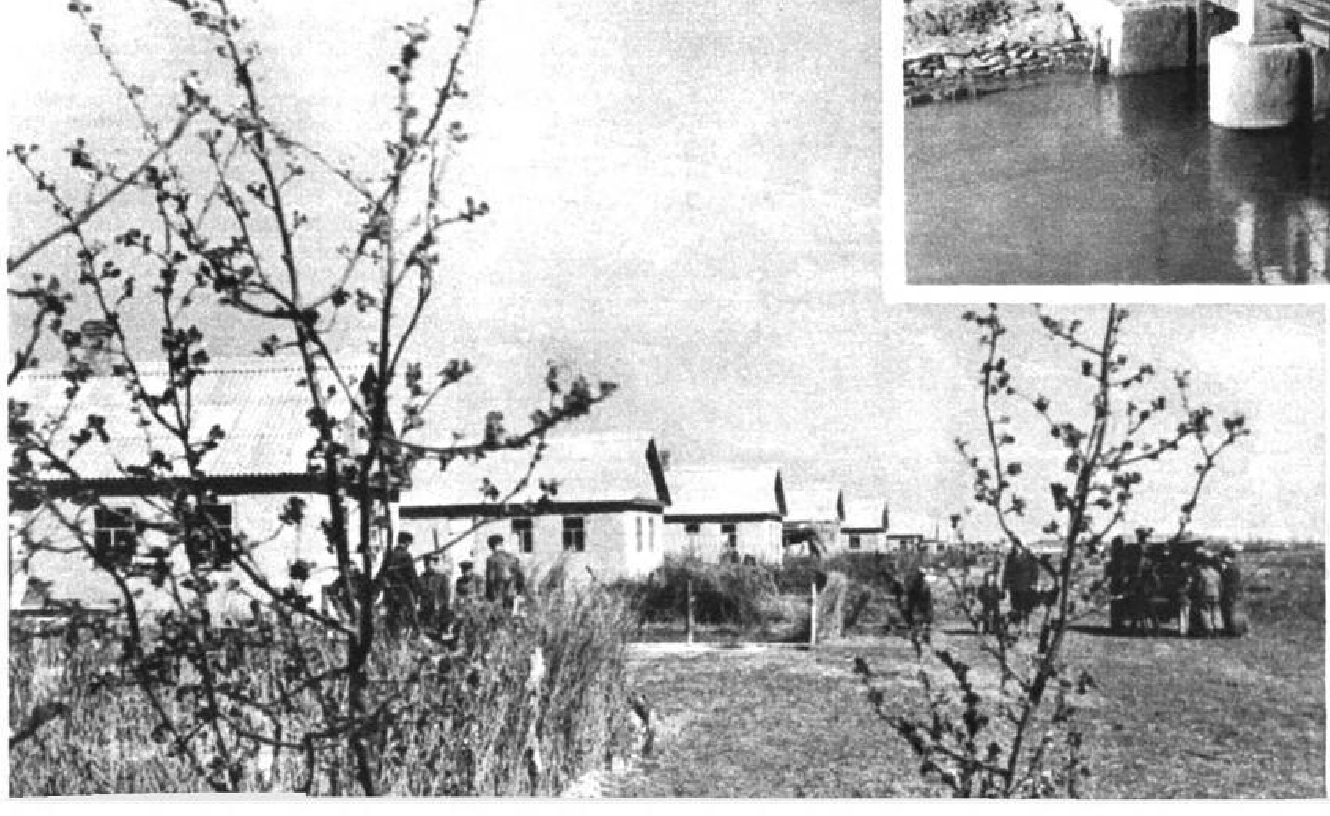
Земли в огородной бригаде было всего около восьмидесяти гектаров. Земля была поливная. Для этого разбит огород был на самом берегу Маныча. Стоял движок, работала помпа. Тихо качала она воду. Но и этого вполне хватало на небольшой огородный участок.

А ходила Шура на огород через огромные хлебные поля, не полу-

НА СНИМКАХ (сверху вниз):

1. От моря, все дальше и дальше углубляясь в степь, протянулся Веселовский оросительный канал.

2. Из этой распределительной камеры вода расходится по разным направлениям в глубь колхозных полей.

3. На Веселовском море стоит межрайонная гидроэлектростанция.

4. За какие-нибудь полтора месяца вырос на пустом месте новый поселок.

чавшие ни одной капли влаги за все лето. Родилось на этих полях по нескольку центнеров на гектар. «И как еще столько родится!» — удивлялась Шура. По опыту на огороде она знала: не польешь — не вырастет ничего. А тут все-таки родилось.

Часто разговаривали Шура и Маша:

— Вот бы все поля так же поливать, как мы огород поливаем! Сколько бы хлебища-то выросло!

— Придумаешь тоже! — звенела Маша. — Это тебе не огород. На три тысячи гектаров вон этой тарахтелкой не накачаешь.

— А вот увидишь, придет время. Знаешь, Маша, я думаю, нам обязательно нужно будет в поливальщицы идти. Все-таки мы уже насноровились.

— Ладно, пойдем записываться в поливальщицы, а то у правления, наверно, уж очередь стоит.— И обе заливались смехом.

— Я Горького недавно читала,— снова становясь серьезной, говорила Шура.— Рассказ такой есть — «Мальва». Там один мужик увидел Черное море и говорит: эх, если бы это все земля была, распахать бы!.. А у нас ведь, Маша, море земли-то, море! И распахана она, вот водички бы только...

А когда Шура приходила домой, мать ее Агафья Марковна говорила:

— Я там водички зачерпнула, так процедила бы, дочка, а то мутна очень, с илом...

Между тем на глазах преображалась степь. Прежде всего в 25 километрах от «Искры», близ хутора Веселого, появилось море. Созданное волей и трудом людей, оно раскинулось до горизонта и еще дальше за горизонт. Горячий степной ветер, гнавший доселе только пыль да перекати-поле, быстро перестроился, весело погнал по морю белые барашки и, напитавшись морской прохладой, летел дальше, нес эту прохладу людям. В многокилометровую плотину мерно застучал прибой. Зашумело Веселовское море.

От моря, все дальше и дальше углубляясь в степь, потянулись два оросительных канала: Веселовский и Азовский. В них еще не было воды. Трассы каналов обозначались горами вздыбленной земли, широкими, развороченными следами тяжелых машин.

Веселовский канал, который должен был стать первенцем в оросительной системе Волго-Дона, чем дальше уходил в степь, тем все более и более ветвился, точно могучее дерево.

У Веселовского моря аукнулось — по колхозам вокруг откликнулось. Появились перемены и в колхозе «Искра». Из другого района области переселилась в «Искру», к воде, сразу целая бригада. Организовал переселение Петр Егорович Клочнев, ныне парторг «Искры». Старый колхоз выделил переселенцам «приданое». Они захватили с собой кузницу, мастерскую, 2 автомашины, 140 голов скота и на новое место приехали со своим хозяйством. Была уже осень, и люди занялись строительством. За какие-нибудь полтора месяца вырос на пустом месте новый поселок. В ровную линейку вытянулись четыре десятка аккуратных стандартных домиков. Новый поселок люди назвали «Зеленая роща», хотя никакой зелени там пока еще нет. Но раз люди захотели, чтобы поселок назывался так,— значит, будет зелень, будет роща, будут сады.

На складе в «Искре» появились невиданные доселе семена хлопчатника и риса.

Произошли перемены и в жизни Шуры Кружилиной. Ее послали в Новочеркасск, на курсы поливальщиц. Казалось бы, чему тут учиться? Но учиться было чему. Современная поливальщица — это и немножко топограф, и немножко агроном, и немножко техник. В тетради Шуры начали появляться записи: «Расходом воды в канале называется...» или «Всякая инженерная ирригационная система образуется...»

Узнала Шура на курсах, что с весны 1952 года будут орошаться по области тысячи гектаров пахотной земли, что на полив каждого гектара нужно 600—700 кубометров воды, что Веселовское море скоро будет пополняться водой из моря Цимлянского.

Научилась она разбираться в полях по карте. Узнала, как нарезать временные оросители, поливные и выводные борозды, как пускать воду на полосу и как вести эту воду за собой по полосе.

Вернулась в колхоз Шура Кружилина в сентябре прошлого года. Вскоре ее назначили заместителем бригадира по орошению в третью полеводческую бригаду. Эта бригада целиком состояла из людей «Зеленой рощи».

Дождливой зимой на полях делать было нечего. Молодежь колхоза собиралась в клубе. Разыгрывали пьесы, устраивали концерты самодеятельности. И не только в своем колхозе — выезжали в другие. Перед концертами Шура Кружилина выступала с лекцией о возделывании картофеля в Ростовской области. А потом выходила на сцену уже как артистка. Успевала она и много читать. В абонементе у нее появлялись то «Живая вода» Кожевникова, то «Способы полива», то «Кавалер Золотой Звезды», то «Значение удобрения на орошаемых землях».

Быстро промелькнула зима. Этой весной Шура должна была сделать то, к чему так готовилась,— пустить воду на поля.

Проведать Шуру Кружилину (справа) пришла ее подруга Маша Леонова.

На строительстве нового поселка. Слева — парторг колхоза «Искра» Петр Егорович Клочнев.

Маша Леонова немного опередила свою подругу. Ей довелось поливать уже в прошлом году. Ну что же, зато теперь можно будет учесть все прошлогодние неудачи и промахи!

В то время когда запыленный паренек постучался в крайнюю хату хутора и когда пожилая казачка крикнула сынишке Саньке, чтобы он бежал к Кружилиной, Шура кончала нарезку полей. С картой в руках ходила она по полям и прикидывала, где должен пройти временный ороситель, а где выводные борозды. Потом она шла в конец поля и подавала сигнал. И тогда через огромный хлебный массив шел на нее трактор, а за ним по зеленому бархату всходов тянулась прямая черная глубокая борозда. Потом Шура шла в другое место, и снова трактор шел на нее.

За этой работой и застала Шуру весть о воде.

Никто не спал в колхозе в эту ночь. Все знали, что вода уже идет третьи сутки и что вот-вот она должна появиться. Не спали колхозники потому, что нужно было делать дело. В пустое ложе канала доверху набилось перекатиполя, и теперь его нужно было убрать.

А утром положили на дно канала большой каравай хлеба и на нем горсть соли. Ребятишки убежали далеко вверх по каналу и там ждали воду. «Идет! Идет!» — донеслись издали их голоса. Некоторые из ребятишек бежали по каналу впереди воды. Некоторые прыгали прямо в воду. А вода катилась мутным валом. Тихо шипела пересохшая земля, впитывая влагу. Люди кричали «ура», бросали в воду цветы, некоторые становились на колени и умывались.

Вода бережно подняла хлеб-соль и понесла его в глубь колхозных полей.

Шура Кружилина привычно взялась за длинную ручку «хлопушки». Эту ручку нужно потянуть на себя, и тогда вода из канала устремится в один из временных оросителей. Шура чувствовала на себе взгляды бригады, что расположилась сзади с поливными инструментами: щитами, сифонами, лопатами. Оглянувшись, она увидела рядом с собой парторга Клочнева.

— Что робеешь? Давай! Маша Леонова уже поливает. — Парторг ласково улыбнулся.

— Я не робею, Петр Егорович. Да ведь как-то... Эх! — И как бы устыдившись чего-то, Шура резко открыла «хлопушку».

Вода с урчаньем устремилась в трубу, а сзади Шуры она уже вырвалась в борозду, и по ней, виляя темным растопыренным плавником, барахтаясь, поплыл жирный золотистый сазан.

— К золотому урожаю, — серьезно сказал парторг.

Шура подняла голову. До самого горизонта зеленели поля. Лицо ее осветила ликующая улыбка. Может быть, она улыбалась тому, что исполнилась ее мечта, а может, она увидела эту степь не зеленой, а золотой, какой она будет осенью. От самого Веселовского моря будут катиться по степи золотые волны спелых хлебов.

Теперь Шура шла уже по полю и умело вела за собой широко разлившийся поток воды.

Пей, земля, досыта пей!

Веселовский район,
Ростовская область.

НА ВЕЛИКОЙ ТРАССЕ

Короткие рассказы

Б. ПОЛЕВОЙ

Рисунки О. Верейского

В ТУМАНЕ

Весна нагрянула сюда внезапно.

Перед этим несколько недель сильно мело, набросало много снега. Метели заштопали все проплешины, и степь, где шли работы, развертывалась вокруг строек ровная, чистая и такая белая, что казалась бескрайной, потому что совершенно сливалась с таким же белым холодным небом, и горизонт как бы исчезал. Дули северные ветры. Они полировали сугробы сухим, шелестящим снежком, и когда солнцу удавалось пробиться сквозь белесую дымку, наст ослепительно сверкал в его желтых негреющих лучах.

Было очень холодно. Бетон подмерзал в самосвалах за то короткое время, пока его везли с завода. Электросварщики, крепившие арматурные блоки, боялись снимать рукавицы. При малейшей неосторожности руку прихватывало к металлу, и можно было поплатиться кожей ладони. Шоферам, возившим по степям строительные грузы, выдали меховые полушубки и фронтовые ушанки. По всей стройке день и ночь на железных листах горели костры.

Но однажды утром люди не увидели ни грандиозной панорамы строительства, которой они привыкли любоваться, идя на работу, ни аккуратных улиц новенького поселка, ни даже своего крыльца. Все вокруг заволакивал седой туман, такой густой и плотный, что нельзя было разглядеть и собственную вытянутую руку. Было тепло, даже как-то парко. Дорога, которая еще вчера звенела, твердая, как камень, расползалась под ногами влажным, зернистым снегом. Рабочие, что были из местных жителей, объяснили пришлым: это туман-снегоед, это нагрянула бурная весна.

И действительно, с быстротой, какая бывает разве только в театрах, пейзаж изменился: снега посерели, из-под них полезла черная, маслянистая, насыщенная влагой земля. Дороги развалились, расширились, расползлись по степи, и там, где еще вчера весело, ходко, точно по автостраде, бежали вереницы машин, лишь мощные тракторы, сердито отфыркиваясь, упрямо меся грязь своими не знающими устали гусеницами, тянули срочные грузы. Лишь им да вездеходам остались доступны степные дороги, над которыми весь день зыбилось студенистое марево, да жаворонки звенели тонко и нежно.

Вот по такой-то дороге и двинулись мы с товарищем на дальний объект, который первым держал решающее испытание под внезапным напором вешних вод. Раскисший чернозем засасывал ноги. Резиновые сапоги от налипшей на них грязи стали тяжелыми, как обувь водолазов. Одежда взмокла от пота, липла, связывала движения.

К вечеру туман сгустился. Солнце увязло в нем, не дойдя до горизонта. Быстро наступившая ночь накрыла нас так неожиданно, что мы не успели хотя бы и приблизительно определить, далеко ли осталось идти. Влажная мгла обступала нас со всех сторон. Чавкала грязь под ногами. То тут, то там легонько шелестел ручеек да вздыхал, оседая, оттаявший за день крупичатый снег. Лишь звон проводов, приглушенный туманом, служил нам невидимой вехой.

Легко понять радость, которую мы испытали, когда где-то невдалеке впереди услышали вдруг голоса. Они звучали еле слышно, и порой казалось, что это обман усталого слуха. Мы ускорили шаг, и, как это всегда бывает в тумане, голоса сразу приблизились настолько, что легко было узнать, что разговаривают две женщины, что говорят на ходу, двигаясь в том же направлении, что и мы. По тому, как уверенно шли незнакомки, как спокойно они беседовали, видно было, что дорога эта для них привычная и не впервой им ходить по степи в туман и распутицу.

Разговор у женщин завязался, повидимому, уже давно.

— ...Так он вам прямо и сказал? — отчетливо произнес молодой, звонкий женский голос. И в нем прозвучали сразу удивление, гнев и сочувствие.

— Так-таки и сказал,— отозвалась другая женщина низким, грудным контральто, и хотя говорила она по-русски, в самой манере произносить слова звучала украинская напевность.— Так и сказал: «Уйди,— говорит,— Ольга, отсюда, потому мне сейчас вот как не до тебя!» У меня даже сердце упало: «Как не до меня? А до кого? Может, до этой глазастой сварщицы Надьки? Может, до этой вашей рыжей инженерши, что в штанах всем на смех ходит?» А он, Женечка, знаешь что? Он смеется. «Раз,— говорит,— Ольга, я пятнадцатый год твой характер терплю,— значит,— говорит,— ты от меня не только весь женский пол, а само солнышко заслоняешь». Слышишь, Женечка, что придумал, чорт длинноногий! «А сейчас,— говорит,— все же уйди, не до тебя! У меня,— говорит,— сейчас все мысли, все силы — все к одному: как наша работа воду выдержит, а ты,— говорит,— отвлекаешь». Я его, Женечка, отвлекаю! А? Для него ребят на дочь-малолетку оставила, десять верст такую грязюку промесила, и пожалуйста вам... Ну, ты скажи, Женечка, не обидно мне?

— Все, все, все они, Ольга Петровна, такие. Да, да, да! — зачастила та, которую называли Женечкой.— Все, ну абсолютно все! Знаете, откуда я к своему сюда ехала? Из Сибири. Четыре тысячи километров!.. Интересная работа, учеба, батя — первый человек на руднике. Дом. У меня своя комната в два окна, мама обо всем заботится, мне только работай да учись! И я, как последняя дура, все бросила, с отцом поссорилась и к нему сюда, в степь. Здравствуйте! Приехала!

— А ведь вы, говорят, и женаты тогда не были?

— Ну, правильно... Да и там, дома, на руднике, между нами ничего такого не было. Ну дружили, ну в вечернем техникуме вместе учились, провожал он меня... Ну там в театр ходили. И все. Я ему и поцеловать-то себя ни разу не разрешила... Он ведь у меня только на работе Илья Муромец, а так он робкий... Я до того на него тогда рассердилась, что даже на вокзал его провожать не пошла: как же, променял меня на какую-то стройку! А потом, как отсюда первое письмо пришло, как написал он нам, что вынул своим ковшом

первые кубометры земли, что в палатке живет и комары его тут едят, я и сорвалась. Мать плачет, отец в комсомольский комитет на меня подать грозит, сама слезами обливаюсь. Но нет: поеду, и все! Оттого, что он сюда ушел и меня ради этого оставил, он мне даже милей стал... Первые-то месяцы мы в общей палатке прожили. Бывало, комары так нажиляют, глаз не раскрыть, а ему что, он разве ценит?

— Как мой, как мой! Два сапога пара.

— Все они такие, мужчины, Ольга Петровна,— тоном большой житейской умудренности произнесла Женечка.— Какого ни возьми... И ведь что обидно: экскаватор у него самоновейший — это ему страшно лестно, этим он гордится, а что рядом молодая жена, на которую все инженеры заглядываются,— это ему неважно, этого он и не замечает!.. Реветь, реветь хочется! И ведь реву, вы что думаете?.. Помните, из Малого театра к нам на гастроли приезжали? Я как раз тогда новое платье сшила. Может быть, видели, это бордовое из креп-жоржета, с пелеринкой? Оно ко мне очень идет. Я радуюсь: вот обновлю. И он рад. Хоть на языке-то у него все «деловые кубометры» да «деловые кубометры», а театр любит. Бывало, на руднике ни одной постановки с ним не пропустим. И тут: надел серую тройку, в которой он на конференцию сторонников мира в Москву ездил, ботинки начистил, хоть в них смотрись! Я ему свой батистовый платочек в кармашек сунула — ну, куда там!.. Идем, радуемся. А навстречу на самосвале его сменщик несется. Весь в глине, точно под пульповодом побывал. Мой ему: «Ты куда?» Тот кричит: «За механиком, поломка! Второй час стоим!» Мой как был в новом костюме, с моим беленьким батистовым платочком в кармане, так в кузов и прыгнул. Стучит кулаком по кабине: «Назад, в карьер!» Я стою, как дура, на тротуаре, а он обо мне забыл и думать. Уж потом издали крикнул: «Ступай в клуб, приеду туда!» Вот я и сидела одна рядом с пустым местом, сидела и злилась до самого перерыва... Ольга Петровна, милая, вы подумайте, каково это мне в новом платье сидеть рядом с пустым местом? Ну, думаю, вернись только, я тебе покажу! И весь перерыв проходила в фойе с инженером Капустиным, знаете, из гидромеханизации, блондин такой, высокий, очень симпатичный.

— И холостой, кажется.

— Ну, это мне ни к чему. Это мне абсолютно все равно... Нарочно ходила с ним под руку, нарочно смеялась, даже в буфет с ним зашла, чаю с пирожным выпила. И вот какие мы, женщины, прямо на себя досадно!.. Хожу с этим инженером, смеюсь, а слезы во мне кипят, и все я о своем, о нем думаю... Вернулись в зал, все концерт слушают, радуются, переживают, а я слезы глотаю и не вижу, что на сцене-то делается. Собралась было вовсе уйти, да вдруг, пожалуйста, является. И вы думаете, прощения попросил, извинился? Ну как же! Первое слово: «Починили». А сам — матушки мои! — весь в глине, на ботинках целые лепешки, усталый, потный! Шепчу ему: «Хоть лицо оботри». Вынул он мой платочек, а тот весь черный, будто это и не батист вовсе, а концы для обтирки.

— Ай-яй-яй!.. Ну, ты его как следует проработала?

— То-то что нет. Стыдно сказать: даже обрадовалась. Такая досада!.. Только уж слово дала: если он еще раз такое себе позволит,— уеду! Витьку заберу и уеду... Слабый у меня характер, Ольга Петровна!

— У всех у нас слабый характер,— отозвалась собеседница.— Но я еще своему покажу, как я его отвлекаю!.. Вот паводок сойдет, автобус наладят, явится он домой, я с ним потолкую! — И вдруг, перейдя на полушепот, она сказала: — Женечка, слышишь, что это они за нами тянутся, не отстают и не догоняют.

Последнее относилось уже явно к нам. И в самом деле, может быть, нескромно подслушивать чужой разговор, но ведь не часто счастливится литератору так вот незаметно заглядывать в человеческие души. Полагая, что разговор спутниц возобновится и потечет попрежнему невыдуманный, непосредственный, мы слегка уменьшили шаг.

— Ишь, и не подходят. Может, это какие нехорошие, а? — испуганным шепотом сказала Женя.

— Нехорошие!.. Нехорошего разве в такую грязюку да в туман в степь выгонишь?.. Наверно, как мы с тобой, по срочному делу,— отозвалась Ольга Петровна и громко, адресуясь уже явно к нам, сказала: — Эй, граждане, чего издали-то бабьи балачки слушать, подтягивайтесь, в компании веселей...

Туман подвел нас. Женщины оказались совсем рядом, и мы чуть не натолкнулись на темные фигуры, высокую и поменьше, как-то сразу возникшие в сплошной переливающейся мгле. Спутницы были в ватниках и резиновых сапогах. Головы у обеих были обмотаны шерстяными платками так, что трудно было рассмотреть лица. В руках обе что-то несли.

Выяснилось, что идем мы на один и тот же объект, что дорога попутчицам хорошо известна и, по мнению их, идти осталось уже немного. По мере ночного похолодания грязь под ногами покрывалась ледяной коркой, точно бы подсыхала, туман начинал редеть, становился волокнистым, прозрачным. Проглянула луна, засверкали кругом подмерзшие лужицы в колеях, и мы разглядели спутниц.

У Ольги Петровны, высокой женщины средних лет, было строгое, точно очерченное лицо с крупным энергичным ртом. Шелковистым пушком темнели над верхней губой усики. У маленькой Жени виднелся только вздернутый нос, глаза посверкивали из-под низко надвинутого платка, да развевался русый пушистый локон, который она, двигая щекой по плечу, все старалась убрать под платок: обе руки ее были заняты.

Произошло то, с чем, увы, часто приходится сталкиваться литераторам. Узнав, кто мы и зачем в такую пору спешим на объект, спутницы как-то сразу переменились. Исчезла чудесная непосредственность, которая минуту назад звучала в их разговоре. Они пустились наперебой рассказывать о стройке, где работали их мужья. Говорили с гордостью, даже увлекаясь, но, увы, тем ровным, безликим языком, который иногда ошибочно называют газетным. О своих мужьях, знаменитом экскаваторщике и бригадире бетонщиков, они сказали только, что это передовые люди, и сообщили, на сколько целых и на сколько десятых процента те выполнили месячный план.

Огни уже брезжили вдали, пробивая прильнувший к земле и совсем уже поредевший туман, когда товарищ мой догадался поинтересоваться, зачем в распутицу, в ночную пору спешат эти женщины на стройку. И тут опять их речь зазвучала с прежней непосредственностью.

— А паводок-то! Наши теперь и живут там, вроде бы на казарменном положении. Восьмой день дома не появляются,— отозвалась Женя.— Работы у них сейчас там!

— Да и есть им время! Три часа по грязи туда, да три обратно. Машины-то через эту хлябь не проходят,— добавила Ольга Петровна.— Вот несем им поесть. Мы с мужем из-под Полтавы, борщику ему украинского сварила; мой любит борщ — страсть! А она вон пельмешек нашлепала для своего сибиряка... Ну и еще кое-чего по малости.

— А что же у них столовки нет, что ли?

Женщины переглянулись и поглядели на нас: одна — с недоумением, другая — со снисходительной улыбкой.

— У них там не только что столовка — ресторан. Шеф у них хвастает, будто в войну маршала какого-то питал. Меню висит — без словаря и не поймешь, что в нем и есть,— пояснила Женя с некоторой даже обидой, усмотрев, повидимому, в самом вопросе непростительную, даже обидную неосведомленность.

— Есть, все у них там есть, граждане, да только разве этот их разлюли-повар со своими фрикадельками да соусом «Тру-ля-ля» сготовит так, как хорошая жена? Он, может, и не врет, что маршала довольствовал, а только маршал, наверное, ел да по маршальшиным щам скучал... Разве ресторанное-то с домашним сравнишь?

...Похрустывала, расползалась под ногами жидкая грязь. Болела, точно бы даже поскрипывала поясница, дрожали в коленях тяжело натруженные ноги. Каждый шаг стоил усилия. Но впереди в очищенном морозом прозрачном воздухе бесконечной россыпью огней, в дрожащем электрическом зареве все ближе, все ярче вставала стройка.

ЦЫПЛЕНОК

О человеке этом мы услышали, еще не добравшись до стройки, на вокзале, зайдя перед выездом на трассу пообедать в станционный буфет. Добрую половину буфетного зала занимала шумная компания молодых людей. Их чемоданы, баулы, вещевые мешки громоздились под окном, в сторонке. Сами же молодые люди, громкоголосые, обветренные, с руками и лицами, покрытыми зимним фиолетовым загаром, сидели за сдвинутыми столиками, на которых теснились бутылки и тарелки с закусками. Как все, кто работает на открытом воздухе, они разучились соразмерять свой голос, и говор их звучал на весь зал.

Из их беседы нетрудно было выяснить, что все они экипаж какого-то большого землесосного снаряда, что, окончив свое дело на канале, они вместе отправляются на новую стройку под Жигули, где им предстоит обновить небывало большое землеройное судно, которое недавно было спроектировано знаменитым конструктором и только что выпущено заводом. Это явно льстит их самолюбию. Но, как всегда в таких случаях, всеми своими мыслями молодые гидромеханизаторы были еще там, откуда они только что уехали. Они вспоминали о канале тепло, с легкой грустью, точно ученики о родной школе в час расставания с ее стенами. И в разговоре их, оживленном легким молодым хмелем, часто мелькало имя какого-то Федора Ивановича, который всем им, повидимому, был очень дорог и о котором они вспоминали теперь с особым вкусом:

— Вот бы Федору Ивановичу с нами, на Жигули!

— Ну, скажешь! Разве такого человека до сдачи трассы отпустят!

— А как провожал-то он нас, ребята!..

Попав на стройку, я узнал, что Федор Иванович — инженер, начальник одного из строительных районов, как раз того самого, откуда только что выехал под Куйбышев встретившийся нам молодежный экипаж. И сразу бросилось в глаза, что все, с кем нам ни довелось говорить, принимались рассказывать о нем самые приятные вещи. И хозяйственник-то он расчетливый и рачительный, и инженер смелый, ищущий, вечно не удовлетворенный собой, и коммунист твердый, вдумчивый, прирожденный вожак, и человек бесстрашный, самоотверженный, трудоспособности необычайной.

Много интересных историй услышали мы о Федоре Ивановиче, и образ передового советского строителя, одного из тех, чей ум и инициатива воплощали здесь в жизнь грандиозные сталинские планы, как-то уже сам собой сложился в сознании. Не хватало лишь живых штрихов. Но самого инженера в это время на стройке не было. С делегацией новаторов своего района он уехал к соседям, у которых почему-то затормозилось дело.

Легко представить, с каким нетерпением мы ждали его возвращения. Знакомство произошло случайно, на месте работ. Нам показали начальника района, когда тот, стоя на склоне плотины, что-то с жаром объяснял десятникам или бригадирам, толпившимся возле. Потом они торопливо разошлись, а инженер остался стоять на месте, должно быть, залюбовавшись панорамой стройки. Это был невысокий коренастый человек с простым лицом, которое так и излучало веселую энергию, с глазами цвета речной воды, какой она бывает тут, в степных реках, в ясный, погожий день.

Черный ватник, плотно застегнутый и подтянутый ремнем, выглядел на нем весьма щеголевато. Кепку инженер держал в руке, и ветер, тянувший из степи, теребил его давно уже не стриженные русые волосы.

Я поднялся на вершину плотины и представился. В ответ он крепко тряхнул мою руку и неожиданно сказал:

— Повезло нам с вами! Во-время ухитрились родиться. Все самое интересное видим. Да что там видим — создаем!.. Нет, вы только поглядите, поглядите кругом! А!

Отсюда, с гребня плотины, далеко, до самого горизонта, простиралась грандиозная панорама строительства. Весенний воздух был совершенно прозрачен. На фоне зеленеющей степи огромные, сложные сооружения вырисовывались четко, как макет на столе. Студенистое марево зыбилось над ними, и жаворонки звенели в голубом небе с таким старанием, будто и они объявили себя стахановцами и старались перевыполнить свои нормы.

— А ведь я видел, как тут первую лопату земли подняли... Нет, нет, не фигурально, а в буквальном смысле слова... Морозяка был. Грунт будто окаменел. Заступ чуть было не сломали, а поддели-таки с килограмм земли. Уж очень не терпелось поскорей начать...

По привычке я полез в карман за блокнотом, но инженер взглянул на часы и заторопился:

— Простите, спешу... Понадобится помощь — прошу не стесняться... Звоните в любое время...

Он с юношеской легкостью сбежал с откоса и зашагал к дороге, на которой его ожидал сутулый вездеходик.

Помощь он действительно оказывал очень охотно. Никто, как он, не умел так интересно рассказывать о людях, разъяснять суть их трудового героизма. Живой, общительный, интересующийся всем на свете, он мог, если было время, часами говорить о стройке, мечтать о будущем этого пока что скупого и пустынного края, уноситься мыслями в те недалекие уже годы, когда могучая сила покоренной воды великих рек, превратившись в электроэнергию, хлынет в нашу промышленность, а щедро напоенные пустыни превратятся в плодороднейшие земли.

И говорил он обо всем этом так, будто уже сам побывал в этом будущем, все там успел осмотреть умным, цепким глазом и теперь вот рассказывает как очевидец.

Беседуя с ним, я заметил, что он ничего не говорит о себе и, как мне начинало казаться, даже нарочно обходит все, что касается его собственной личности. В человеке открытом, общительном это было странно. Но интересовал он меня все больше, и я решил при случае поговорить с ним напрямки.

Случай такой скоро представился. В этот день на последней карте заканчивался намыв земляной плотины, очертаниями и размерами своими напоминавшей горный отрог. Это был знаменательный день. Намывщики других смен, свежевыбритые, расфранченные, источающие ароматы ядовитых парикмахерских одеколонов, пришли сюда посмотреть, как лягут в гребень плотины последние кубометры песка.

Был тут и начальник района. В кожанке, в серой шляпе, задорно сбитой на затылок, стоял он среди других. Загораживаясь от солнца газетой, с тем напряженно-радостным выражением, какое бывает на лицах у завзятых театралов, когда они видят хорошую актерскую игру, он наблюдал, как бурая, тяжелая грязь выплескивается из железных пастей пульповодов.

— Заканчиваете, Федор Иванович?

Вместо ответа он только утвердительно кивнул головой, потом с удовольствием хлопнул свернутой газетой о ладонь:

— Читали? Китайцы-то взнуздывают свою Хуанхэ! Миллионы людей на трассе! Здорово, а? И описано ловко — ясно себе все представляешь...— Помолчав, он добавил: — Китайцы вон грандиозные дамбы строят, румыны роют канал Дунай — Черное море, болгары полезащитными лесными полосами от суховеев отгораживаются, венгры хлопчатник и цитрусовые в центр Европы притащили... Это вам не чумных блох выводить!

Он хитро прищурил голубые глаза.

— А кто им дорогу показал? Да мы с вами — советские люди. То-то вот и оно... Китай-то вон он где — за горами, за долами, а радостно, будто у тебя в стройрайоне все это происходит!

Мы отошли в сторонку и присели на толстой трубе, которая лежала на хребте плотины, сбегала вниз, в долину, и тянулась к горизонту, где у стеклянной полоски реки темнели неуклюжие земснаряды. Масса песка, перемешанного с водой, неслась по трубе. В ней все время позвякивали и шуршали увлекаемые потоком мелкие камешки, и от этого труба казалась живой. Федор Иванович похлопал по трубе рукой:

— Вы с парашютом прыгали? Я тоже, в юности, студентом... Вот когда я обо всем этом думаю, дух захватывает, будто в ясное, хорошее утро с парашютом прыгнул.

Настроение собеседника показалось мне подходящим. Я прямо сказал, что собираюсь о нем написать, и попросил рассказать его о себе и уточнить кое-что из того, что мне было уже известно. Он сразу весь как-то погас и скучным голосом ответил, что о себе ему рассказывать нечего.

— Ну, например, ваш район второй год держит переходящее знамя. И это тут, где все перенасыщено трудовым героизмом...

Инженер улыбнулся и ответил снисходительно, точно я заставил его пояснять всем известную, непонятную лишь мне истину:

— Знамя! Правильно, держали, держим и мечтаем взять на вечное хранение... А какие у меня люди! С такими не только эту плотину — горный хребет соорудить можно...— Он вдруг вскочил.— Что это пульпа жидкая пошла?.. Усманов, Усманов! Звоните на земснаряд... Что они там бульон какой-то подают!.. Ну, мне пора... У меня в конторе, наверное, уже инженеры собрались...

Он шагнул на трубу пульповода, прошел по ней несколько шагов, потом оглянулся и, увидев мое разочарованное лицо, повернул обратно.

— Сердитесь? Ну, честное слово, некогда... Хотите, приезжайте ко мне вечером. Завтра воскресенье, я свободен, жена пельмени сделает, посидим, выпьем. Не серчайте, обещаю, как в отделе кадров, на все вопросы ваши ответить.

Он даже не пошел, а побежал по трубе вниз, в долину, что было нелегко, так как труба, приподнятая на деревянных козлах, местами тянулась высоко над землей.

Вечером мы были у Федора Ивановича. Занимал он половину просторного двухквартирного дома в новом поселке, который за эти годы живописно раскинулся на холмах на берегу моря, существовавшего тогда еще только на проектной карте. Было известно, что инженер постоянно, вот уже много лет, кочует со стройки на стройку, но ничто в его просторной, уютно обжитой и хорошо обставленной квартире не напоминало о недолговременном, бивуачном жилье.

Пока жена его, веселая сибирячка, с приятным и добрым лицом, возилась на кухне с пельменями и между делом неторопливо, но ловко накрывала на стол, мы уселись с хозяином на диване, и я прямо спросил, почему он так упорно отказывается говорить о себе.

— Ну ладно. Буду говорить,— ответил он с таким видом, словно бы заставлял самого себя принимать неприятное лекарство.— Вам ведь нужны особые люди, жизнь которых увлекает, учит, показывает путь. Так? А я вам на что? Самый обычный советский человек. Партия меня воспитывала вот с такой поры: октябренок, пионер, комсомолец, коммунист. Правительство обо мне пеклось с детства — с яслей, куда меня мать носила, уходя на работу,— до института, где мне дали сталинскую стипендию. Даже на войне не привелось побывать. Выстрелы только на охоте слышал,— он наклонился и, косясь на маленькую, четырехлетнюю дочурку, старательно и серьезно водружавшую в эту минуту масленку на накрытый уже стол, заговорщицки шепнул: — Ну, скажите: зачем я буду перед вами рисоваться, говорить то, чего нет?

— Ну как же нет?.. А, например, мост? Мне рассказывали, как вы спасли его в паводок.

— Это кто же рассказывал? Сотни людей его спасали, в ледоход по грудь в воде баграми работали. А я даже ног не промочил. Мост! Кабы не эти люди, плавать бы мосту в Азовском море. У нас один парень, водолаз, вот он действительно герой! Он в те дни, знаете, что...

— Погодите про водолаза... Ну, а вот вы несколько суток не ложились спать... Эти толовые шашки придумали бросать.

Выражение скуки сменилось на лице собеседника недоумением.

— Простите, как же я, начальник, лягу спать, когда люди из холодной воды не вылезают? Толовые шашки!.. А кому же это все придумывать, как не мне? Меня сюда назначили,

оказали доверие, мне за это, наконец, деньги платят!

— Но, говорят, первый заряд бросили вы сами, приказав перед этим всем покинуть мост.

— Ох, любят у нас рассказывать! Во-первых, я был не один, нас было двое. Наш взрывник, чудный парень, полный бант орденов Славы еще за войну имеет. Во-вторых, я ж рассчитал заряд, знал, что лед он разнесет, а фермы устоят. Все, все было рассчитано, иначе стал бы я рисковать мостом? Ну, а людей убрал, естественно, на всякий случай, мало ли что! Да и уши их берег, знаете, как грохнуло! Я три дня после этого ничего не слышал.

— А случай с геодезистом?

— И об этом наболтали! Ну и что? Ну и вытащил! А вы бы стали сложа руки смотреть, как человек под лед уходит?

— А история на перемычке?

— А что в ней особенного? Если строго судить, за это происшествие нам бы, мне в частности, надо холку мылить: не предусмотрел силы осеннего паводка, просчитался, проницательности не проявил. А ведь знал, что река сердитая, взбалмошная. И опять — народ! Все он и спас. Вот бы вам тогда посмотреть, как люди работали! Орлы!

— А мне говорили, что в критический момент вы бросились в воду и телом своим преградили дорогу потоку.

Инженер рассмеялся весело и так искренне, что длинные ресницы, выгоревшие на солнце, потемнели, слиплись в пучки от слез:

— Вот так и создают легенды...

Вдруг он привлек к себе дочурку, которая, продолжая помогать матери накрывать на стол, несла из кухни тарелку с хлебом.

— Видите эту девицу?

Девица, прислонившись к отцу, спрятала лицо у него на груди и лишь краем голубого, как у отца, глаза исподтишка поглядывала на нас.

— Ну, расскажи-ка дяде про цыпленка!

— Расскажи сам,— промолвила девочка, совсем зарываясь личиком в отцовский жилет так, что осталось видно только ее маленькое ушко, побагровевшее до свекольного цвета.

— Ладно. Расскажу. У нас тут наша мама кур развела. Ну, клушка высидела с десяток цыплят.

— И не с десяток, а одиннадцать штук,— последовало немедленное уточнение.

— Ну, хорошо, одиннадцать. И вот эта особа взяла над ними шефство. Стала при клуше чем-то вроде ассистента. Так, дочка?

— И совсем не так. Никакой я не ассистент. Просто мы с мамой поделились. Ей взрослых куриц и петуха, а мне цыплят.

— Опять верно. Они с мамой, как всегда, правы... А у соседей, у инженера, что в той половине дома живет, есть здоровенная собачина. Дог. Противная, злющая, слюнявая морда с торчащими желтыми клыками.

— Его Фашист зовут,— сказала дочка.

— Ну, вот, вот. Так этот Фашист, как фашисту и полагается, однажды нарушил границы и перепрыгнул в наш палисадник. Мы обедаем — и вдруг страшный крик во дворе! Прежде чем мы с женой понять успели, в чем дело, эта вот особа срывается со стула — и из комнаты. Мы к окну. Картина: дог наступает на наседку. Та не струсила, прикрывая цыплят, вся распушилась — и на него, на него! И все это так самоотверженно, бесстрашно, с таким искренним материнским гневом, что даже этот поганец дог оторопел, остановился. Зубы скалит, рычит, а напасть боится. Но один цыпленок сплоховал, не успел за мать спрятаться. Дог его — цап! И тут вот она, эта особа, слетает с крыльца, стремглав к этой громадной собачине, которую вся наша улица боится. Подлетела к ней и колотит ее кулачонками по морде, по морде. С матерью плохо. Я во двор бегу, зажмурившись. Выскочил — глазам не верю: дог отступает. А эта вот, вся обливаясь слезами, держит в руках раненого цыпленка.

— И не раненого вовсе. Он цыпленку ножку сломал. Но мы его с мамой вылечили. Он теперь уже не цыпленок, а петушок, только хроменький,— говорит девочка; она уже не прячется, а сидит у отца на коленях, с удовольствием слушая рассказ и, повидимому, снова переживая все происшествие.

Жена инженера, в переднике, с засученными рукавами, стоит в дверях, иронически улыбаясь:

— Опять про цыпленка! Федор Иванович у меня никогда гостю за стол не даст сесть, пока об этом не расскажет.

— А что, плохая история? — говорит инженер с деланным равнодушием, сквозь которое так и светится гордость.— Видели бы вы эту собачину! Телок! А она на нее с кулачонками, с кулачонками!

ПОСЛАНИЕ ПОТОМКАМ

Григорий Рассыпнов, невысокий, прочно сложенный молодой человек с широким, добродушным, обветренным лицом, бригадир молодежной бригады бетонщиков, о которой недавно щедро и хорошо написала комсомольская газета, пружинистым шагом ходит взад и вперед, ловко двигаясь в тесных промежутках между койками.

Помещение выглядит необычно. Это круглый, довольно просторный чум с дощатыми стенами, с узкими, продолговатыми окнами. Кровати расположены в нем, как спицы в колесе. Посреди чума стол, и за ним над чистым листом бумаги, нетерпеливо вертя карандаш, сидит Надя Боброва, очень миниатюрная, черноволосая девушка лет восемнадцати. В своем пестром шелковом платьице, в небрежно накинутой на плечи меховой шубке, как бы подчеркивающей, что девушка пришла сюда ненадолго и скоро уйдет, в густой шапке коротко остриженных волос, она похожа, пожалуй, на одну из тех актрис, что исполняют в театре роли мальчишек. На самом деле это электросварщица, и притом знаменитая не только в своем строительном районе, но и по всей трассе. Больше того: это бригадир электросварщиков, соревнующихся с бригадой Рассыпнова. Черными насмешливыми глазами она следит за тем, как Григорий маневрирует в тесных проходах. Перед ней возле листа бумаги стоит пустая бутылка с тщательно отмытой этикеткой, лежит обломок сургучной палочки, горит свеча. Странно выглядит эта свеча в помещении, освещенном электричеством.

В глубине чума, в тени, полулежит на койке Али Кутлукузин — большой смуглый парень с бровями такими широкими и густыми, что они похожи на черных мохнатых гусениц. По правилам общежития, лежать в одежде на койках строжайше запрещено, и Али устроился очень хитро: ноги у него, спущенные с постели, находятся на табуретке, и в любую минуту, как только начальник устремит на него пристальный взгляд, он может соскользнуть с койки и усесться как ни в чем не бывало.

Но Григорию сейчас не до правил. Продолжая шагать своей бесшумной, кошачьей походкой, он нетерпеливо ерошит на голове короткий русый бобрик, кусает губы, вздыхает, сосредоточенно морщит лоб.

— Видели бы тебя сейчас читатели газеты: вожак молодежи, всесильный богатырь в муках творчества! — насмешливо замечает Надя и начинает нетерпеливо постукивать черенком ручки по своим мелким ровным перламутрово-белым зубам.

Григорий царапает девушку коротким, сердитым взглядом, но молчит. Он явно сконфужен.

— Может быть, свечу погасить? Жалко, догорит, бедная, пока ты тут чум меряешь,— неумолимо продолжает Надя.

— Главное, хорошо начать,— говорит Григорий, сосредоточенно хмуря лоб. Он резко остановился перед столом, и лицо его, открытое, широкое, осветилось довольной улыбкой. — Нашел! Давайте начнем, как у Маяковского. «Уважаемые товарищи потомки!» А?

Наступает молчание. Слышно, как где-то вдали воют моторы бетоновозов, как под окнами барабанит весенняя капель, как совсем уже рядом перекликаются сверчки, неведомо откуда появившиеся в этом временном поселке строителей.

— Знаменито, граждане! — отзывается издали Али Кутлукузин, всегда и во всем согласный со своим бригадиром.

Но девушка сердито отбрасывает карандаш и, поправив на плечах шубку, насмешливо смотрит на Григория своими колючими глазами:

— Эх, знала бы комсомольская газета, что воспетый ею бригадир бетонщиков такой лентяй, что и своих слов найти у него терпения не хватает!

— А что, плохо? — напористо говорит Григорий.— Стихи-то какие! Звучат-то как!

— Хорошие стихи! — эхом отзывается Али.

— Да не Григорий Рассыпнов их сочинил. Ведь письмо-то должно быть наше: твое, мое, его, всех... Так? Это раз,— говорит девушка и, подняв свою маленькую руку, загибает мизинец перед самым носом Рассыпнова.— Потом, что у Маяковского идет вслед за этими строчками? Помните? Ну вот. Это два.— Она многозначительно загибает второй палец.— А в-третьих, товарищ Кутлукузин, кто вам разрешил нарушать правила и валяться в верхней одежде на койке!.. Таковы порядки в общежитии прославленной бригады, которую в газетах воспевают?

Али с ловкостью, какую даже трудно подозревать в его большом, тяжелом теле, соскальзывает с койки и с невинным видом усаживается на табурете. Григорий хмурится. Девушка изо всех сил старается подавить улыбку, и поэтому живое ее лицо становится напряженным, даже сердитым.

— Н-да...— тянет Рассыпнов и уже без всякой уверенности предлагает: — А что если мы начнем так: «Люди светлого будущего!»

— Ерунда! — отрезает Надя и опять поднимает свою маленькую руку.— Во-первых, это неточно: будущее тогда уже станет настоящим. Во-вторых, что это за обращение: люди. В-третьих, что о нас подумают те, кто будет читать наше письмо?

Девушка встряхивает своими жесткими цвета воронова крыла волосами и решительно склоняется к бумаге.

— Нет, давайте уж, как я предлагала. Начнем просто: «Товарищи!» Самое ясное, хорошее слово, нержавеющее слово, оно и через тысячу лет будет таким же.

Не дожидаясь согласия, Надя, стараясь писать как можно яснее и красивее, выводит в верхней части листа: «Товарищи» — и ставит восклицательный знак. И сразу, точно зажженное этим словом, вспыхивает все, что до этого лишь неясно тлело в мозгу Григория Рассыпнова. Он, почти не запинаясь, начинает диктовать:

— «К вам, кто будет жить много сотен лет спустя после нас, адресуем это письмо мы, комсомольцы и молодежь, строившие плотину и все эти сооружения, которыми вы пользуетесь теперь и которые вас так удивляют и поражают».

— Во-первых, не торопись, я не стенографистка. Во-вторых, что ты за них говоришь: «удивляют», «поражают»? Откуда ты знаешь, что наши сооружения будут их поражать?

— А как же? Они величайшие в мире! — с обидой говорит Али.

— Это сейчас, а тогда же будет коммунизм, коммунизм на всем земном шаре!.. Вы помните лекцию, которую в клубе читал главный инженер о производительных силах коммунизма? Атомная энергия движет машины. Обь, Енисей текут вспять, по новым руслам. Цветут пустыни... А ведь это — только начало.— Надя перестала писать, отложила ручку и мечтательно смотрит куда-то на потолок.— Ух, ребята, у меня голова кружится, когда я обо всем этом думаю. Знаете, будто залезаешь куда-нибудь высоко-высоко, под самые облака...

— Но поражают же нас египетские пирамиды!

— Ну, Григорий, это уж извини. Нашел с чем сравнить нашу стройку! — обижается Надя.

— Граждане, свертывайте прения, сейчас хлопцы из кино приедут,— торопит Али.

— Я предлагаю фразу закончить так: «...строившие эту плотину и эти сооружения в славное время, которое мы называем сталинской эпохой». Ну, возражений нет?.. Пишу.

Григорий Рассыпнов уже с нетерпением следит за смуглой маленькой рукой, быстро бегущей по бумаге. Мысли, наталкиваясь одна на другую, теснятся у него в мозгу. Все они кажутся ему удачными, и, боясь растерять или забыть их, он едва дает девушке закончить фразу и поставить точку.

— Пиши теперь: «Мы приехали сюда с разных концов нашей страны...» Нет, лучше: «...из всех краев нашей великой Родины...» Нет, стой, не так... «Мы приехали сюда...» Написала «сюда»? «...приехали сюда по призыву партии большевиков для того, чтобы по планам великого Сталина построить все эти самые большие, самые умные и самые смелые сооружения нашего времени». Ух, как ты медленно, забуду же я все!.. Написала? Давай дальше: «Мы и весь наш народ называли наши стройки великими стройками коммунизма, потому что мы строили их на радость человеку, для себя и для вас, наших потомков, самых счастливых людей на земле...»

Надя отложила ручку и подняла голову. Лицо у нее задумчивое, и в ее глазах, темных и блестящих, как омытые дождем вишни, теплится тихая радостная мечта. Она подняла взгляд на Рассыпнова и тихо, очень серьезно спрашивает:

— Гриша, а ты думаешь, им будет жить интереснее, чем нам?

— Кому — им? — осведомляется Али, успевший подсесть к столу.

— Тем, кому мы пишем.

— Ну, а как же! Коммунизм по всей земле! Войны — это уже история, которую им и представить-то трудно будет. Будут они читать о каком-нибудь там Трумэне с его чумными вшами и головами закачают: дескать, могла ли быть такая пакость на земле! Микробов сохранят только в музеях, как каких-нибудь ископаемых. Люди живут по сто, по полтораста лет...

— А я, Гриша, думаю все-таки, что интереснее нашего времени не будет, — задорным движением головы Надя сбрасывает волосы со лба.— Тяжело было в войну, и сейчас иной раз трудновато, а что из того? Зато, ребята, мы дорогу прокладываем. Первые стройки коммунизма кто строил? Мы с вами. Кто ветры горячие останавливает? Мы. Климат переделывать кто начал? Мы. Кто великие реки вспять повернет? Опять мы. А кто первым в коммунизм войдет? Да мы ж, мы, ребята, с вами! Мы!

Девушка подняла руку с пятью победно загнутыми пальцами.

— Правильно, Надя,— поддержал Али. Дрема сошла с него. Черные брови шевелятся на крутых надбровьях, показывая, что этот неторопливый, малоразговорчивый парень не на шутку взволнован. — Правильно, Надя! Наш колхоз в районе самый богатый — трижды миллионер. Наша семья Кутлукузиных самая богатая в колхозе: хлеб класть некуда. Картошку в прошлом году в детдом отдали. «Москвича» купил. Езди, Али! Аккордеон купил. Играй, Али! А где Али? Здесь Али. На стройке бетон кладет. Трудно, а весело. Каждый день новое, каждый день радость. Может, не так? Не смейся, не смейся, товарищ Боброва! Это правильно, только, может быть, по-русски говорю плохо.

— Нет, нет, ты, Али, очень хорошо говоришь! И все это есть сейчас вот, а впереди, впереди-то у нас что? Я, ребята, слово себе дала: замуж не выйду, пока не увижу, как Обь русло повернет, и пока я там, на ее новом русле, возле какой-нибудь плотины или моста со своим держачком не полазаю... Я тогда с лекции домой пришла, легла спать и не засыпаю, сна нет, а перед глазами горы летят в воздух. Огромная вода новую дорогу ищет... И я, Надька Боброва, где-то тут со своим держачком копошусь, и дуга посверкивает, и что-то мое в это великое дело входит... Я так думаю, хлопцы: вот напишем мы письмо, найдут его люди через века, прочтут про нас и, честное пионерское, нам позавидуют... Ну, давайте, давайте писать. Мы тут остановились на словах «самых счастливых людей на земле...» Оставить или вычеркнуть?.. Григорий, Григорий, заснул?

Григорий Рассыпнов остановился, смотрит на Надю, но вопроса ее он, очевидно, не слышит. На его открытом лице отражена напряженная работа мысли. Несколько раз он точно бы собрался что-то сказать, но не произносит ни слова. Наконец, взглянув через надино плечо на написанное, он задумчиво произносит:

— Давай так: «...для наших потомков и наследников, живущих при полном торжестве коммунизма».

Дальше все идет гладко. Не желая, чтобы потомки слишком уж зазнавались, и в то же время справедливо предполагая, что многое из того, чем мы живем, в те далекие времена станет уже непонятным, авторы весьма популярно описывают героические дни первых великих строек, небывалый энтузиазм людей, рассказывают о том, как быстро в ходе работ менялась, росла техника и как, совершенствуя ее, совершенствовались и росли сами строители.

И, чтобы потомки не подумали, что пишут им какие-то болтуны, Григорий и Надя приводят примеры, называют цифры и поминают интересные случаи.

Пишется легко. Теперь Григорий очень доволен, что именно ему в минуту получения почетного переходящего знамени пришла вчера счастливая мысль написать от имени молодых строителей письмо тем, кто в течение многих столетий будет пользоваться прекрасными плодами их трудов.

Григорий перестал ходить. Он прочно стоит у стола. Надя едва успевает записывать его и свои мысли. Девушка заметно устала. Шубка сползла с плеч, валяется на полу, но она не замечает этого. Лишь изредка она выпрямляется, чтобы размять спину, потрясти онемевшими пальцами. В эти мгновения она критически осматривает работу: наверное, торопливая ее скоропись доставит немало хлопот тем, кто будет читать это письмо лет через пятьсот, а то и через тысячу.

Али снова улегся на койку и начал было уже позевывать. Вдруг какая-то мысль точно ужалила его. Он вскочил так, что сетка матраца зазвенела.

— Григорий, сколько лет держится бетон? — спросил он встревоженно.

— Что, что? — переспрашивает тот, не сразу отрываясь от письма.

— Сколько могут простоять наши сооружения?

— Видишь ли, в литературе приводится случай, когда цемент на постройках древнего Рима...

— Ты еще и пирамиды не забудь, — язвит Надя, разминая занемевшие пальцы руки. — В литературе! Ну что может быть в литературе о наших стройках? Тут все ново: и материалы и методы; все самое лучшее, передовое, советское!

— Я полагаю, наши сооружения будут стоять вечно, — говорит Григорий с убеждением.

— Ну вот... Так зачем пишете? Кому пишете? Куда его заложите? В плотину? Как письмо достанут? Плотину ломать? Бетон крошить? — все больше волнуется Али.

Все трое смотрят друг на друга, пораженные логикой этого довода. Строителям, созидателям до мозга костей, им чужда и противна самая мысль о том, что то, что они с такой любовью, с такой радостью и верой создают, когда-нибудь, пусть хотя бы и через многие века, устареет, обветшает, превратится в прах. Да и может ли обветшать все то грандиозное, небывалое, что, вырастая у них на глазах, будто бы приходит в нашу жизнь даже не из завтрашнего, а из послезавтрашнего дня?

После тягостного молчания, не говоря ни слова, Надя задувает свечу, берет со стола исписанные листки, складывает их, рвет на части, потом забирает бутылку, пробку, сургуч, так же молча идет к двери и, раскрыв ее, выбрасывает все это на улицу.

— Ночь-то, ночь-то какая! — говорит она, останавливаясь в дверях.

Все трое выходят наружу. Запах талого снега, мокрых досок, просыпающейся земли, запах ранней весны, прекрасный и пьянящий, заполняет их легкие. Тяжело плюхаются с сосулек тучные капли, тоненько почмокивает пьющая влагу земля, и, если, затихнув, прислушаться, можно уловить, как с легким звенящим шуршанием тает крупичатый снег.

В густой синеватой весенней мгле мечется белый ослепительный луч. Это, должно быть, бригада Григория Рассыпнова возвращается из кино. А дальше, над степью, стоит мутное желтоватое электрическое зарево. Там на полгоризонта развернулась стройка. Там товарищи и подруги Григория, Нади, Али, работающие в ночной смене, продолжают писать настоящее послание в века.

ОГОНЁК *отвечает*

ПЛОТИННЫЕ МАСТЕРА

В. ВИРГИНСКИЙ,
доктор исторических наук

Читатели «Огонька» — комбайнеры Никольской МТС, Сысертского района, Свердловской области, тт. Орлов, Котельников, Колесников, Пыжьянов и Палкин — обратились в редакцию с просьбой рассказать о каналах дореволюционной России. Отвечаем на этот вопрос.

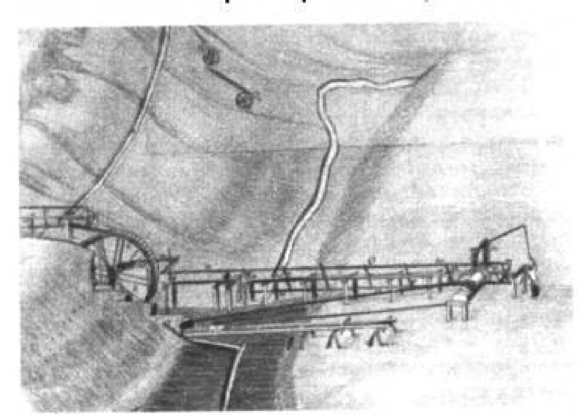
Искусство сооружения каналов, водохранилищ, плотин и вододействующих установок возникло в нашей стране в незапамятные времена. Плотинные мастера, как называли в старину гидротехников, ставили плотины и водяные мельницы на Киевской Руси.

Впрочем, еще задолго до того, с VIII века до нашей эры, в Закавказье и Средней Азии строились каналы и водохранилища. Археологи находят остатки древнейших искусственных сооружений, иногда внушительных размеров, в Армении, Грузии, Узбекистане, Туркмении, Таджикистане.

Закавказское и среднеазиатское строительство оросительных систем достигло блестящих успехов. Так, например, в XII—XIII веках нашей эры, при царице Тамаре, в Грузии были проложены Алазанский и Самгорский каналы; первый — длиной в 119 километров, второй — в 20. Каждый питал разветвленную сеть арыков.

Если на юге и востоке гидротехнические сооружения предназначались для ирригации, то на Руси они были связаны главным образом с промышленностью и транспортом. За сотни лет до того, как при Петре I было напечатано первое руководство по гидротехнике — «Книга о способах, творящих водохождение рек свободное»,— русские мастера решали сложные гидротехнические задачи. Они использовали силу течения воды для многочисленных мельниц, спрямляли русла и углубляли судоходные реки. Так, например, в XIII веке князь Глеб Василькович во время плавания из Белоозера в Устюг по Сухоне заметил, что эта река делала крутую излучину. В 1278 году он велел устроить канал, чтобы спрямить реку. Ему же принадлежит инициатива сооружения канала на реке Вологде.

Широкий размах получили гидротехнические работы в Московском государстве. В самой Москве еще в XVI веке, при Василии III, вырыли водный ров вокруг Кремля длиной в 540 метров, шириной в 30—36 метров и глубиной до 13 метров. Вода поступала туда из речки Неглинной и удерживалась плотинами со шлюзами. В черте города на Яузе, Неглинной и других речках (большинство их сейчас скрыто под землей) работало множество «мельниц», как тогда именовали всякое заведение с водяным или ветряным двигателем.

Каналы заводского назначения и вододействующие устройства, запроектированные К. Д. Фроловым в 1783 году для Змеиногорского рудника. По техническому уровню его нововведения превосходили все, что было тогда известно за рубежом.

Позднее в Измайлове создали целый комплекс вододействующих устройств. Были выкопаны водохранилища, на речках и каналах возведены плотины и построено множество разнообразных «мельниц» с водяными колесами.

Следует подчеркнуть, что XVII век — пора подъема русской гидротехники. Число разного рода предприятий с водяными колесами настолько возросло, что «Уложение» — свод законов — 1649 года должно было ввести подробные правила, регулирующие постройку плотин на реках, устройство прудов заводского назначения.

Только на основе всех этих достижений оказались возможными разработка и частичное осуществление новых, грандиозных по тем временам проектов водных систем.

Петра I интересовало проведение каналов прежде всего с точки зрения развития путей сообщения. При нем стала строиться Вышневолоцкая водная система. Привлеченные было вначале к делу иностранцы вели работы совершенно неудовлетворительно. В 1719 году М. И. Сердюков, выходец из народа, талантливый гидротехник, подал Петру свой проект этого строительства. Петр одобрил его и сделал автора главным исполнителем всех работ. В 1722 году сооружение вчерне было закончено, в частности, был проведен шлюзовой Тверецкой канал — важное звено Вышневолоцкой системы.

Построенное под руководством Сердюкова Вышневолоцкое водохранилище занимало несколько десятков квадратных километров. Система шлюзов и других гидротехнических сооружений позволяла регулировать уровень воды в различное время года.

Успешно осуществил Сердюков свой план улучшения судоходности реки Мсты. Он устроил плотины на главных ее притоках, понизил уровень реки, осмотрел ее русло, расчистил боровицкие пороги, а в тех местах, где она разделялась островами на мелководные рукава, проложил каналы со шлюзами.

При Петре I были также выдвинуты проекты сооружения Беломорско-Балтийского водного пути, Волго-Донского соединения, началось строительство обходного Ладожского канала длиной в 111 километров. Предпринятая попытка связать приток Дона Иловлю с притоком Волги Камышинкой не увенчалась успехом. Была вырыта часть канала и построено несколько шлюзов. Однако уровень развития техники помешал Петру осуществить свою смелую идею. Надо сказать, что до Октябрьской революции неоднократно выдвигались проекты соединения Волги с Доном, но каждый раз безуспешно.

В XVIII—XIX веках было построено несколько каналов. Важнейшие — Мариинская и Тихвинская водные системы, которые, подобно Вышневолоцкой, связывали Петербург, а значит, и Балтийское море с Волгой и Каспием. Тогда же провели и целый ряд каналов, соединяющих бассейны рек, впадающих в Балтийское и Черное моря (Березинская система и другие).

Больших успехов добились в конце XVIII и в начале XIX века строители заводских гидротехнических сооружений. Знаменитые русские изобретатели И. И. Ползунов, К. Д. Фролов, отец и сын Черепановы являлись также выдающимися плотинными мастерами. Змеиногорская система гидросиловых установок на Алтае, созданная К. Д. Фроловым, в то время не имела себе равных за рубежом.

М. И. Сердюков, талантливый гидротехник, строитель каналов.

Вопросом создания единой сети водных путей, естественных и искусственных, занимались декабристы. Н. М. Муравьев, автор конституции Северного общества, находясь в ссылке, уделял серьезное внимание плану соединения водных путей каналами. Он проектировал сооружение Волго-Донского и Окско-Донского каналов. Всего Муравьев предлагал проложить 53 новых канала, а старые, технически усовершенствовав, включить в единую сеть российских водных путей. По ошибке он вместе с другими бумагами сжег и этот интересный проект.

В XIX веке новые каналы нередко сооружались вместо старых, не удовлетворявших требованиям судоходства. Так, серьезной реконструкции подверглись водные системы, соединяющие Петербург с Волгой. Позднее были проведены Ново-Ладожские обходные каналы параллельно Старо-Ладожским.

Главным центром научно-технического развития русской гидротехники стал Петербургский институт путей сообщения. В борьбе с реакционными иностранными влияниями выдвинулись молодые русские инженеры—П. П. Мельников, выпустивший замечательный труд «Основания практической гидравлики»; Н. О. Крафт, автор также не осуществленного проекта Волго-Донского канала; М. С. Волков, работавший над соединением бассейнов Волги и Западной Двины; А. И. Дельвиг, автор выдающихся трудов по гидротехнике. Русская гидротехническая школа заняла одно из первых мест в мире.

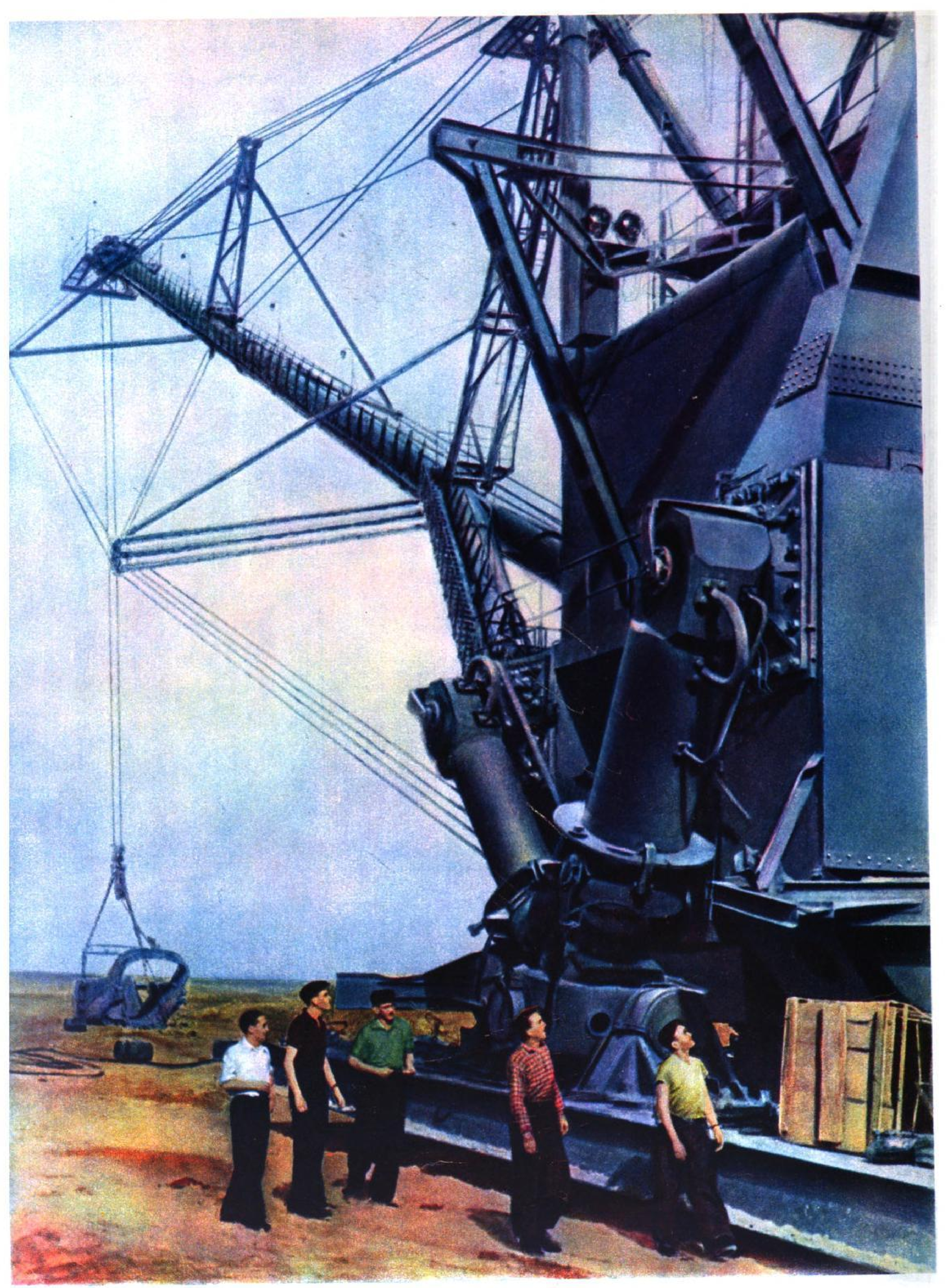
Велики были достижения русских, грузинских, армянских, узбекских, туркменских гидротехников на протяжении столетий. Эти многовековые успехи являются лишь предысторией тех небывалых побед, которые одержаны нашей гидротехникой в сталинскую эпоху. Прежде каналы имели обычно одно назначение — либо ирригационное, либо заводское, либо транспортное. В Советской стране впервые была достигнута комплексность в использовании каналов и связанных с ними гидротехнических сооружений.

Великие стройки коммунизма по размаху своих гидротехнических работ далеко превосходят все, что было известно мировой истории. Каналы, подобные Главному Туркменскому, гидроузлы, подобные Сталинградскому и Куйбышевскому, возможны лишь в нашей стране. Великие стройки комплексно решают проблемы борьбы с засухой и переделки природы, создания новой мощной энергетической базы и новых водных путей.

Земснаряд на строительстве Цимлянского гидроузла.
Фото В. Шаховского

Всесоюзная художественная выставка 1951 года.

Шагающий экскаватор «ЭШ 14/65». Июнь 1951 года.

Фото А. Гостева

НА НОВЫХ БЕРЕГАХ

Поселок у шлюзов №№ 4 и 5.

Гидротехнические сооружения Волго-Донского канала — яркая страница истории советской архитектуры. Усилиями наших людей создан грандиозный комплекс, в котором каждое отдельное сооружение подчинено единой идее, единому стилю, основанному на переработке лучших образцов русского классического зодчества, получивших дальнейшее развитие в советской архитектуре. Одновременно с проектированием гидротехнических сооружений велась проектировка будущих поселков и городов, которые вырастают вдоль канала, органически включаясь в единый архитектурный ансамбль водного пути, соединяющего Волгу с Доном.

Над созданием новых жилых районов Волго-Дона трудятся десятки архитекторов. Об этом рассказал нашему корреспонденту начальник архитектурного отдела Гидропроекта Р. А. Якубов.

При входе в Волго-Донской канал, на высоком берегу Волги, установлено на постаменте монументальное скульптурное изображение великого Сталина. Скульптура, которую выполнил из чеканной меди Е. Вучетич, поднимается над уровнем воды почти на шестьдесят метров. Широкие лестницы, обрамляющие гранитный постамент, спускаются по крутому откосу к воде. На набережной высажено около двух тысяч деревьев, разбиты цветники и газоны. Здесь, на волжском берегу, образуется большая площадь — центр будущего города, ныне Красноармейского района Сталинграда. Его смело можно будет назвать новым городом — настолько неузнаваемым станет район, где берет свое начало канал.

Сегодня эта южная часть Сталинграда представляет собой пока еще группу жилых поселков, построенных в разное время, без единой архитектурной планировки. По замыслу зодчего на их месте и вырастет новый город.

Трасса канала разделяет будущий Красноармейск на право- и левобережную части. Нарядные, застроенные красивыми домами магистрали свяжут новый город со Сталинградом. Первая магистраль, проходящая по ныне существующей Колхозной улице, соединит пригородную железную дорогу с новым речным вокзалом. Две другие, проектируемые по обе стороны канала, представляют собой широкие зеленые бульвары. А четвертая, начавшись у монумента И. В. Сталина, протянувшись через весь город, выходит к промышленному району, отделенному от жилых кварталов сплошным зеленым кольцом.

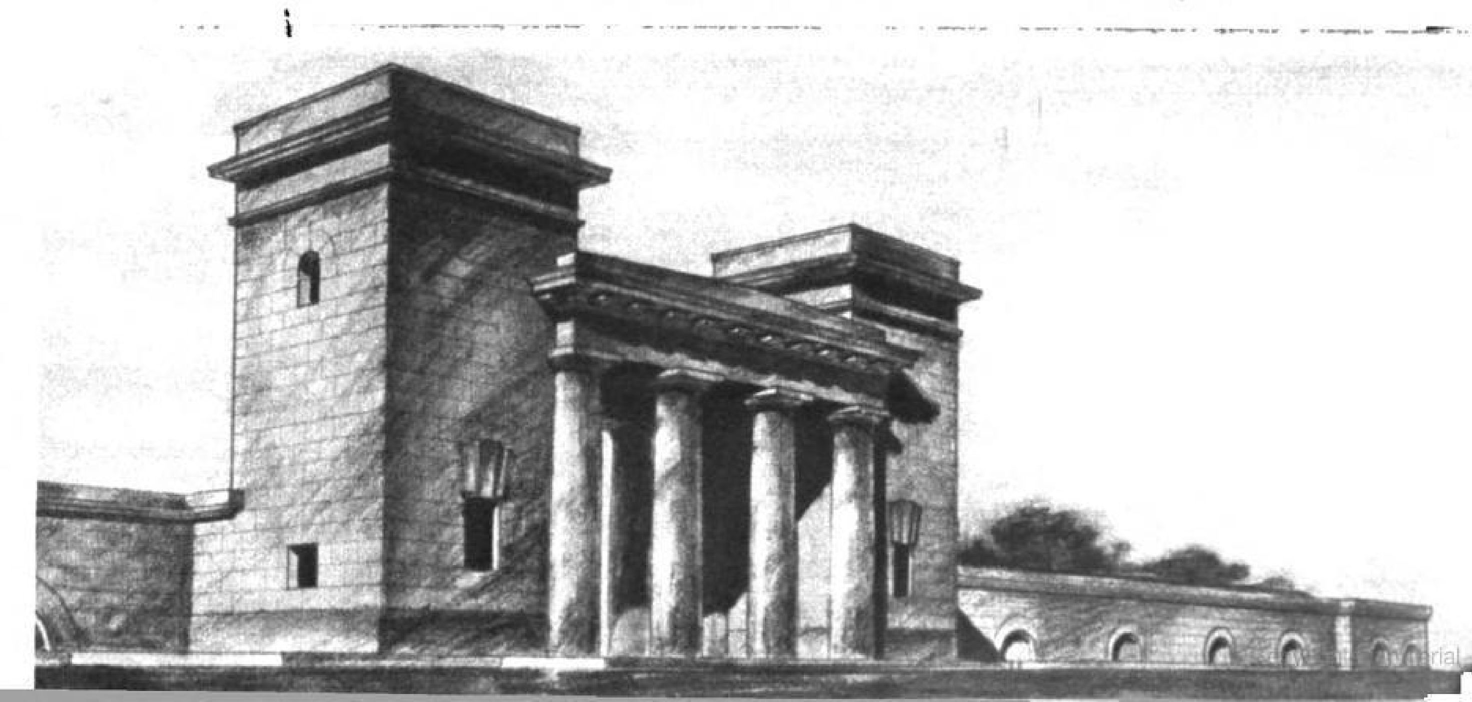
Мы уже говорили, что центральная площадь будущего города запроектирована в правобережной части канала, на берегу Волги. Площадь оформляется монументальным зданием Управления канала, в примыкающих к ней кварталах разместятся многоэтажные жилые дома. В этих домах предусмотрены водопровод, газ, электроснабжение, паровое отопление. Первые этажи предоставляются детским садам и яслям.

На отдельных участках среди густой зелени будут выстроены школы и лечебные учреждения. Все кварталы имеют широкие выходы к набережным канала и Волги. Так задуман облик нового города.

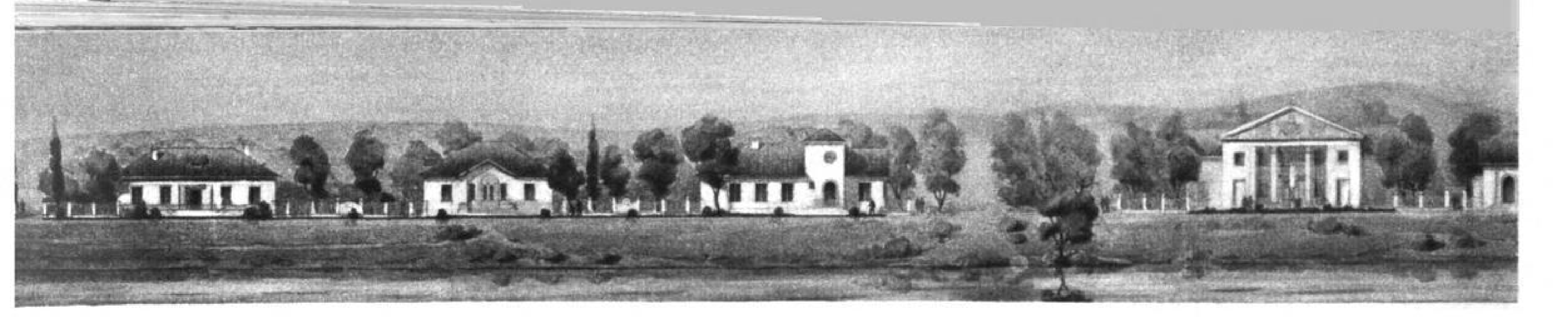
...Канал вышел в степь. На его берегах из многочисленных строительных лесов уже вырисовываются контуры будущих поселков. Пока еще поселки не имеют названий, их именами служат номера шлюзов. Таких поселков на трассе вырастет восемь. Вернее их было бы назвать городками, образцовыми в отношении бытовых условий, коммунального обслуживания, благоустройства. В каждом из них будут клуб, школа, детский сад и ясли, баня, водопровод.

Советский архитектор в своем творчестве должен видеть далеко вперед. Сегодня он проектирует только поселок эксплуатационников, население которого пока не превышает 500—1 000 человек, а завтра маленький поселок начнет перерастать в город. Поэтому и все общественные здания возводятся здесь с учетом непрерывного роста населения.

Представьте себе поселок четвертого — пятого шлюзов, один из первых по пути из Сталинграда.

Вход на Цимлянский стадион. Автор проекта — архитектор Е. Иващенко.

Панорама центральной улицы (на берегу канала) поселка шлюзов 6—9. Авторы — А. Белов, В. Ванеев, Р. Якубов.

По берегу водохранилища, пересекая зеленый пояс, отделяющий канал от жилых районов, тянется прямая улица к центру поселка. В центре — здание управления дистанции пути, столовая, бытовой комбинат. Неподалеку в парке разместится клуб. На залитых асфальтом улицах кирпичные дома, крытые черепицей или железом, с террасами, большими, светлыми арочными окнами, отдельными приусадебными участками.

Каждый поселок на трассе канала имеет свои особенности. Каждому из них, несмотря на типовое решение зданий и единство стиля, присущи свои, индивидуальные черты. В одном вдоль канала проходит улица, состоящая из одноквартирных домов, в другом поселке лицевая сторона представлена иного типа зданиями. В третьем поселке перед построенным на берегу клубом сооружен фонтан, а в следующем на этом же месте установлена скульптура и на площади разбит сквер.

В поселке 13-го шлюза, расположенном на берегу Карповского водохранилища, будет разбит большой парк. На берегу затона разместится школа — ребятишкам перед уроками и после занятий можно будет заниматься плаванием и греблей. В соседнем поселке планировщики учитывали имеющийся на его территории пруд. На берегу пруда в гуще зелени также вырастет школьное здание.

Весь архитектурный облик канала неразрывно связан с возникновением здесь огромных зеленых массивов. И это понятно: трасса Волго-Дона проходит по засушливой степи, где еще год назад не было ни одного деревца. Но живительная влага великого канала сделает чудеса. Скоро, очень скоро суда поплывут мимо тенистых рощ. Канал окаймят ленты лесных полос, которые образуют на обоих берегах «зеленый барьер» шириною свыше 180 метров. Общая площадь озеленения вблизи трассы канала превышает 4 600 гектаров, из них свыше 2 250 гектаров займут парки, сады, бульвары и скверы в жилых поселках и лесозащитные полосы. Одновременно с посадками вдоль трассы канала и на улицах будущих поселков закладываются питомники фруктовых деревьев, предназначенных для любителей-садоводов: возле каждого жилища речника будет разбит фруктовый сад!

В районе Калача канал соединяется с Доном. Здесь, у водного зеркала Цимлянского моря, вырастут два поселка — на левом берегу для персонала судоходных сооружений, на правом — для рабочих Цимлянской ГЭС.

Станица Цимлянская уже пережила второе рождение. На ее прежнем месте теперь плещутся волны моря. Новая Цимлянская расположена юго-западнее прежнего места нахождения. Ее прямые, широкие улицы выходят к высокому берегу моря.

Город энергетиков раскинулся над водным массивом на левом берегу. Все его здания обращены в сторону Цимлянского моря. Красивые лестницы, ведущие от речного вокзала к городу, выходят на главную магистраль. Композиционный центр новой Цимлянской — здание Управления ГЭС, увенчанное башней, гостиница и клуб, объединенные в один общий комплекс.

Далеко с моря виден этот нарядный уголок города. Здания опоясаны по фасаду колоннами. Входные части гостиницы и управления с их широкими гранитными лестницами служат началом улицы, ведущей к жилой части города. На первом этаже гостиницы предусмотрен большой холл с многочисленными арочными окнами. В гостинице сорок номеров, ресторан, читальный зал, комната отдыха. По рисункам архитектора изготовляются бронзовые люстры и бра, художественная лепка, которые украсят помещения.

За клубом начинается полоса зеленых насаждений, а на ее границе строится стадион на 2 500 зрителей. Вход на стадион оформлен колоннадой и пилонами. Трибуны для зрителей устроены только с одной стороны, вторая — открыта на море. Над водой разместится павильон для отдыха спортсменов. Его также украсят колонны, большие веранды, ниши со скульптурами.

В пятнадцати километрах от города энергетиков, на месте, где начинается ирригационный канал, запроектирован городок, в котором будут жить цимлянские портовики и железнодорожники. Здесь жилые дома двухэтажные, строятся клуб, бытовой комбинат, магазины, школа, детский сад. И этот город, как и другие, рождающиеся на мощной водной магистрали, будет городом-садом. Улицы и площади покроются асфальтом, исчезнет вековая пыль... И здесь будет все необходимое для того, чтобы советский человек в новых городах, на новых берегах мог жить удобно и счастливо.

Затон Карповского водохранилища. В глубине — здание школы.

Центральная площадь Цимлянска — города энергетиков.

БЕДСТВИЯ НА МИССУРИ

А. ХАНЬКОВСКИЙ

ГОРОДА И ФЕРМЫ ПОД ВОДОЙ

Наводнения — частое явление в жизни Соединенных Штатов, но особенно разрушительно сила водной стихии проявляется в бассейне рек Миссисипи — Миссури. За последние 11 лет, по официальной статистике, здесь произошло 97 больших наводнений. Печать американских монополий, по понятным причинам, не очень любит расписывать подобные события. И тем не менее и печать и правительственные источники вынуждены были сообщить, например, что наводнением 1937 года на реке Огайо и в среднем течении Миссисипи было разрушено 500 тысяч домов, причем погибло 900 человек. Не вдаваясь в историю наводнений на Миссури, имеющих столетнюю давность, достаточно будет сказать, что только за последние 5 лет долина этой реки пережила 3 тяжелых бедствия во время паводков: в 1947, 1951 годах и в апреле — мае нынешнего года.

1951 год... Калифорния и особенно штаты, лежащие в долине Миссури, оказались во время паводка жертвами водной стихии. Города, села и фермы штатов Оклахома, Канзас и Миссури были залиты водой, урожай погублен, десятки тысяч домов уничтожены, сотни тысяч людей лишились хлеба и крова.

Городские кварталы города Канзас-Сити с его полумиллионным населением оказались под водой. Взорвались нефтяные и бензиновые хранилища. Из сорвавшегося с причала танкера вылилось 2,5 миллиона литров бензина и нефти. По волнам Миссури понесся огненный смерч высотою в 150 метров, пожирая на пути торчащие из воды здания.

Мелкие и средние фермеры были захвачены врасплох стихией разлившейся реки, превратившей в озера и болота сотни тысяч акров посевов. Около полумиллиона человек осталось без хлеба и крова. Уже через несколько дней после начала наводнения агентство Юнайтед Пресс сообщало, что в одном Канзас-Сити убытки исчисляются в миллиард долларов.

Но в правящих кругах никому не было дела до трагического положения, в которое попали миллионы жителей долины Миссури и в особенности мелкие земледельцы. Правительство, правда, ассигновало для оказания помощи населению 25 миллионов долларов, но это составило лишь по нескольку долларов на каждого пострадавшего. Посланные в район наводнения спасательные команды инженерного корпуса американской армии едва успевали снимать с крыш домов именитых людей города Канзас-Сити. Простому люду долины Миссури предоставлялось выходить из беды своими силами.

На главной улице города Норс-Топека после конца наводнения.

Наводнение 1951 года. Затопленная территория в районе Канзас-Сити.

НАВОДНЕНИЕ 1952 ГОДА

Нынешний год президент Трумэн начал с публичного заявления, что наводнение 1951 года показало «необходимость провести новейшими методами изучение положения бассейна реки Миссури» и осуществить «планы развития его водных и земельных ресурсов». Был даже издан приказ о посылке в Миссури специальной правительственной комиссии. В действительности все это была плохо замаскированная демагогия. Уже 16 января в своем послании к конгрессу президент прямо заявил, что в интересах осуществления так называемой «программы обороны» он решил отказаться от реализации планов использования естественных ресурсов и в том числе от мероприятий по борьбе с наводнениями. И действительно, в бюджете, представленном конгрессу на 1952—1953 финансовый год, где намечается израсходовать девять десятых средств на военные цели, на работы по устранению наводнений средств не оказалось.

Не успели конгрессмены закончить обсуждение этого бюджета войны, как в бассейнах рек Миссисипи — Миссури разразилось новое, небывалое по своей силе и опустошительности наводнение. Скопление огромного количества снега на склонах Скалистых гор и теплые дожди вызвали в апреле невиданный разлив этих рек.

11 апреля стало известно, что реки Миссури, Ред-Ривер (Красная) и Миннесота вышли из берегов и затопили большие площади. Через четыре дня американское радио сообщало, что Миссури вышла из берегов и разлилась на протяжении одной тысячи миль, причем уровень воды повысился на 4,8 метра! В сообщении указывалось, что уже около 75 тысяч жителей 8 штатов долины Миссури оказалось без крова, а значительные площади обрабатываемой земли залиты водой.

16 апреля корреспондент агентства Ассошиэйтед Пресс телеграфировал из города Омаха, что Миссури продолжает разливаться, затопляя все новые районы штатов Айова и Небраска. 35 тысяч жителей города Каунсил-Блафс (штат Айова) покинули насиженные места и перебрались на территорию штата Небраска. К тому времени были разрушены либо затоплены водой дома у 26 тысяч семей. Полмиллиона бушелей кукурузы, хранившихся на складах города Бленко, полностью погибли. Оказались затопленными многие районы городов Сиу-Сити, Сент-Пол, Пьер, столицы штата Небраска — города Омаха. На крупной авиационной базе Шермана в штате Канзас вода поднялась над уровнем аэродрома на 3 метра.

Американская пресса сознательно пытается скрыть, в лучшем случае преуменьшить размеры бедствия и материального ущерба. «Голос Америки» также безмолвствует. Но постепенно из разных сообщений выявляется огромный территориальный размах наводнения нынешней весны. Начавшись в верховьях Миссури и Миссисипи, наводнение распространялось вниз по течению, охватывая штаты Северная и Южная Дакота, Миннесота, Висконсин, Небраска, Айова, Канзас и Миссури.

Еще в первые дни наводнения командующий инженерным корпусом американской армии генерал-майор Пик указывал, что крова лишились 87 тысяч человек. Но одновременно Комитет Красного Креста назвал цифру в 114 тысяч. Если принять во внимание население одних только затопленных городов, то следует считать, что в действительности число людей, оставшихся без крыши над головой, измеряется многими сотнями тысяч.

В первые дни наводнения говорилось о затоплении одного с четвертью миллиона акров земли. Позже указывалось, что Миссури и Миссисипи продолжают затоплять «новые большие сельскохозяйственные районы». Можно поэтому с большим основанием

предположить, что миллионы акров фермерских угодий были залиты наводнением, а с ними канули в воду надежды сотен тысяч, если не миллионов, мелких и средних американских фермеров.

16 апреля в город Омаха вылетел президент Трумэн. После совещания с губернаторами затопленных районов он вынужден был признать, что «наводнение в среднезападных штатах совсем не неизбежное явление...» «Мы слишком долго валяли дурака» — так выразился Трумэн, явно отдавая дань начавшемуся предвыборному периоду.

Но что последовало за этими внешне многообещающими заявлениями? Президент снова распорядился отпустить в пользу пострадавших полмиллиона долларов. Этого «вспомоществования» могло бы хватить разве что на раздачу всем пострадавшим по одной тарелке чечевичной похлебки. Невольно приходит на память другая цифра: для оказания «помощи» Франко, Аденауэру, Чан Кай-ши и прочим проводникам политики агрессии Соединенных Штатов ассигнуется 7,9 миллиарда долларов...

Что было сделано еще? Районы наводнения были формально объявлены районами бедствия. Трудно предполагать, что это официальное признание уменьшит страдания миллионов американцев.

Наконец, 15 тысяч военнослужащих американской армии под водительством генерал-майора Пика, выступавшего и в прошлые наводнения в роли главного спасателя, пытаются в отдельных пунктах страны строить заграждения, чтобы остановить потоп. Эти действия, по выражению американцев, напоминают «борьбу против горной лавины с помощью сетки для ловли бабочек». 29 апреля наводнение охватило также штат Юта.

Подлинные причины наводнения раскрывает прогрессивная американская печать.

«Дейли уоркер» писала: «Наводнения в среднезападных штатах — это дело рук человека... Те средства, которые правительство расходует на одну чудовищную американскую бомбу или на пару гигантских линкоров, можно было бы использовать для осуществления в долине реки Миссури мероприятий по борьбе с наводнениями, обеспечить район дешевой электроэнергией и спасти людей от гибели». Газета указывала, что в те самые дни, когда в Миссури началась очередная катастрофа, еще один миллиард долларов был ассигнован на постройку завода атомных бомб...

МЕШАЕТ КАПИТАЛИЗМ

Соединенные Штаты Америки обладают богатейшей в капиталистическом мире системой рек. Омывая плодородные, но зачастую засушливые области страны (среднезападные и западные штаты), американские реки при современном уровне техники могли быть превращены в средство радикального избавления сельскохозяйственных районов страны и миллионов их обитателей от часто повторяющихся стихийных бедствий.

Водосборные системы американских рек катят в Атлантический и Тихий океаны гигантские массы воды. Только одна система Миссисипи — Миссури ежегодно выливает в Мексиканский залив 625 миллиардов кубометров. И в то же время многие районы в их бассейне периодически становятся жертвами суховеев и катастрофических засух. Использование даже небольшой части воды этих рек для орошения и обводнения засушливых районов могло бы положить этому предел.

Но все дело в том, что разгул «стихий» происходит в США в условиях анархии производства, порождаемой капиталистической частной собственностью. Не постройкой отдельных электростанций или оросительных систем для частных целей, а лишь комплексным использованием вод в интересах всего народного хозяйства разрешаются подобные задачи. А это не под силу капиталистической системе, где существует непримиримое противоречие между общественным характером производства и частным присвоением результатов производства кучкой монополистов. Американские миллиардеры не думают ни о настоящем, ни о будущем своего народа. Их интересует лишь возможность получать наивысшую прибыль. Монополистический капитал препятствует использованию производительных сил страны на благо народа.

Разительный пример этого дает нам судьба проекта использования водных ресурсов бассейна реки Миссури, которая, как мы видели, периодически становится источником бедствий и страданий для миллионов американцев.

Беря свое начало в Скалистых горах северо-западного штата Монтана, Миссури на протяжении 4 740 километров течет на юго-восток, впадая у города Сент-Луиса в реку Миссисипи. Прорезая на своем пути штаты Монтана, Южная и Северная Дакота, Айова, Небраска, Канзас и Миссури, река Миссури может экономически связать все эти обжитые центральные районы США со штатами всего бассейна Миссисипи и дать им экономичный выход в Мексиканский залив. При соответствующем энергетическом использовании реки Миссури можно получить 25—30 миллиардов киловатт-часов электроэнергии в год.

Но это лишь одна сторона проблемы. Территория долины Миссури, особенно в северной ее части, периодически является очагом губительных засух. Здесь бывают такие страшные засухи, что они превращают на время культурные районы долины Миссури в пустыни с обезлюдевшими фермами, с городами-призраками, где на безмолвных улицах не встретишь живого существа. И в то же время Миссури бесполезно катит свои обильные воды в Мексиканский залив. А во время разливов эти воды становятся источником смерти и разрушения.

Вот история того, как «решалась» эта до сих пор не решенная проблема. Началось с того, что электрическая фирма «Монтана пауэр компани», примыкающая к «империи» Моргана, попыталась получить... право собственности на все воды Миссури. Электрическая монополия даже затеяла по этому поводу тяжбу в федеральном суде. Когда же эта афера не удалась, «Монтана пауэр» вместе с близко стоящей к ней медной корпорацией «Анаконда коппер майнинг компани» объявили борьбу не на жизнь, а на смерть малейшей попытке использовать богатые водные ресурсы Миссури.

Секрет этой ожесточенной свалки толстосумов весьма прост. Электрические компании, входящие в систему Моргана, наживают несметные богатства на производстве электроэнергии, которая в США продается по бешеным ценам, превосходящим в 10—15 раз ее фактическую стоимость. Наживают на этом деле и компании, добывающие уголь, и железные дороги, по которым он перевозится. Если на минуту предположить, что воды Миссури были бы использованы правительственными гидростанциями для снабжения дешевой электроэнергией тех же потребителей, что осталось бы от сверхприбылей электрических компаний!

Когда еще при президенте Рузвельте вопрос о «реконструкции долины Миссури» был поставлен в конгрессе, Уолл-стрит запретил своим приказчикам, заседающим в высшем законодательном органе США, ассигновать несколько миллиардов долларов на постройку плотин, электростанций, водохранилищ и дамб, которые позволили бы раз и навсегда покончить с постоянно повторяющимися катастрофическими наводнениями. Американская буржуазная печать вылила на сторонников проекта реконструкции долины Миссури целые ушаты грязи. Мелких предпринимателей запугивали тем, что реконструкция долины Миссури... разорит их; фермерам говорили, что у них якобы отберут земли, бакалейщиков, аптекарей и другой мелкий люд предупреждали, что они-де будут вытеснены государственными органами торговли и здравоохранения. В конце концов было пущено в ход красное пугало. План целесообразного использования вод Миссури и полного устранения наводнений был охарактеризован как «коммунистический проект, подобный планам, задуманным в Советском Союзе». Об этом говорилось и писалось в 1946 году, когда проект реконструкции Миссури формально исходил уже от нынешнего американского правительства...

Все это не значит, конечно, что американское правительство вообще не строит гидростанций. За последние годы построены гидростанции на реке Теннесси, достроена станция Грэнд Кули на реке Колумбии, строятся и другие станции. И это строительство сейчас не встречает таких помех, какие стоят на пути разрешения проблемы Миссури.

Почему? Секрет изменения отношения монополистов к этим стройкам раскрывается очень просто. Эти стройки ничего общего не имеют с потребностями и интересами американского народа и с мирной американской промышленностью. Гидростанции Колумбии питают энергией атомные заводы моргановской корпорации «Дженерал электрик компани», а гидростанции Теннесси снабжают энергией атомные заводы корпораций «Истмэн Кодак» и «Юнион карбид энд карбон», принадлежащих тому же Моргану, а также Рокфеллеру.

Такое использование некоторых американских рек ничего положительного не дает американскому народу, а сулит ему только новую кровавую войну. Трагедия американских рек в условиях империализма остается трагедией американского народа.

* * *

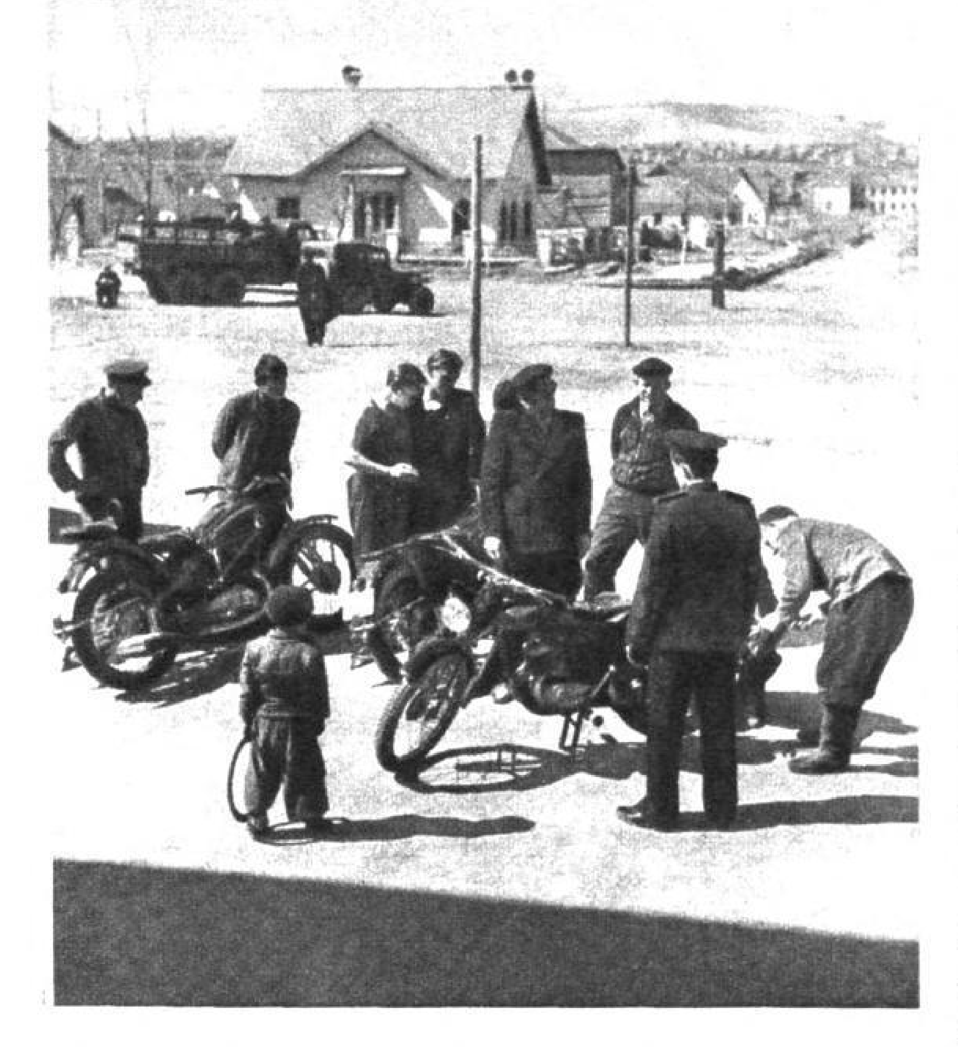
В те самые апрельские дни, когда в среднезападных штатах началось наводнение, американская печать опубликовала заявление председателя подкомиссии по ассигнованиям на военные нужды палаты представителей Мэйхона, из которого стало известно, что кровавая авантюра американских империалистов в Корее уже обошлась американскому народу в 10 миллиардов долларов.

На съезде профсоюза рабочих мясоконсервной промышленности, состоявшемся в апреле в Чикаго, рабочие потребовали, чтобы правительство Соединенных Штатов «расходовало наши деньги на борьбу с наводнениями, а не на пушки». Председатель прогрессивной партии Бенсон призвал губернаторов среднезападных штатов, чтобы они потребовали от правительства Трумэна конкретных мер по реконструкции долин рек Миссисипи и Миссури. «Небольшая доля средств, — заявил Бенсон, — израсходованных за границей с того момента, как Трумэн провозгласил свою доктрину, спасла бы жизни, дома и фермы тысяч людей».

В начале мая президент Трумэн вновь выступил с декларациями о «реконструкции района Миссури». Посулы и обещания после каждого очередного тяжелого бедствия, видимо, стали традицией у правящих кругов США. Правда, от этих посулов миллионам простых американцев ни тепло, ни холодно. Но таков уж «американский образ жизни».

Наводнение 1951 года. Поднявшись выше 22-футовой дамбы, река Миссури залила скотопригонный двор возле Канзас-Сити.

Спортсмены СТРОЙКИ

А. СТЕПАНОВ

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

Поезд шел из Ленинграда к берегам Волги. Вадим стоял у окна, смотрел на мелькающие деревья, телеграфные столбы, полустанки и думал о своем будущем. Позади годы учебы в Институте инженеров водного транспорта, шумные коридоры и тихие аудитории, походы в порт и на корабли, экскурсии по Ленинграду, а впереди работа на Волго-Доне, освоение гигантских сооружений, прием первых судов в только что отстроенных шлюзах. Размышляя о будущем, Вадим Виноградов старался представить себя в роли эксплуатационника на великом водном пути к пяти морям, строил планы устройства личной жизни. В этих планах немаловажное место занимал спорт.

Еще в институте Вадим увлекался легкой атлетикой, гимнастикой, участвовал в велосипедных гонках, был завсегдатаем на футбольных состязаниях. Сможет ли и теперь он заниматься спортом?

Товарищи по институту, ехавшие с Вадимом в одном вагоне, такие же страстные физкультурники, как и он, высказывали предположения, что на Волго-Доне, где работа ведется так стремительно, где перекопана вся земля и всюду грохочут машины, навряд ли найдется место для спортивных площадок и, пожалуй, не будет времени для занятий спортом.

И вот Вадим в Красноармейске, на берегу Волги, там, где берет свое начало Волго-Донской судоходный канал. Да, много машин, и перекопана вся земля! Но к радостному удивлению юноши, он увидел бьющую ключом культурную жизнь и сразу очутился в водовороте спортивных событий.

Секретарь комсомольской организации Красноармейского строительного района Николай Дементьев дружески встретил молодого специалиста, познакомил его с делами строителей и увлек в спортивный городок.

В тот день мотоциклисты-строители проводили мотокросс (снимок слева). Им предстояло промчаться по асфальтированной магистрали вдоль канала, круто развернуться около шлюза № 9 и вернуться к финишу.

Заревели моторы — и мотоциклы помчались со старта. Спортивный судья взял Вадима в коляску своей машины, и юноша увидел захватывающую гонку, канал, шлюзы «Волжской лестницы», плотины, дамбы...

Виноградов даже растерялся: он не знал, на что больше обращать ему внимание — на искусных ли гонщиков или на гидротехнические сооружения. Николай Дементьев, участвовавший в гонке, махнул ему рукой, с явной гордостью показывая на гонщиков.

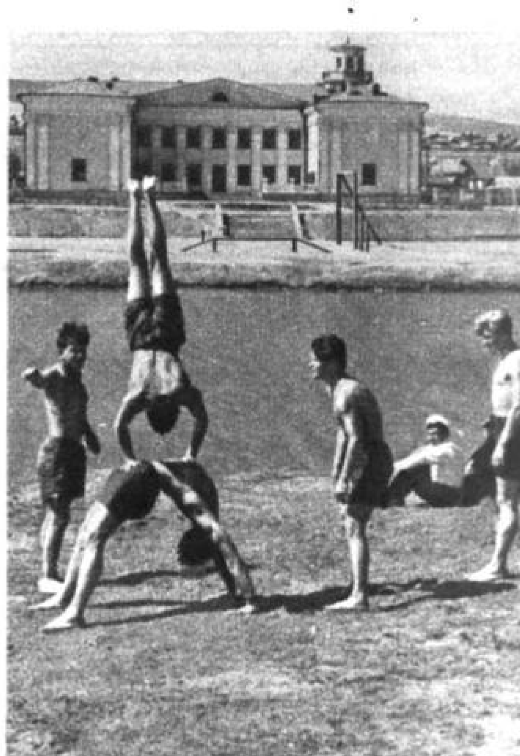
Экскаваторщики, скреперисты, водители самосвалов, крановщики, отлично освоившие новую технику, привыкшие к огромным машинам, играючи управляли мотоциклами. Каждое их движение показывало, что в гонке участвуют смелые, искусные гонщики, в совершенстве знающие свои мотоциклы.

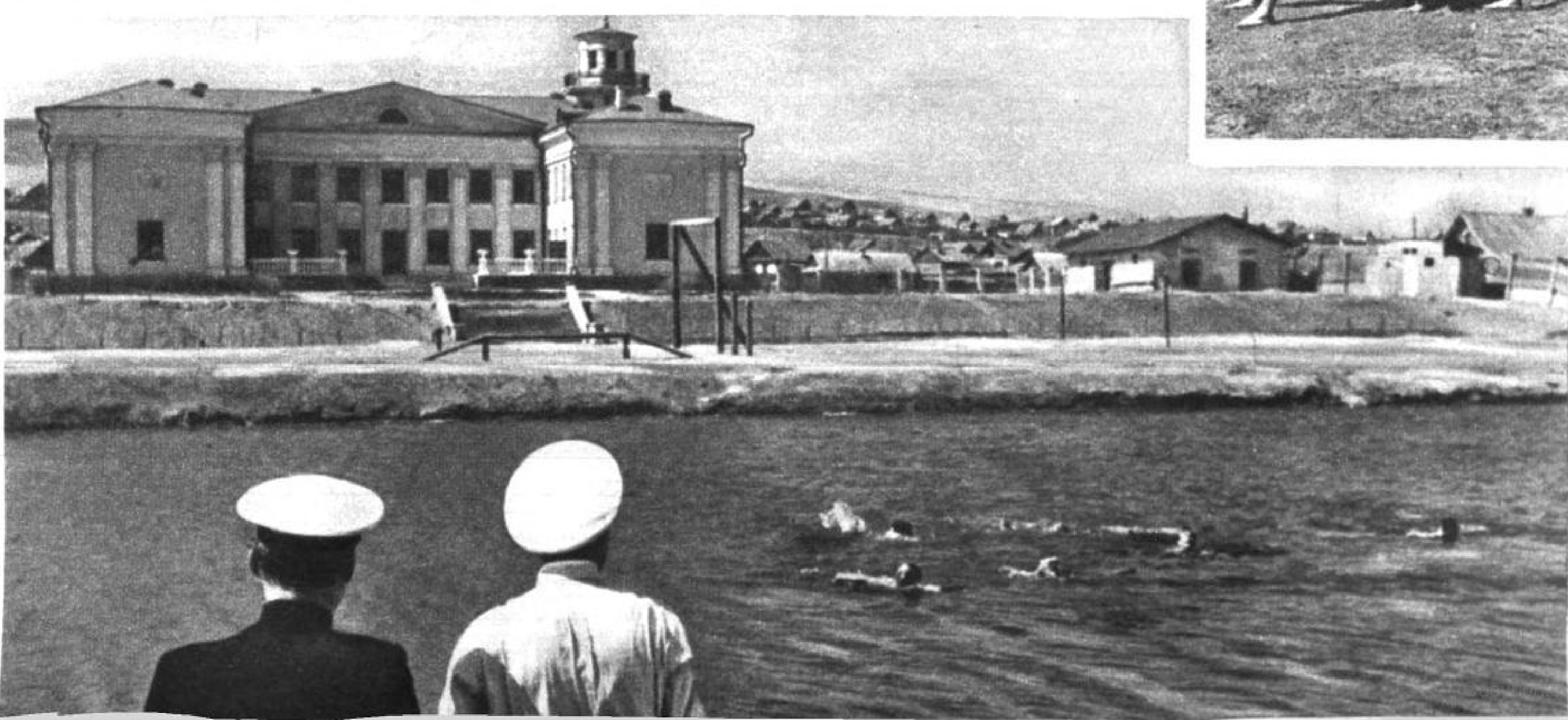
Сотни строителей Волго-Дона имеют свои мотоциклы и автомобили, а велосипедистов здесь тысячи. На автомобильных магистралях и на степных дорогах всегда увидишь спортсменов-строителей, едущих на своих машинах то к экскаваторам, то к автоматическим бетонным заводам, то на арматурные заводы. В дни отдыха мотоциклисты и велосипедисты устремляются в отдаленные места степи — на охоту.

Вадима Виноградова, начальника гидроцеха шлюза № 3, комсомольцы избрали секретарем комсомольской организации Волжского района гидросооружений. Вместе с Николаем Дементьевым молодой инженер горячо взялся за дальнейшее развитие физкультурной работы.

В засушливой степи появилась вода, много воды, и комсомольцы используют искусственно созданные озера и пруды для соревнований по плаванию (снимок внизу слева).

В сталинградских и задонских степях стоят сейчас жаркие, знойные дни. Временами из полупустыни врываются на трассу канала песчаные смерчи и черные бури — последние бури, веками царившие в мертвом краю. Водная магистраль, искусственно созданные моря, лесные полосы уже сейчас изменяют климат, создают благоприятные условия для жизни и приволье для спортсменов. В палящий зной на берегу нового озера собираются молодые, полные сил физкультурники (снимок внизу), а вечером, после окончания смены, встречаются волейболисты, футболисты, на баскетбольной площадке слышатся удары по мячу.

Вот встретились команды волейболистов — строителей и речников (снимок вверху). Игра принимает острый характер. Евгений Анненков, Вадим Виноградов, Анатолий Шумилов, Владимир Чистяков, Станислав Тихов и их товарищи ревностно защищают честь речников.

Можно проехать по всей трассе Волго-Донского судоходного канала и в каждом новом городе и поселке увидеть водную станцию, спортивную площадку, футбольные поля.

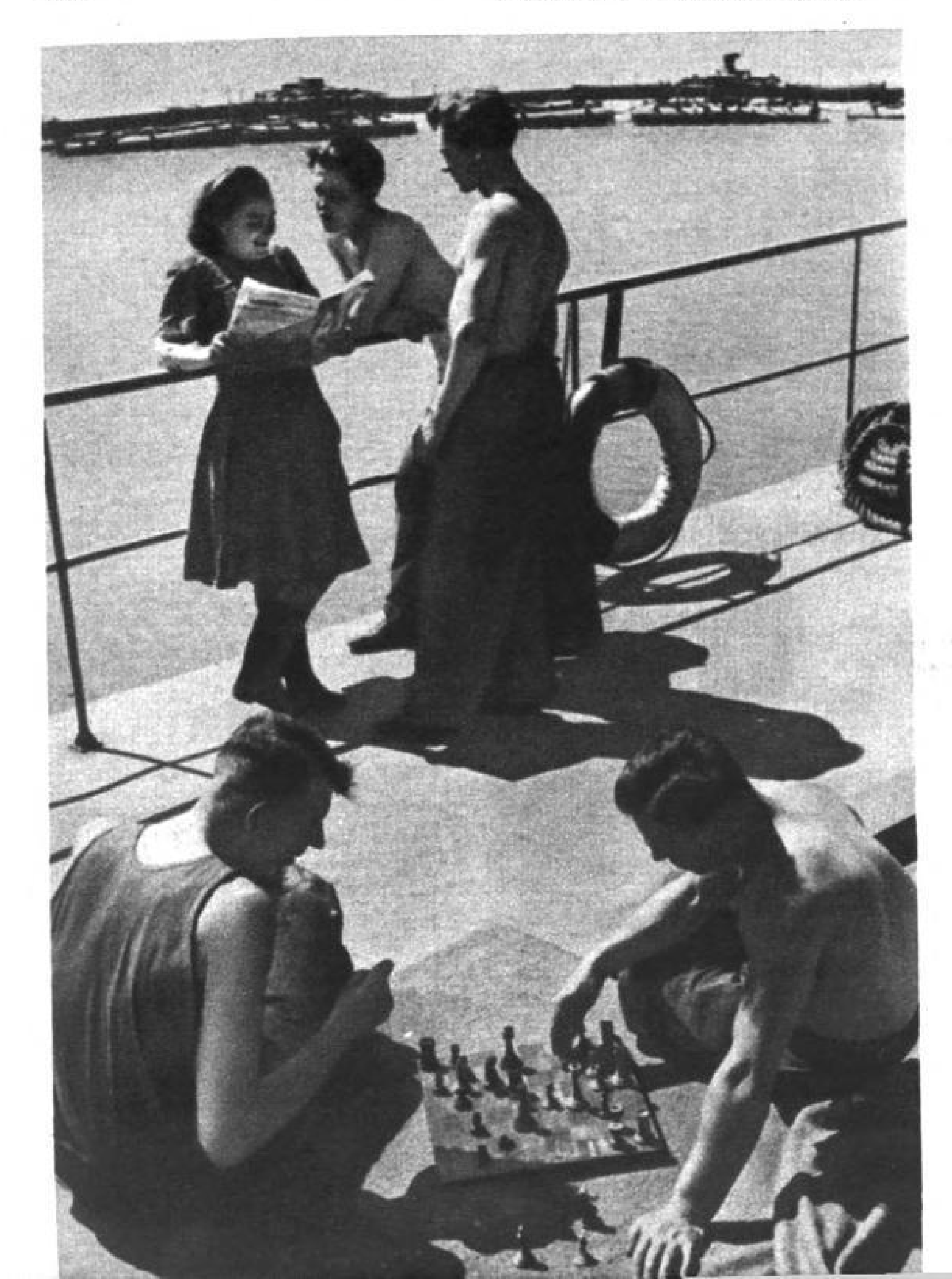
На земснаряде № 307 в свободную минуту молодые гидромеханизаторы проводят шахматный турнир на первенство кораблястроителя (снимок внизу). В этом матче участвуют Владимир Кленин, Александр Корытин, Мария Ковалева, Константин Решетов, Сергей Тынянкин, Николай Евсиков, Федор Кришталь.

Шахматные встречи проводятся не только на земснаряде, но и между командами земснарядов, экипажами шагающих экскаваторов, бригадами скреперистов.

Начальник политотдела М. И. Вязовиков рассказывает:

— На великой стройке коммунизма прежде всего заботятся о людях, создают для них хорошие условия. Естественно, что большое внимание уделяется и развитию физкультуры и спорта. В Калаче и Ново-Соленовском устроены большие стадионы, привлекающие в дни футбольных состязаний тысячи строителей, а спортивные площадки есть в каждом районе. Разнообразными видами спорта у нас занимаются тысячи рабочих, инженеров и техников. С открытием Волго-Донского судоходного канала речники, поселяющиеся в новых городах, получают хорошие водные станции, целые спортивные городки. «Степные моря» и гладь канала уже бороздят яхты.

Паруса в степи — вот типическая примета нового, яркая черта преобразованной полупустыни. Где не было воды, где земля белела от солончаков и трескалась, пугая все живое, белеют паруса яхт и гоночные шлюпки отчаливают от бетонных и каменных берегов.

Интересная встреча

Венгерские футболисты имеют большой международный опыт. В их «послужном списке» значится много примечательных побед над сильными командами Европы, в том числе внушительный выигрыш (5 : 0) у шведских футболистов, которые, как известно, были победителями в последних олимпийских играх.

В актив венгерской команды вписаны красноречивые цифры. У футболистов Чехословакии она выиграла со счетом 2 : 1 и 5 : 0, у Польши, которую недавно видели москвичи, — 5 : 2 и 6 : 0, у финских спортсменов — 8 : 0. Сборная команда Венгрии одержала победы над футболистами Албании, Германской Демократической Республики и над одной из лучших команд Европы — футболистами Австрии.

Число вбитых мячей говорит о большом превосходстве коллектива в целом и в частности об отличной игре нападающих. И действительно, москвичи увидели, как все венгерские форварды и особенно Ф. Пушкаш, Ш. Кочиш и Н. Хидегкутти умеют быстро бегать, свободно обращаться с мячом, точно его передавать как по земле, так и особенно по воздуху.

Но в состязании с командой Москвы венгерские нападающие встретили такую защиту, которая не уступала им ни в беге, ни в умении владеть мячом и которая была достаточно бдительна, чтобы предугадывать и прерывать нить наступления.

Сборная футбольная команда Венгерской Народной Республики, выступавшая в Москве.

Капитан сборной команды Москвы В. Бобров обошел венгерского вратаря Д. Грошича и забивает гол.

Фото А. Бочинина

Волны венгерских атак, начатые в центре поля, разбивались еще на дальних подступах к воротам москвичей и откатывались на другую половину площадки.

В то же время защитники венгерской команды не сразу разобрались в тактических задачах московских нападающих и, как нам кажется, не поняли манеры игры В. Боброва. Один из трех его опаснейших выходов к воротам закончился голом.

Лишь после этого Бобров заслужил достойное внимание, и уже не только «опекун» Я. Бержен, но и И. Божик, а иногда и крайние защитники серьезно стесняли его действия.

Если первая половина прошла с некоторым преимуществом москвичей, сумевших хорошо проходить к воротам гостей и на флангах и в центре, то после отдыха инициативой серьезно завладели гости, и лишь самоотверженная игра А. Башашкина, К. Крижевского и Ю. Ныркова спасала ворота хозяев поля. Во второй половине игры вместо центра нападения Ф. Суса на поле вышел П. Палоташ. Замена, произведенная венгерским тренером, сказалась на игре. Атаки гостей стали более стройными. Московским полузащитникам А. Петрову и Г. Антадзе, а затем и И. Нетто пришлось часто оттягиваться на свою штрафную площадку.

Все же П. Палоташ после короткой и быстрой комбинации сумел сильно послать мяч в сетку ворот, и на башнях стадиона ноль был сменен на единицу. Счет стал 1 : 1.

Много раз и гости и хозяева поля пытались увеличить счет, но настороженность защитников и вратарей Л. Иванова и Д. Грошича мешала этому.

Первая встреча двух первоклассных команд Европы закончилась вничью, которую хочется назвать боевой.

М. МЕРЖАНОВ

Повторная встреча венгерских и советских футболистов 27 мая закончилась победой сборной команды Москвы со счетом 2 : 1.

Шесть дней на стадионе «Динамо»

Женская баскетбольная команда СССР — чемпион Европы

Фото Е. Умнова

Сборная женская баскетбольная команда Советского Союза — чемпион Европы 1952 года.

Москвичи, давно не видевшие значительных по своему масштабу баскетбольных встреч, были с лихвой вознаграждены: на стадионе «Динамо» в течение недели продолжались соревнования женских команд на первенство Европы по баскетболу.

Баскетболисты двенадцати стран отстаивали право называться лучшей командой Европы. Далеко не равноценные по силе коллективы встретились в Москве: чемпион Европы 1950 года (первенство разыгрывается раз в два года) команда СССР, опытные, закаленные в международных играх спортсменки Венгрии, Чехословакии, Франции, Швейцарии и Италии, наконец, впервые участвующие в чемпионате команды Болгарии, Финляндии и совсем еще молодая команда Германской Демократической Республики.

Команда Чехословакии взяла минутный перерыв...

На прямоугольной, расчерченной белыми линиями площадке возле западной трибуны стадиона «Динамо» было много жарких, боевых встреч. В эти дни среди зрителей не было равнодушных людей. И теперь можно смело утверждать, что за одну неделю популярность баскетбола заметно возросла.

За короткий срок на столичном стадионе была оборудована замечательная площадка. На башнях стадиона и близ площадки развевались флаги двенадцати стран. Каждый раз после окончания встречи поднимался государственный флаг и исполнялся гимн той страны, команда которой одерживала победу.

Баскетбол — увлекательная, полная хорошего азарта игра, дающая разностороннее физическое развитие.

По исключительно высокому темпу игры, молниеносной смене комбинаций, разнообразию тактических приемов баскетбол можно сравнить разве только с хоккеем с шайбой. Тут та же возможность частой замены игроков, тут так же в атаках и защите участвует вся команда.

Нужно обладать прекрасным чувством дистанции, глазомером, чтобы сделать бросок мяча, который пролетел бы сверху вниз сквозь кольцо.

Мне неоднократно приходилось бывать за рубежом на различных баскетбольных состязаниях. Но я нигде не встречал таких объективных и справедливых зрителей, как москвичи.

Они по достоинству оценивали мастерство каждой команды, успели полюбить и семнадцатилетнюю болгарскую школьницу Ваню Войнову за ее меткие броски мяча по корзине и замечательных чехословацких баскетболисток Дагмару Губалкову, Милену Благоутову и Мирославу Томашкову, лидера венгерских атак Марию Надь, показавших поистине виртуозную игру. Наши зрители аплодировали живой и темпераментной игре француженок и итальянок. И, конечно, больше всего радовались успехам нашей советской команды, в основной пятерке которой трудно кого-либо выделить. Все они — Лидия Алексеева, Валентина Копылова, Нина Максимова, Раиса Маментьева, Тамара Моисеева — подлинные мастера, постигшие «тайны» этой сложной, быстрой игры. Интересно, что все они москвички.

Из состоявшихся встреч мне запомнились три: Болгария — Румыния, Чехословакия — Венгрия, Болгария — Италия. За 23 секунды до конца живой и острой игры между болгарскими и румынскими баскетболистками счет был 33 : 32 в пользу Болгарии. Но вот молниеносная передача мяча вперед — и оказавшаяся у щита Зелди делает точный бросок. Счет 34 : 33. Победила команда Румынии.

По своему техническому мастерству итальянская команда превосходила болгарскую. Но болгарские спортсменки с большим подъемом провели состязания и показали неукротимое желание добиться победы. Счет долгое время с перевесом в одно — два очка был то в пользу итальянок, то в пользу болгарок. Но к концу соревнований стало заметным преимущество молодых баскетболисток Болгарии, и они добились выигрыша.

Много раз встречались между собой команды Венгрии и Чехословакии, и неизменно побеждали венгерки. Но в Москве состязание сложилось благоприятно для чехословацких спортсменок. Они показали сильную, темповую игру и покинули поле со счетом 65 : 36 в свою пользу.

Звание чемпиона Европы снова завоевала команда СССР. О мощи игры этого дружного, спаянного коллектива можно судить по результатам, с которыми оканчивались встречи советских баскетболисток с командами других стран. В предварительных играх наша команда победила команды: Германской Демократической Республики со счетом 133 : 4, Швейцарии — 104 : 12, Польши — 64 : 26. Затем в финальной группе у Венгрии — 71 : 41 и в последний день у Чехословакии — 52 : 29.

Отличительные черты нашей команды — это прекрасная физическая подготовка всех баскетболисток, что позволяет им от начала до конца каждой встречи выдерживать взятый темп, совершенная техника и, главное, коллективизм в игре, то, что называется чувством локтя, высокие морально-волевые качества.

Характерно, что второе, третье, четвертое и пятое места заняли баскетболистки стран народной демократии: Чехословакии, Венгрии, Болгарии и Польши. Команда Чехословакии приехала в Москву в обновленном за счет молодежи составе, и это целиком себя оправдало. К сожалению, ниже своих возможностей провели встречи венгерские спортсменки. У меня создалось впечатление, что они недостаточно хорошо были подготовлены физически и кроме того переоценили свои силы.

Владеющие высокой техникой игры команды Франции и Италии не могли противостоять командам стран народной демократии. Они уступали им в умении добиваться цели, в неукротимом желании победить.

В заключение несколько слов о самой организации чемпионата. Должен заметить, что такого четкого проведения состязаний я не наблюдал ни в одной из зарубежных стран, где мне приходилось бывать.

Любопытная деталь: обычно в Западной Европе баскетболисты покидают площадку после окончания встречи, как кому заблагорассудится. У нас в Москве команды Франции, Италии, Швейцарии, Австрии научились быть подтянутыми, как и подобает спортсменам, после каждой встречи приветствовать своих противников и, построившись, покидать площадку. Говорят, что заразительны дурные примеры. Но такая поговорка в нашей стране неприменима. У нас заразительны хорошие примеры.

С. СПАНДАРЬЯН,
заслуженный мастер спорта

Перерыв. Первая половина игры закончена...

Встреча итальянских и болгарских баскетболисток. Запасные игроки итальянской команды «помогают» своим.

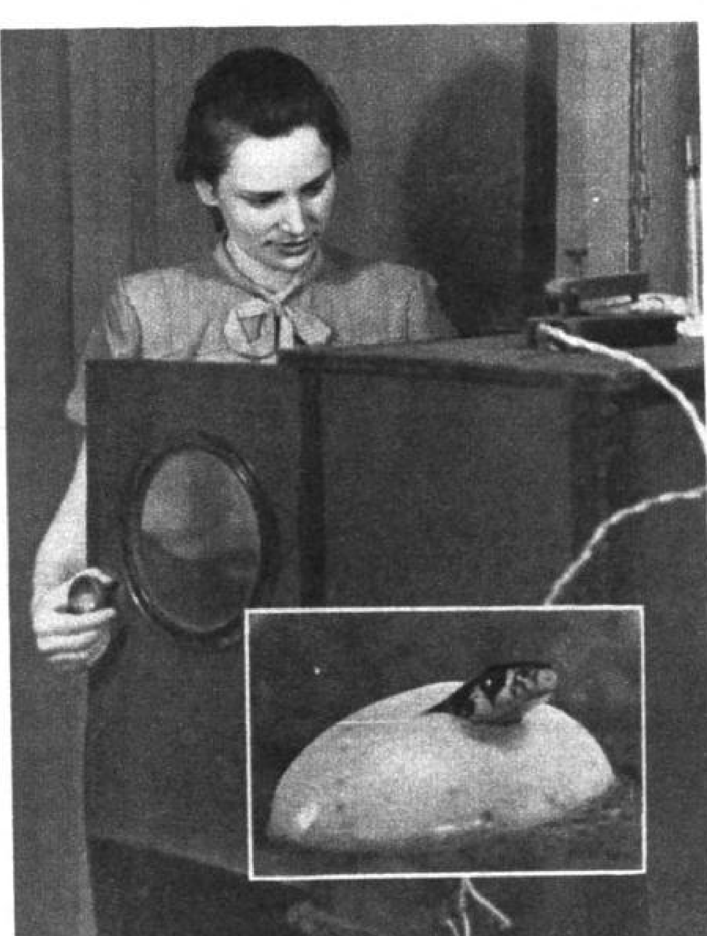

Момент состязания венгерских и советских спортсменок.

Встреча итальянских и болгарских баскетболисток. Мяч в корзине. Еще два очка в пользу болгарской команды.

ЗМЕИ-КУРОЕДЫ

В декабре 1951 года в Московский зоопарк прибыли змеи-куроеды, которых не было в зоопарке в течение последних 10 лет.

Куроед — неядовитая змея, достигающая в длину 2,5 м. Водится она в Южной Америке, питается грызунами, но предпочитает птиц.

18 декабря 1951 года в зоопарке куроед отложил яйца, немного меньше куриных, но более удлиненной формы. Из этих яиц в течение двух месяцев при температуре в 30° в термостате были выведены детеныши. При рождении маленькие куроеды весили по 25 г при длине в 40 см. Тотчас после вылупления они начали самостоятельный образ жизни. Питаясь лягушками, ящерицами и мышами, они быстро прибывают в весе и периодически линяют.

Фото А. Анжанова

ПОДСТАВКИ ДЛЯ ГОРОХА

Правильный уход за горохом требует не только удобрения почвы и поливки, но и умения так разместить растения, чтобы они ускоренно развивались и давали обильный урожай. Издавна огородники устраивали для этого горизонтальные подставки, делая их из любого доступного материала. Например, брали небольшой шест, обугливали его с одного конца, чтобы лучше сохранялся в почве, и вдоль шеста просверливали дыры, в которые вставляли прутья. Подставки вбивали в грядки на расстоянии около метра одну от другой.

При таких приспособлениях стебли гороха свободно цепляются за прутья, легко выбрасывают боковые побеги, растения хорошо освещаются солнцем. В результате горох не только быстрее созревает, но и урожай его увеличивается.

Подобного рода подставки можно использовать и для успешного выращивания цветов душистого горошка.

П. ЧУМАК

Их образ жизни

«ДЕМОКРАТИЯ»

Газета «Эстеррайхише цайтунг» публикует письмо американки, жены Вильяма Альбертсона, единственная «провинность» которого заключается в том, что он активный член Коммунистической партии США. Вот как описывает жизнь своей семьи эта женщина:

«Круглые сутки перед нашим домом стоят две машины. Третья находится возле гаража. В каждой машине сидят по два или три человека. Кроме того и в соседних домах находятся агенты, наблюдающие за нашей квартирой. Улица, на которой мы живем, в буквальном смысле слова опустела. Соседи перестали раскланиваться друг с другом. Потупив глаза, они быстро проходят один мимо другого, чтобы не навлечь на себя подозрения. Каждого человека, посещающего нашу квартиру, эти агенты тотчас же фотографируют. Если мой муж или сын идут к адвокату, за ними следуют по пятам. И там их в передней подкарауливают. Идут они в бюро партийной организации, их опять провожают до входа, а затем

поджидают. Шпики ходят за нами — за моим мужем, двумя сыновьями и за мной — в столовую, где мы обедаем, и сообщают там официантам, что мы находимся под надзором полиции. Недавно они за мной даже на рынок ходили...»

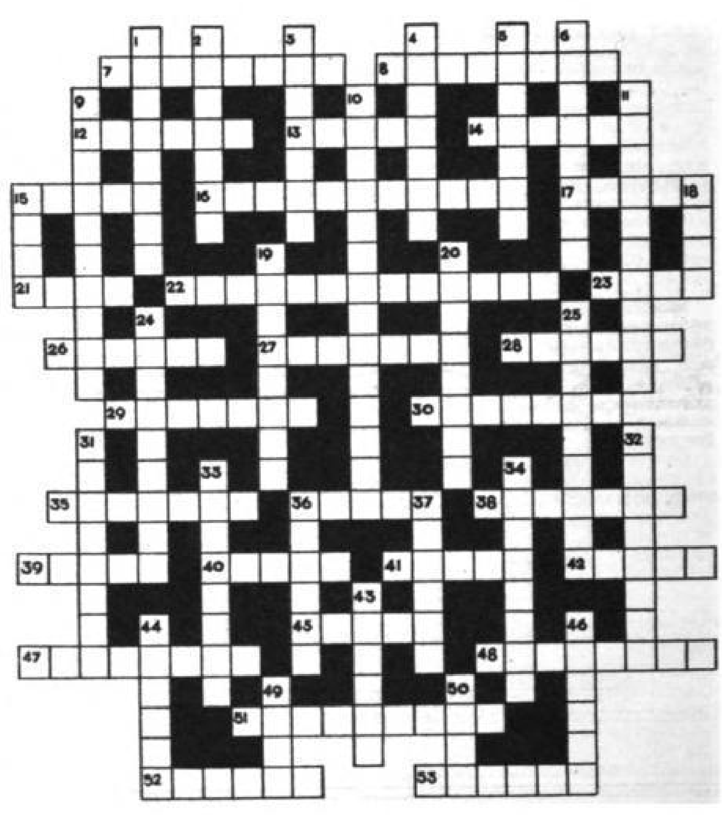
«ЖИВОПИСЬ»

На выставке «Цветная графика», показанной в ряде крупных городов Западной Германии, одна из посетительниц обнаружила, что гравюра на дереве под названием «Полдень» повешена низом вверх. Ошибка была замечена администрацией лишь после того, как посетительница спросила, почему подпись автора картины, некоего Гризхабера, находится вверху и перевернута. Эта дикая мазня недавно получила в Баден-Бадене вторую премию.

(«Форвертс». Германская Демократическая Республика).

Рисунки В. ВАСИЛЬЕВА

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Основа железобетонных сооружений. 8. Беспокойство, тревога. 12. Дерево из семейства буковых. 13. Трос, канат. 14. Приток Волги. 15. Указатель мели. 16. Плавание, рейсы судов. 17. Давление, нажим. 21. Лестница на судне. 22. Искусственный водоем. 23. Приток реки Ветлуги. 26. Сборка и установка машин. 27. Человек моложе другого на год. 28. Часть метра. 29. Топливо для двигателей. 30. Очень твердый камень. 35. Степная птица. 36. Механизм. 38. Наследственное семейное наименование. 39. Совокупность сооружений для постройки и ремонта судов. 40. Утес. 41. Заливной луг. 42. Химический элемент. 45. Стремительно текущая водная масса. 47. Известный русский художник. 48. Часть библиотечного помещения. 51. Совокупность гидротехнических и гидроэлектрических сооружений. 52. Водоизмещение судна. 53. Основная часть горной местности.

По вертикали:

1. Поливка. 2. Город в Ростовской области. 3. Раздолье. 4. Передовой пункт. 5. Специалист по разведению лесов. 6. Место разведения и выращивания растений и животных. 9. Машина для производства земляных работ. 10. Коренное изменение. 11. Водохранилище на трассе Волго-Донского канала. 15. Боковая стенка судна. 18. Небольшой лиственный лес. 19. Совокупность, сочетание явлений или событий. 20. Частица с отрицательным электрическим зарядом. 24. Работник, возводящий здания, сооружения. 25. Специальность. 31. Уровень. 32. Специально устроенное место на берегу для причала судов. 33. Словарь. 34. Обеспечение, ручательство. 36. Грунт, измельченный путем обработки водой. 37. Соединение деталей в одно целое: машину, механизм, прибор. 43. Часть электрической машины. 44. Строительный материал. 46. Областной город в РСФСР. 49. Созвездие. 50. Резонансная доска в музыкальных инструментах.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 22

По горизонтали:

7. Гидродинамика. 9. Местожительство. 11. Стакан. 14. Индиго. 16. Анабиоз. 19. Умов. 20. Гуно. 21. Аорта. 22. Крыло. 23. Урал. 24. Виза. 25. Детство. 26. Соната. 28. Корица. 33. Александровская. 36. Черноиваненко.

По вертикали:

1. Огре. 2. Одетта. 3. Вожжи. 4. Марля. 5. Диксон. 6. Гаев. 8. Иота. 9. Метаморфоза. 10. Организация. 12. Кувалда. 13. Награда. 14. Избыток. 15. Договор. 17. Акант. 18. Иркут. 27. Токарь. 29. Оксана. 30. Вазов. 31. Гдов. 32. Тонна. 34. Лача. 35. Атом.

В этом номере помещены шесть страниц цветных фотографий и схема Волго-Донского судоходного канала и сети оросительных каналов.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, К. В. СМИРНОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А 04407. Подп. к печ. 27/V 1952 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 500 000. Изд. № 411. Зак. № 1234. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

...И пришло синее море к самому старику.

Попался на зуб!

На водах!

...И за борт ее бросают в набежавшую волну

Последняя радиограмма.

...Тонем... прощайте... поминайте лихом тчк суслик цимлянский.

Рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА.

Цена номера 3 руб.